

Annotation

- [Головнин Василий Михайлович](#)
    -
-

Головнин Василий Михайлович

**Описание примечательных
кораблекрушений, в разные
времена претерпенных
русскими мореплавателями**

ОПИСАНИЕ
ПРИМЪЧАТЕЛЬНЫХЪ
КОРАБЛЕКРУШЕНІЙ,
ВЪ РАЗНЫЯ ВРЕМЕНА ПРЕТЕРПЪННЫХЪ
РОССІЙСКИМИ МОРЕПЛАВАТЕЛЯМИ.

СОБРАНЫ, ПРИВЕДЕНЫ ВЪ ПОРЯДОКЪ И ПОПОЛНЕНЫ
ПРИМЪЧАНИЯМИ И ПОЯСНЕНИЯМИ
флота Капитанъ-Командоромъ ГОЛОВНИНЫМЪ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ,

служащая продолженіемъ

КЪ ОПИСАНІЮ
КОРАБЛЕКРУШЕНІЙ,

ПРИМЪЧАТЕЛЬНЫХЪ

Г. Дункена.

Напечатано по повелѣнію Государственнаго
Адмиралтейскаго Департамента.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,

УДОСТОЕНО МОРСКИМЪ УЧЕНЫМЪ КОМИТЕТОМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи. Н. Греча.

1853.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 12-го Іюля 1852 года.

Ценсоръ *А. Крыловъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

Гибель 74-хъ-пушечнаго корабля Принцъ Густавъ, подъ начальствомъ Капитана Трескина и подъ флагомъ Контръ-Адмирала Карцова, у норвежскихъ береговъ, 4-го Ноября 1798 года

Бѣдственное и крайне опасное положеніе корабля Ретвизанъ, подъ начальствомъ Капитана Грейга, на мели при входѣ въ портъ Гелдеръ, что у острова Текселя, въ Августъ 1799 года

Крушеніе Россійско-Американской Компаніи судна Святой Николай, подъ начальствомъ Штурмана Булыгина, при сѣверо-западныхъ берегахъ Америки, въ широтѣ около 47 1/2 град., у острова, названнаго Ванкуверомъ Destruction island (Пагубный Островъ) 1-го Ноября 1808 года

Крушеніе военнаго брига Диспачъ, подъ начальствомъ Капитанъ-Лейтенанта Касливцова, у береговъ острова Ругена, въ ночи съ 5-го на 6-е Октября 1805 года

Крушеніе корвета флора, подъ начальствомъ Капитанъ-Лейтенанта Кологривова, погибшаго въ ночи

на 28-е Января 1807 года, въ Средиземномъ Морь у береговъ албанскихъ

Гибель Россійско-Американской Компани корабля Нева, на сѣверозападномъ берегу Америки, у Мыса Эджкома, къ широтъ 50° 11', 9-го Января 1813 года

Гибель Россійскаго Императорскаго фрегата Поллюксъ, подъ начальствомъ Капитанъ-Лейтенанта Тротскевича, близъ острова Унаса, 25-го Октября 1809 года

Крушеніе 74-хъ-пушечнаго корабля Тольская Богородица, на Черномъ Морѣ, у береговъ Мингреліи, при устьѣ рѣки Копи, 8-го Декабря 1804 года

Крушеніе Россійскаго военнаго брига Фалькъ, погибшаго у Толбухина Маяка, въ семи верстахъ отъ Кронштадта, 20-го Октября 1818 года. 86 Разбитіе Русскаго военнаго корабля у береговъ Швеціи, въ 1771 году 93 Крушеніе 48-ми-пушечнаго фрегата Герой, погибшаго 21-го Сентября 1808 года, въ Балтійскомъ портѣ, гдѣ онъ сталь на мель при снятіи съ якоря

Гибель 44-хъ-пушечнаго фрегата Аргусъ, у Кокшкарскаго Маяка, 22-го Октября 1808 года

Бѣдственное положеніе корабля Нева, ставшаго на коралловую мель, въ ночи съ 15-го на 16-е Октября 1805 года, въ Сѣверномъ Великомъ Океанѣ

ОПИСАНІЕ ПРИМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ КОРАБЛЕКРУШЕНІЙ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Гибель 74-хъ-пушечнаго корабля Принца Густава (*), подъ начальствомъ Капитана Трескина и подъ флагомъ

*Контръ-Адмирала Карцева (*), у норвежскихъ береговъ,
4-го Ноября 1798 года.*

(*) Этотъ корабль знаменитъ въ Исторіи Русскаго флота: въ 1788 году на немъ былъ взятъ въ плѣнь Шведскій Вице-Адмиралъ Вахмейстеръ въ сраженіи, происходившемъ между двумя флотами.

(**) Петръ Кондратьевичъ, въ послѣдствіи Адмиралъ, Государственнаго Совѣта и Адмиралтействъ-Коллегіи Членъ, Сенаторъ и Морскаго Кадетскаго Корпуса Директоръ.

Блаженной памяти Государь Императоръ Павелъ Первый, желая усилить морское Свое ополченіе, въ союзѣ съ Англичанами противъ общихъ враговъ дѣйствовавшее, повелѣлъ въ 1798 году, отправить въ Англію еще одну эскадру, долженствовавшую тамъ вступить подъ начальство Вице-Адмирала Макарова. Эскадра сія состояла изъ пяти кораблей и одного фрегата {

74-хъ-пушечный, Принцъ Густавъ, Капитанъ Трескинъ,

74" " Св. Петръ " Галль,

74" " Софія Магдалина" Штейнгель,

74" " Алексѣй" Борисовъ,

66-ти" Изяславъ " Клокачевъ,

44-хъ-пуш. Фрег. Рига" Ф. Быченскій.}, и была Высочайше ввѣрена начальству Контръ-Адмирала Карпова.

Въ слѣдствіе сей Монаршей воли, Г. Контръ-Адмиралъ, подмявъ свой флагъ на корабль "Принцъ Густавъ", 21-го Августа 1798 года отправился со всею эскадрою въ путь съ ревельскаго рейда, и не встрѣтивъ ничего достопримѣчательнаго, 31-го числа прибылъ на копенгагенскій рейдъ, откуда вышелъ 12-го Сентября, и

того же дня сталъ на якорь въ Гельсинерфъ. Здѣсь, для полученія лоцмановъ {Наши корабли, слѣдуя Англичанамъ, брали лоцмановъ для Сѣвернаго, или Нѣмецкаго Моря.} и исправленія разныхъ другихъ надобностей, эскадра простояла пять дней, а 17-го числа, при ровномъ юговосточномъ вѣтрѣ, снялась съ якоря, и менѣе чѣмъ въ сутки прошла Каттегатомъ: 18-го числа, въ четыре часа по полудни, она находилась уже сѣвернѣе мыса Скагена; но на этомъ мѣстѣ, казалось, судьба изрекла; *здѣсь предѣль, его же не преjdeши!* Благополучное плаваніе эскадры кончилось: вѣтеръ постепенно сталъ усиливаться, а въ девятомъ часу вечера нашель отъ W прежестокій порывъ, и покрылъ корабли такую пасмурностью, что не взирая на близкое между ими разстояніе, они другъ друга не могли видѣть. За порывомъ послѣдовала съ той же стороны ужасная буря, которая вскорѣ заставила корабли закрѣпить марсели.

19-го числа буря свирѣпствовала съ прежнею жестокостью, и произвела такое сильное волненіе, что на корабль "Принцъ Густавъ" повредился бушпритъ и гальюнъ; а сверхъ того, въ носовой части и около грузовой ватеръ-линей открылась течь, и вода прибывала по десяти дюймовъ въ часъ. Положеніе адмирала было весьма неприятное, но еще болѣе безпокоился онъ объ участи другихъ судовъ эскадры, ибо на сигналы его: *показать свои мѣста*, не отвѣчалъ никто. На другой уже день, когда пасмурность уменьшилась, показались подъ вѣтромъ два корабля {Софія Магдалина и Изяславъ.} и фрегатъ, къ которымъ онъ тотчасъ спустился; но нашедшая снова густая мрачность скрыла ихъ вновь.

Около полуночи на 21-е число, вѣтеръ, не перемѣняясь въ жестокости, перемѣнился въ направленіи, и сдѣлался отъ сѣвера, попутный въ Англію. Тогда адмиралъ велѣлъ править на W, и въ то

же время сигналомъ приказалъ кораблямъ показать свои мѣста; нашлось, что съ нимъ были корабль "Софія Магдалина" и фрегатъ, а "Изяславъ" и по разсвѣтѣ не показывался.

22-го числа буря смягчилась, и потомъ, утихая понемногу, уступила мѣсто штилю. Адмиралъ, пользуясь благопріятствомъ обстоятельствъ, старался, сколько было возможно, исправить поврежденія своего корабля, и привести оный въ безопасное положеніе. Капитанъ Трескинъ, по внимательномъ осмотрѣ корабля, нашель, что въ носовой части подъ баргоутомъ, на обѣихъ сторонахъ въ настоящей обшивкѣ, выбило конопать на четыре сажени въ длину; также была выбита или выжата пѣнька у двухъ баргоутныхъ досокъ въ шпунтахъ, подлѣ форъ-штевня. Все это тотчасъ законопатили, а гальюнъ и бушпритъ укрѣпили найтовами. Между тѣмъ течь прежде была по десяти, а когда стихло, но шести дюймовъ въ часъ. Послѣ тишины насталь опять противный вѣтеръ, который потомъ усилился, и 24-го числа началъ снова вредить эскадрѣ и умножать течь въ корабляхъ. Адмиралъ, зная долговременными опытами, какъ продолжительны и пагубны бываютъ здѣсь западные вѣтры въ осеннее время, поступилъ весьма благоразумно, рѣшась зайти въ одинъ изъ норвежскихъ портовъ, гдѣ могъ бы исправить поврежденія, и простоять, пока свирѣпствуютъ противные вѣтры. На сей конецъ, приблизившись къ берегамъ, взялъ онъ лоцмановъ, и вошелъ въ заливъ Мандель, вмѣстѣ съ кораблемъ "Софіею Магдалиною" и фрегатомъ. При входѣ же въ портъ видѣли они корабль "Св. Петръ," лавировавшій подлѣ береговъ Норвегіи, безъ форъ-стенги и съ изорваннымъ гротъ-марселемъ. Усмотрѣвъ адмирала, онъ донесъ ему сигналомъ о своихъ поврежденіяхъ, и въ отвѣтъ получилъ приказаніе; *ИТТИ въ способный портъ.*

Хорошо отъ всѣхъ вѣтровъ закрытый, безопасный портъ доставилъ эскадрѣ случай исправить свои поврежденія. Контръ-Адмиралъ Карцовъ и Капитанъ Трескинъ, мореходцы опытные и искусные, не упустили ничего, чѣмъ только можно было поправить и укрѣпить корабль свой, и привести его въ состояніе совершить безопасно переходъ въ Англію. Корабль "Принцъ Густавъ" былъ крененъ на обѣ стороны; всѣ пазы, лишившіяся конопати, были законопачены снова. Водорѣзь, гальюнъ и бушпритъ укрѣпили найтовами; словомъ сдѣлано было все возможное по обстоятельствамъ. Послѣ сихъ поправокъ корабль сталъ течь только по два дюйма въ часъ.

Начальникъ эскадры, ревнуя съ точностью и со всею возможною поспѣшностью исполнить Монаршую волю, при первомъ удобномъ случаѣ вышелъ изъ залива съ судами, при немъ бывшими; но едва успѣлъ удалиться отъ него на нѣсколько миль, какъ опять встрѣтили его противные крѣпкіе вѣтры, и тотчасъ причинили кораблямъ новыя поврежденія. Адмиралъ видѣлъ, что борьба его съ стихіями была вовсе бесполезна; въ плаваніи не доставляла она ему ни какого успѣха, а могла только болѣе ослабить корабли, и подвергнуть ихъ гибели, и потому разсудилъ вторично зайти въ безопасную гавань. На сей разъ убѣжищемъ ему послужилъ норвержскій портъ Эквогъ, въ которомъ крѣпкіе вѣтры съ южной стороны продержали его почти цѣлый мѣсяцъ, и онъ вышелъ не прежде 28-го Октября: "Софія Магдалина" и фрегатъ ему сопутствовали.

Вѣтеръ былъ попутный; эскадра правила къ Англіи, и 29-го числа находилась уже на Доггеръ-банкѣ. Въ то время вѣтеръ сталъ дуть порывами, и часто переменялся, а на другой день, утвердись на румбѣ WNW, началъ усиливаться: тогда же огромная зыбь предзнаменовала бурю, которая со всею яростью настала въ третьемъ часу пополудни. Ужасный сей

штормъ повлекъ съ собою дождь и пасмурность, и адмираль потерялъ изъ виду свою эскадру. Что же принадлежитъ до его корабля, "Принцъ Густавъ," то онъ, кромѣ нижнихъ, не могъ нести ни какихъ другихъ парусовъ, и вскорѣ отъ чрезвычайной качки и многихъ поврежденій, получилъ столь сильную течь, что экипажъ, дѣйствуя всѣми помпами, едва могъ отливать воду. Капитанъ Трескигъ, неусыпный въ своей должности, свидѣтельствуя всѣ части корабля, вскорѣ нашель, что въ носу концы обшивныхъ досокъ, вышедши изъ шпунтовъ, оставляли водѣ свободный проходъ, которымъ она лилась съ такимъ стремленіемъ, что даже слышно было ея журчаніе. Это крайне опасное положеніе корабля угрожало всему экипажу неизбежною гибелью; оставалась нѣкоторая надежда на помпы, но и та скоро исчезла; ибо звенья цѣпей отъ безпрестаннаго дѣйствія начали ломаться. Капитанъ и Офицеры, не теряя ни мало присутствія духа, прилагали неусыпное стараніе содержать помпы въ исправности, и ломанныя звенья немедленно замѣняли новыми; но, не смотря на то, воды въ трюмъ часъ отъ часа становилось болѣе, а въ пять часовъ вечера поднялась она уже выше четырехъ футъ. Такая пагубная течь возлагала на адмирала обязанность принять нужныя мѣры для спасенія экипажа. Употребивъ всѣ способы, какіе только опытность и совершенное знаніе морскаго искусства могли изобрѣсти для отвращенія течи, и не получивъ отъ нихъ ни какого успѣха, адмираль прибѣгнулъ къ послѣднему средству: приказалъ спуститься отъ вѣтра, и править къ Мысу Фланборгетъ, чтобъ укрыться въ гавани.

31-го Октября вѣтеръ часто перемѣнялся, однако жъ на послѣдокъ опять утвердился на румбѣ WNW, только дулъ уже умѣренно. Въ три часа пополудни съ корабля "Принцъ Густавъ" увидѣли къ Ю трехмачтовое судно; адмираль тотчасъ къ нему

спустился, и вскорѣ послѣ того, къ неизъяснимой радости всего экипажа, открылось, что это былъ корабль "Изяславъ," которому тогда же сигналомъ повелѣно было: *держаться близь адмиральскаго корабля*: большая течь въ послѣднемъ требовала этой осторожности. Вѣтеръ, между тѣмъ, началъ утихать, и 1-го Ноября, перешедши къ НО, сдѣлался совсѣмъ тихимъ; но течь въ корабль ни сколько не уменьшалась; по этой причинѣ Капитанъ Трескинъ, обращая бдительное вниманіе на все, происходившее въ его корабль, и безпрестанно осматривая всѣ части, нашель и донесъ адмиралу, что, кромѣ прежней течи, открылась еще другая съ обѣихъ сторонъ въ подводной части противъ средняго лага водяныхъ бочекъ, и столь опасная, что въ трюмѣ даже слышно, какъ бѣжить вода. Адмиралъ, желая испытать всѣ возможныя средства для спасенія корабля, далъ приказаніе подвести подъ него паруса, *нашпигованные* пенькою, которые во всякомъ другомъ случаѣ могли бы совершенно соотвѣтствовать своей дѣли, но теперь большою зыбью корабль качало такъ сильно, что ихъ тотчасъ изорвало. Къ несчастію, и помпы отъ безпрерывнаго дѣйствія начали чаще портиться, и запасныхъ матеріаловъ для починки ихъ почти совсѣмъ не осталось. И такъ, для спасенія корабля, предстояло только одно средство: войти скорѣе въ портъ; но противные тихіе вѣтры и теченія отъ береговъ препятствовали этому. На другой день во всѣ сутки экипажъ занимался безпрестаннымъ отливаніемъ воды; а 3-го числа корабль находился въ небольшомъ разстояніи {Въ *Собраніи Морскихъ Журналовъ* (Часть I. Стран. 119) сказано: "Въ разстояніи четырехъ нѣмецкихъ миль;" но это, безъ сомнѣнія, ошибка; ибо за двадцать восемь верстъ, на берегахъ, гдѣ ходитъ большой бурунь, пушечныхъ выстрѣловъ слышать нельзя, да и лоцмана въ открытое море на такое разстояніе, въ зимніе короткіе дни, ни за что не

отважатся ѣхать.} отъ мѣстечка Дроммель, на норвежскомъ берегу, и для призыва лоцмановъ налилъ временно изъ пушекъ; ко никто къ нему не пріѣхалъ.

4-го Ноября корабль находился также вблизи береговъ, и пушечными выстрѣлами требовалъ помощи, но тщетно. Между тѣмъ положеніе его становилось ежеминутно отчаяннѣе: вода, можно сказать, уже не прибывала въ корабль, а лилась въ него, ибо течь дошло почти до десяти футовъ въ часъ {Въ *Собраніи Морскихъ Журналовъ* (Часть I. Стран. 119) сказано: "прибываніе воды дошло до двухъ дюймовъ въ минуту."}; всѣ помпы испортились; люди, отъ безпрестанной и продолжительной работы, потеряли силы: словомъ, не оставалось ни какихъ способовъ отливать воду, слѣдовательно и средствъ спасти корабль. Въ этомъ-то крайнемъ, совершенно отчаянномъ положеніи, когда уже и самая надежда оставила бѣдствующихъ, но не прежде, желаніе адмирала не оставлять корабля уступило его долгу, и онъ рѣшился спасти экипажъ. На сей конецъ былъ призванъ сигналомъ на адмиральскій корабль командиръ корабля Изяслава {Капитанъ Клокачевъ, бывшій въ послѣдствіи Вице-Адмираломъ и Генераль-Губернаторомъ трехъ сѣверныхъ губерній.}. Тогда, собравъ всѣхъ офицеровъ, адмиралъ составилъ совѣтъ, въ которомъ единогласно признано было, что для спасенія экипажа не остается другаго средства, какъ оставить корабль "Принцъ Густавъ," и переѣхать на "Изяславъ." Въ слѣдствіе сего опредѣленія, тогда же приступили къ исполненію: въ полдень спустили на воду съ обоихъ кораблей всѣ гребныя суда, и начали перевозить людей: при семъ случаѣ, къ чести офицеровъ должно сказать, никто не помышлялъ о своемъ имуществѣ; они слѣдовали примѣру безкорыстнаго и великодушнаго своего адмирала. Въ шестомъ часу вечера Капитанъ Трескинъ, исполнивъ

совершенно свой долгъ по званію корабельнаго командира, съ преисполненнымъ горести сердцемъ, послѣдній оставилъ утопающій корабль свой, въ которомъ тогда было двѣнадцать футовъ воды. Вскорѣ послѣ того вѣтеръ повѣялъ отъ сѣвера, и дулъ тихо. Изяславъ, по повелѣнію адмирала, во всю ночь держался подлѣ оставленнаго корабля, который въ девятомъ часу скрылся въ темнотѣ, а поутру его уже не видали: во время ночи онъ, безъ всякаго сомнѣнія, погрузился въ морскую бездну.

Провидѣніе, благотворившее экипажу корабля "Принцъ Густавъ," какъ бы нарочно укротило бурю на короткое время, чтобъ дать только ему возможность найти свое спасеніе на другомъ кораблѣ; ибо 5-го числа сдѣлался опять прекрѣпкій вѣтеръ отъ сѣверо-востока. Слѣдовательно о кораблѣ "Изяславъ," по всей справедливости, можно сказать то, что сказалъ о немъ достопочтенный и краснорѣчивый исторіографъ нашего флота {Адмиралъ, Членъ Государственнаго Совѣта, Президентъ Россійской Академіи и Членъ Адмиралтейскаго Департамента Александръ Семеновичъ Шишковъ, въ *Собраніи Морскихъ Журналовъ*.}): "явился онъ (Изяславъ), какъ нѣкій ниспосланный съ небесъ ангель-хранитель для спасенія шести сотъ человѣкъ."

Пользуясь попутнымъ вѣтромъ, адмиралъ спѣшилъ исполнить данное ему Высочайшее именное повелѣніе, а потому приказалъ править къ берегамъ Англіи, и вскорѣ, прибывъ на ярмутскій рейдъ, вступилъ подъ начальство Главнокомандующаго Россійской вспомогательной эскадры, Вице-Адмирала Макарова {При чтеніи описанія сего кораблекрушенія естественно долженъ родиться вопросъ: какъ могло случиться, что для плаванія по морямъ бурнымъ и на долгое время послали такой слабый и худо скрѣпленный корабль? На это могутъ дать отвѣтъ только порто-начальники и

кораблестроители того времени; а мы станемъ надѣяться, что при нынѣшнемъ попеченіи правительства о приведеніи въ совершенство морскихъ военныхъ силъ, и наши мореплаватели никогда не будутъ доведены до такой крайности.}

Бѣдственное и крайне опасное положеніе корабля Ретвизана {Шведскій корабль, взятый въ 1790 году на погонѣ фрегатомъ Венусомъ, подѣ начальствомъ Капитана (въ послѣдствіи Адмирала) Кроуна.}, подѣ начальствомъ Капитана Грейга {Алексѣй Самойловичъ, бывшій потомъ Адмираломъ и Главнымъ Командиромъ Черноморскаго флота и Портовъ.}, на мели при входѣ въ портъ Гелдеръ, что у острова Тексея, въ Августѣ 1799 года.

Въ Августѣ 1799 года Англійскій флотъ, вспомошествоуемый союзною ему нашею эскадрой, высадилъ войска на голландскіе берега, между мѣстечками Кисъ-доуномъ и Камперъ-доуномъ, и овладѣлъ укрѣпленіями мыса Гелдера. На рейдѣ предѣ симъ мысомъ находилась тогда голландская эскадра, состоявшая изъ осьми линѣйныхъ кораблей, трехъ фрегатовъ и одного шлюпа. Чтобъ взять эту эскадру, надлежало атаковать ее морскою силою. Исполненіе сего предпріятія было возложено на Вице-Адмирала Митчеля, которому для того поручено было въ начальство восемь англійскихъ линѣйныхъ кораблей; но главнокомандующій всего ополченія, Адмиралъ Дункенъ, желая, чтобъ Русскіе имѣли случай раздѣлиться славу подвига съ его соотечественниками, предписалъ командующему союзной эскадры, Вице-Адмиралу Макарову, назначить изъ оной два корабля для содѣйствія Англичанамъ. Вице-Адмиралъ избралъ

корабли Ретвизанъ и Мстиславъ, подъ начальствомъ Капитановъ Грейга и Моллера {Антонъ Васильевичъ, въ послѣдствіи Адмиралъ, Морской Министръ.}, которые тотчасъ вступили подъ команду Вице-Адмирала Митчеля.

19-го Августа былъ день, назначенный Вице-Адмираломъ Митчелемъ для нападенія на непріятеля, и союзная эскадра въ пять часовъ утра, при попутномъ вѣтрѣ и теченіи, пошла, такъ называемымъ, большимъ проходомъ, къ острову Текселю. Но какъ въ этомъ проходѣ Голландцами сняты были всѣ баканы, и направленіе теченій между мелями Англичанамъ неизвѣстно, то путь сей подвергалъ эскадру большой опасности. Передовымъ кораблемъ въ боевой линіи былъ Глагонъ, который, при одномъ изгибѣ прохода, коснулся мели, но, по малому своему углубленію, прочертилъ только по ней килемъ, и избѣжалъ опасности; а корабль Ретвизанъ, второй въ линіи, шедшій непосредственно за Глатономъ, будучи грузнѣе его, сталъ плотно на мель; прочіе же корабли, увидѣвъ опасность, легко могли уже миновать ее, вышедши на настоящій фарватеръ, кромѣ корабля Америки и фрегата Латоны, которые, но близости Ретвизана, также стали на мель.

Въ слѣдующую ночь вѣтеръ усилился, и Ретвизанъ находился на краю гибели; капитанъ его, въ своемъ до несеніи говоритъ: "Я находился въ совершенно отчаянномъ состояніи, и спасся не иначе, какъ особливимъ Божіимъ милосердьемъ." А я къ тому утвердительно {Я тогда находился флагъ-Офицеромъ при Вице-Адмиралѣ Макаровѣ, слѣдовательно имѣлъ случай знать состояніе каждаго корабля, бывшаго въ вспомогательной эскадрѣ; а будучи употребляемъ къ переводамъ и въ сношеніяхъ Главнокомандующаго съ англійскими адмиралами, я зналъ также хорошо и ихъ мнѣніе о каждомъ изъ нашихъ кораблей и

капитановъ.}, могу присовокупить, что корабль Ретвизанъ, послѣ всесильной помощи Божіей, безъ коей всѣ наши усилія бывають тщетны, обязанъ своимъ спасеніемъ присутствію духа и искусству своего начальника, твердости и непоколебимому усердію офицеровъ, расторопности нижнихъ чиновъ и вообще рѣдкому порядку и дисциплинѣ, существовавшему на семъ кораблѣ во всю кампанію. При семъ случаѣ особенно содѣйствовали Капитану Грейгу, и отличились Капитанъ-Лейтенантъ Быченскій {Михайло Тимоѣевичъ, въ послѣдствіи Адмиралъ въ Черноморскомъ флотѣ.}, первый Лейтенантъ Миницкій {Степанъ Ивановичъ, въ послѣдствіи Генераль-Интендантъ флота.} и Лейтенантъ Хвостовъ {Николай Александровичъ Хвостовъ, извѣстный по *Двукратному путешествію морскихъ офицеровъ въ Америку.*}. Бѣдственное положеніе Ретвизана описано уже краснорѣчивымъ перомъ знаменитаго нашего исторіографа флотовъ {См. *Собраніе Морскихъ Журналовъ*, часть 2-я, стр. 108.}, притомъ съ такою справедливостью, что мнѣ остается только помѣстить здѣсь описаніе его почти отъ слова до слова.

"Двукратное стояніе на мели корабля Ретвизана, и наипаче въ этотъ второй разъ, было столь бѣдственное, что весьма любопытно {Любопытно, а для морскихъ офицеровъ сверхъ того и полезно имѣть такой поучительный примѣръ предъ глазами.} знать о подробностяхъ сего несчастнаго происшествія. Мы помѣстимъ здѣсь описаніе объ ономъ, почерпнутое частію изъ журнала сего корабля, частію же изъ рассказовъ и записокъ бывшихъ на немъ офицеровъ. По занятіи сухопутными войсками всѣхъ на Гельдеръ береговыхъ укрѣпленій, Вице-Адмиралъ Митчель на канунъ снятія своего съ якоря, получа, какъ мы уже то видѣли, на всѣ корабли свои лоцмановъ, рано поутру, при вѣтрѣ SWtS, вступилъ подъ паруса, и направилъ

путь свой къ NNO. Корабль Ретвизанъ въ линіи былъ вторымъ, и шель за Глатономъ. Вскорѣ по вступленіи ихъ подъ паруса, на кораблѣ Вице-Адмирала Митчела сдѣланъ былъ сигналъ: *приготовиться къ сраженію*. Въ шесть часовъ утра проходили они между мелями, имѣя при свѣжемъ вѣтрѣ до^ вольно скорый ходъ. Капитанъ корабля Ретвизана, всѣ Офицеры и лоцманъ находились тогда на шканцахъ. Капитанъ, почувствовавъ вдругъ прикосновеніе корабля къ мели, закричалъ; "руль на бордъ!" Но едва успѣлъ онъ произнести сіи слова, какъ уже корабль стукнулся и сѣлъ плотно на мель. Тогда было время прилива, и вода шла еще на прибыль. Тотчасъ начали крѣпить паруса, завозить верпъ и сигналами требовать помощи.

"Немедленно присланы были къ нимъ два шлюпа, именуемые Барбетъ и Дартъ; но какъ въ то же время одинъ изъ заднихъ англійскихъ кораблей, а именно Америка, сталъ также на мель, то шлюпъ Дартъ пошелъ на помощь къ нему, а Барбетъ неподалеку отъ нихъ легъ на якорь. Завезли на него два кабельтова, изъ которыхъ одинъ на шлюпъ, а другой на кораблѣ положили на шпиль. Тогда уже было восемь часовъ; начали общими силами вертѣть какъ сіи кабельтовы, такъ равно и кабельтовъ завезеннаго верпа; корабль тронулся съ мѣста, и сталъ понемногу двигаться; но вдругъ на шлюпъ, подумавъ, что онъ сошелъ уже съ мели, и опасаясь сближенія съ нимъ, тѣмъ паче, что и самый шлюпъ нѣсколько къ нему дрейфовало, перестали вертѣть шпиль, и отдали кабельтовъ. Корабль остановился.

"Надлежало употребить новыя силы и средства для вторичнаго покушенія стягивать оный; но, по несчастію, это было уже поздно; ибо во-первыхъ завезенный верпъ, частію отъ того, что ползъ по дну моря, частію же отъ движенія къ нему корабля, находился въ близкомъ отъ него разстояніи; во-вторыхъ вода,

достигнувъ уже до высочайшаго предѣла своего, начинала сбывать, и такъ должно было, оставя надежду снятія корабля съ мели до будущаго прилива, помышлять о томъ, чтобъ во время малой воды не повалило его на бокъ.

"Да позволено мнѣ будетъ прервать на время сіе описаніе, дабы сказать, сколь приключеніе сіе при таковыхъ обстоятельствахъ долженствовало быть горестно для находившихся на семъ кораблѣ офицеровъ: не столько опасность жизни, сколько соревнованіе къ славѣ ихъ беспокоило. Я не могу лучше и справедливѣе изобразить чувствъ ихъ, какъ помѣстивъ здѣсь точныя слова, взятыя мною изъ писанныхъ въ сіе самое время однимъ офицеромъ {Лейтенантомъ Хвостовымъ.} черныхъ записокъ, которыя нечаянно попались мнѣ въ руки: "Состояніе наше (пишетъ онъ) весьма несносно: всѣ корабли проходятъ мимо насъ, а мы стоимъ на мели, и служимъ имъ вмѣсто бакана. Вся наша надежда быть въ сраженіи и участвовать во взятіи Голландскаго флота исчезла! Въ крайнемъ огорченіи своемъ всѣ мы злились на лоцмана и осыпали его укоризнами; но онъ и такъ уже былъ какъ полумертвый. Англійскій корабль Америка сталъ на мель; это принесло намъ нѣкоторое утѣшеніе. Хотя и не должно радоваться чужой напасти, но многія причины насъ къ тому побуждаютъ: по крайней мѣрѣ Англичане не скажутъ, что одинъ Русскій корабль сталъ на мель, и можетъ быть, Митчель безъ двухъ кораблей не рѣшится дать баталіи, а мы между тѣмъ снимемся, и поспѣемъ раздѣлить съ ними славу {Въ послѣдствіи оказалось, что на счетъ славы забота офицеровъ корабля Ретвизана была напрасна; ибо начальникъ голландской эскадры, Контръ-Адмираль Стори, принужденъ былъ отдать ее Англичанамъ, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, потому, что, кромѣ его самого и офицеровъ, всѣ служители цѣлой эскадры

признали единодушно прежнее правительство и не хотѣли сражаться противъ союзниковъ Принца Оранскаго.}" Таковы были чувства ихъ, и они тѣмъ болѣе надѣялись на отложеніе до снятія ихъ атаки, что когда всѣ прошли мимо ихъ, и передовой корабль Глатонъ подходилъ къ Голландскому флоту, Вице-Адмиралъ Митчель сдѣлалъ ему сигналъ: *нейти далѣе*; и какъ онъ не взирая на то, продолжалъ еще путь свой, то вице-адмиралъ, при поднятіи вымпела его, повторилъ ему оный съ пушечнымъ выстрѣломъ. Послѣ чего Глатонъ легъ на якорь, и весь флотъ сдѣлалъ то же. Но обратимся къ кораблю Ретвизану.

"Предупреждая отливъ моря, и опасаясь, какъ выше сказано, чтобъ при сбытіи воды не повалило корабль на бокъ,- принуждены они были съ обѣихъ сторонъ его спускать за бордъ запасныя стенки и реи, привязывая къ нижнимъ концамъ ихъ по нѣскольку чугунныхъ баластинъ, а верхніе концы оныхъ упирая въ порты нижняго дека, и снайтовливая оные между собою такъ, чтобъ эти деревья могли служить подпорами кораблю, не допуская его при обмеленіи ложиться на бокъ {Нѣкоторымъ эти подробности могутъ показаться излишними, напримѣръ замѣтятъ: "довольно было бы сказать: *корабль поставилъ стрѣлы, чтобъ его не повалило*; тутъ бы уже и разумѣлось, что баластъ былъ привязанъ, найтовы положены и проч., ибо всѣ морскіе знаютъ, какъ становятся подпоры, стрѣлами у насъ именуемая." Но я, съ моей стороны, думаю, что ни какая подробность, служащая къ наставленію молодыхъ офицеровъ, какъ поступать при кораблекрушеніяхъ, не можетъ быть лишнею, и горжусь тѣмъ, что мнѣніе мое о семъ предметѣ согласуется съ мнѣніемъ почтеннаго и ученаго нашего исторіографа.}. Многотрудная работа сія продолжалась до двухъ часовъ послѣ полудня. Въ это время, ожидая прибыванія воды, и не надѣясь на прежнія свои къ стягиванію средства, велѣли они на

случившуюся у нихъ по счастію лодку положить якорь плехтъ съ канатомъ, и сдѣлавъ завозъ, стали но немъ тянуться. Употребили всѣ свои силы: люди для способнѣйшаго дѣйствованія сняли съ себя платье, и въ однѣхъ рубахахъ вертѣли шпиль: всѣ измучились, но стянуть не могли; корабль подвинулся на одинъ только кабельтовъ. Глубины воды было вокругъ его слишкомъ три сажени.

"Между тѣмъ вѣтеръ, постепенно прибавляясь, развелъ великое волненіе, и корабль било о грунтъ съ такою силою, что едва можно было стоять на ногахъ. Капитанъ созвалъ всѣхъ офицеровъ и сдѣлалъ *консиліумъ*. Сначала полагали срубить мачты, но разсудили оставить это до нужнѣйшаго времени. Въ пятомъ часу оторвало отъ корабля одно изъ гребныхъ судовъ, на которомъ были три человѣка. Приключеніе это могло бы въ другое время произвести сожалѣніе о сихъ несчастныхъ; но въ это время невозможность снасти ихъ и собственная своя опасность не позволяли никому о томъ думать.

"Вскорѣ потомъ шлюпъ Барбетъ подрейфовало; онъ распустилъ паруса и ушелъ. Въ то же почти время сорвало съ якоря лоцманскую лодку, на коей было пятнадцать матросовъ съ Мичманомъ Александровымъ, и которую унесло въ Тексель. Въ шестомъ часу принуждены были спустить стеньги и реи панизь, производя безпрестанную изъ пушекъ пальбу, въ знакъ требованія помощи. Въ седьмомъ часу прислано къ нимъ было одно десантное судно, которое ни какого пособія подать имъ было не въ состояніи, кромѣ, въ случаѣ крайности, могло нѣсколько человѣкъ спасти. Они взяли его на багштовъ. Между тѣмъ время приближалось уже къ осьми часамъ вечера, и вода начала убывать: надлежало брать предосторожности, прибавляя новыя и укрѣпляя прежнія подпоры, дабы корабль не повалило на бокъ. Наконецъ не оставалось

ничего дѣлать. Дали людямъ выпить по чаркѣ вина и съѣсть по сухарю. Праздность еще болѣе умножала уныніе.

"Горизонтъ, отъемля остатокъ свѣта, начиналъ покрываться угрюмыми облаками и черными тучами. Въ десять часовъ налетѣлъ порывистый шкваль, который свирѣпость прежняго вѣтра болѣе усилилъ. Вскорѣ волненіе сдѣлалось подобно превеликимъ бѣлѣющимъ въ мрачности горамъ, нападающимъ на корабль съ ужасною лютостью. Совершенная темнота ночи, визгъ вѣтра, ревъ буруновъ, безпрестанная пушечная пальба, слышимая отъ претерпѣвающихъ подобное же бѣдствіе англійскихъ судовъ, и притомъ удары корабля о землю, потрясавшіе всѣ его члены, и отъ которыхъ, казалось, раздробляется онъ на части, удобны были самый твердый духъ привести въ трепеть и содроганіе. Скоро появилась въ немъ течь; люди, не отходя отъ помпъ, едва могли отливаться. Въ одиннадцатъ часовъ стоящее на багштовѣ десантное судно залило и поворотило вверхъ дномъ; для чего принуждены были отрубить багштовъ.

"Наступила полночь, и часъ пополуночи. Вода стала убывать. Тогда положеніе ихъ сдѣлалось еще худшимъ. Валъ, приподнимая корабль высоко и разверзаясь подъ нимъ, съ такою силою опускалъ его внизъ, что при жестокихъ его о неровный грунтъ ударахъ, не только всѣ члены его расходились, но и палубы гнуло, такъ, что ожидали ежечаснаго преломленія корабля, и что можетъ быть, корма его останется на мели, а носъ, оторвавъ, унесетъ въ море. Въ семь гибельномъ состояніи, ожидая ежеминутно конца и не видя ни какого къ спасенію средства, прибѣгнули однако жъ они еще къ нѣкоторому опыту: велѣли отдать канату въ той надеждѣ, что, можетъ быть, корабль подвинется и станетъ плотнѣе; чрезъ что удары его хотя нѣсколько уменьшатся, и можно будетъ получить надежду, что по

крайней мѣрѣ до разсвѣта его не разобьетъ. Отдали канату до полутора саженъ: корабль немного подвинулся, но тотчасъ остановился, и состояніе его ни мало не облегчилось.

"Въ три часа разрушеніе его казалось уже быть неминуемымъ: палубы начали трещать, полъ въ констапельской каютѣ приподняло, румпель переломился, руль и тиллеръ-транецъ повредило. Въ половинѣ четвертаго часа ужасъ ихъ еще болѣе умножился: они въ темнотѣ увидѣли влекомый по мелямъ сближающійся съ ними корабль Америку, который, какъ думать надлежало, былъ не въ лучшемъ ихъ состояніи. Въ это время отчаяніе у нихъ было всеобщее: никто уже не помышлялъ о своемъ спасеніи; вездѣ было единое приготовленіе къ смерти; люди стояли всѣ на колѣняхъ и съ горестными слезами приносили теплыя и послѣднія къ Всевышнему молитвы. Капитанъ, видя, что не остается уже ни какихъ къ спасенію корабля и людей способовъ, посоветовавшись съ офицерами, рѣшился, если не къ лучшему, то по крайней мѣрѣ къ скорѣйшему концу, перемѣнить безнадежное положеніе свое и предать себя на произволь судьбѣ. Для чего приказалъ отрубить канатъ, и распустилъ стаксели {Если бъ Капитанъ Грейгъ думалъ, что сей маневръ послужить *только къ скорѣйшему концу, а не къ лучшему*, то вѣрно не поторопился бы достигъ худаго конца; но онъ, какъ опытный мореходецъ, видѣлъ уже, что только и было одно средство спасти корабль и экипажъ; хотя средство это могло быть пагубно, но обстоятельства и положеніе корабля оправдывали оное; потому-то онъ и рѣшился отважиться на него, и не ошибся: успѣхъ увѣнчалъ его предпріятіе.}.

"Паруса наполнились: корабль двинулся и пошелъ, стуча о землю. Ужасна была его неподвижность, но движеніе его было еще ужаснѣе: громада эта,

лишенная руля, ставъ совершеннымъ игралищемъ свирѣпаго вѣтра и волненія, шествуетъ, безъ всякаго управленія, по мелямъ, влача съ собою подставы свои и раздирая килемъ своимъ дно моря; толстыя обшивныя доски отрываются отъ ней и позади ея всплываютъ вверхъ; казалось, что сильное треніе и удары въ скорости обнажатъ ее до самыхъ ребръ и наполнятъ водою; но рука Господня спасаетъ ихъ: ибо кто въ семъ совершенномъ отчаяніи могъ ожидать мгновенной переменны? Кто вообразить себѣ радость ихъ, когда они вдругъ почувствовали, что корабль ихъ сошелъ на глубину, и имѣетъ подъ собою одиннадцать сажень воды?

"Тотчасъ бросили якорь. Тогда начинало уже разсвѣтать. Немедленно приступили къ исправленію всего того, что могли, и капитанъ, видя, что Вице-Адмиралъ Митчель стоитъ еще на якорѣ, и думая, что онъ, по причинѣ уменьшенія двумя кораблями линіи своей, не вступаетъ въ сраженіе, тотъ же часъ, не смотря на чрезмѣрное корабля своего поврежденіе и на великое, послѣ столь страшнаго бѣдствованія, силь своихъ изнуреніе, послалъ къ нему рапортъ, что онъ снялся съ мели и вскорѣ мѣсто свое въ линіи заступитъ и бой начать готовъ. Черезъ краткое время, въ самомъ дѣлѣ, былъ уже онъ въ своемъ мѣстѣ {Это происшествіе съ кораблемъ Ретвизаномъ напомнило мнѣ тѣ счастливыя для Россійскаго флота времена, въ которыя оно случилось. Кто бы могъ повѣрить, чтобъ люди, взятые въ морскую службу, большею частію отъ сохи, и посланные съ береговъ какой нибудь рѣчки, озера, лужи, по волнамъ свирѣпаго океана, въ нѣсколько мѣсяцевъ сравнялись съ англійскими матросами, и даже часто въ манѣврахъ превосходили ихъ? Я не говорю уже о тѣхъ корабляхъ, гдѣ прилагаемо было особенное стараніе довести ихъ до совершенства; но даже и у капитановъ, не слишкомъ много обращавшихъ вниманія

на сей предметъ, экипажи ничѣмъ не хуже Англичанъ управлялись съ кораблями. Отчего же это происходило? Отъ охоты, съ какою тогда всѣ служили на корабляхъ. Въ сей эскадрѣ всѣ, отъ главнокомандующаго адмирала до послѣдняго матроса, были совершенно довольны своимъ состояніемъ. Капитаны и Офицеры гордились своею службою и порядкомъ и дисциплиною своихъ кораблей, хотѣли сравняться съ Англичанами, и безъ всякихъ инструкцій, предписаній, и проч., успѣвали въ своемъ желаніи. Охота къ службѣ до то.то простиралась, что нѣкоторые изъ капитановъ много неположенныхъ по штату вещей дѣлали на свой счетъ. Когда, бывало, чужой корабль снимался съ якоря, ложился на якорь, или дѣлалъ какой либо манѣвръ, офицеры оставляли обѣдъ и всякое дѣло, и выбѣгали съ зрительными трубками наверхъ, чтобъ только видѣть, замѣчать, перенимать, какъ что дѣлается; нижніе чины снимали съ нихъ примѣры. Словомъ во всѣхъ было какое-то особенное благородное честолюбіе превзойти другъ друга въ познаніи своей должности и искусства по службѣ. Мнѣ кажется, если не ошибаюсь, судя по собственнымъ моимъ чувствамъ, что для усовершенствованія какой либо части, не столько нужны деньги, предписанія и даже самые *планы* и *проекты* у какъ искусство вселять къ ней охоту: такъ сказать, облагородствовать часть, чтобъ занимающіеся ею гордились, а не краснѣли, что принадлежать къ ней, и отправляли свою должность точно *изъ чести и для чести.*}"

Крушеніе Россійско-Американской Компаніи судна Святаго Николая, подъ начальствомъ Штурмана Булыгина, при сѣверо-западныхъ берегахъ Америки, въ широтѣ около 47 1/2 град. у острова, названнаго

*Ванкуверомъ Destruction island (Пагубный Островъ), 1-го
Ноября 1808 года.*

Въ бытность мою (1810) въ Америкѣ, получилъ я отъ компанейскаго правителя, Коллежскаго Совѣтника Баранова, журналъ, въ которомъ описано это кораблекрушеніе однимъ изъ прикащиковъ Компаніи, находившимся на погибшемъ суднѣ. Прикащикъ сей, Тимоѣей Таракановъ, разумѣль изрядно мореплаваніе и былъ, какъ говорится, мужикъ смысленый и прямой, но *малограмотный*, и потому для уразумѣнія его журнала, я долженъ былъ нѣсколько разъ призывать его и другихъ бывшихъ съ нимъ промышленниковъ, для изъясненія мѣстъ темныхъ и непонятныхъ. Повѣствованіе ихъ весьма любопытно, и хотя, при самомъ кораблекрушеніи не было показано ни какого искусства или твердости, которыя могли бы служить примѣромъ и были достойны подражанія; но въ послѣдствіи Русскіе показали свой духъ и характеръ съ самой выгодной стороны. Замѣчанія ихъ о дикихъ сѣверо-западнаго берега Америки также весьма занимательны, и тѣмъ болѣе, что народъ сей еще очень мало извѣстенъ географамъ. По симъ причинамъ, въ лестной надеждѣ угодить просвѣщеннымъ читателямъ, я рѣшился приложить здѣсь, если можно такъ сказать, въ *переводѣ* весь журналъ Тараканова, котораго слогъ я перемѣнилъ совсѣмъ, но всѣ мысли и происшествія остались тѣ же безъ малѣйшей прибавки и безъ сокращенія. Въ семъ описаніи повѣствователемъ я поставилъ самага Тараканова, который о себѣ вездѣ говоритъ въ первомъ лицѣ.

"Компанейскій бригъ Святой Николай, на коемъ я находился въ званіи суперкарга, состоялъ подъ начальствомъ флотскаго штурмана офицерскаго чина Булыгина, и былъ назначенъ съ особыми порученіями

отъ Главнаго Правителя Колоній къ берегамъ Новаго Албіона. 29-го Сентября 1808 года отправились мы въ путь, а около 10-го Октября подошли къ мысу Жуанъ-де-фука, лежащему въ широтѣ 48° 22' {На англійскихъ картахъ Ванкувера положенъ онъ въ широтѣ 48° 25х, подъ именемъ *Льстиваго Мыса: Cape Flattery.*}. Тутъ безвѣтріе продержало насъ четверо сутокъ; потомъ повѣялъ легкій западный вѣтерокъ, съ которымъ шли мы по близости береговъ къ югу, и описывая оныя, клали на карту и дѣлали на нихъ наши замѣчанія. На ночь обыкновенно мы отъ берега нѣсколько удалялись, а днемъ подходили къ нему весьма близко, и въ это время пріѣзжало къ намъ много жителей на своихъ лодкахъ, такъ, что иногда число лодокъ у борта простиралось до нѣсколькихъ десятковъ и даже до ста. Впрочемъ онѣ были не очень велики: рѣдкія могли вмѣстить человѣкъ десять, а въ большей части изъ нихъ находилось по три и по четыре человѣка. Совсѣмъ тѣмъ однако жъ мы остерегались, и ни какъ не впускали на бригъ въ одно время болѣе трехъ человѣкъ. Эта предосторожность казалась намъ тѣмъ нужнѣе, что жители были вооружены. Многіе изъ нихъ имѣли даже ружья, а у другихъ были стрѣлы, сдѣланныя изъ оленьяго рога, желѣзныя копья безъ древокъ и костяныя рогатины, на длинныхъ шестахъ насаженныя: послѣднія походили на наши сѣнныя вилы. Сверхъ того имѣли они особаго рода оружіе, сдѣланное изъ китовой кости наподобіе косаря или турецкой сабли, длиною до полу-аршина, шириною въ два съ половиною дюйма, четверть дюйма въ толщину, и съ обоихъ краевъ тупое. Сначала мы ни какъ не могли догадаться, къ чему могло бы служить такое оружіе; но послѣ узнали, что оно употребляется при ночныхъ нападеніяхъ, столь обыкновенныхъ между здѣшними народами: пробравшись въ шалаши непріятельскіе, они бьютъ сими косарями сонныхъ враговъ своихъ по головамъ.

"Жители привозили къ намъ на продажу морскихъ бобровъ, оленьи кожи и рыбу. За большаго палтуса я имъ платилъ по ниткѣ въ четверть аршина голубыхъ корольковъ и по пяти и по шести вершковъ такого же бисера; но за бобровъ не только корольковъ или бисера не хотѣли они брать, но даже отвергали съ презрѣніемъ китайку и разные желѣзные инструменты, а требовали сукна, какое они видѣли на камзолахъ нашихъ промышленныхъ; но какъ мы его не имѣли, то и торговля наша не состоялась.

"Тихіе вѣтры и благопріятная погода продолжались нѣсколько дней; наконецъ, не припомню котораго числа, около полуночи сталъ дуть ровный вѣтеръ отъ SO, который къ разсвѣту усилился до степени жестокой бури. Начальникъ брига приказалъ закрѣпить всѣ паруса, кромѣ совсѣмъ зарифленнаго грота, подъ которымъ мы лежали въ дрейфѣ. Буря съ одинаковою силою свирѣпствовала трое сутокъ, изъ коихъ въ послѣднія дула отъ S. Потомъ, передъ разсвѣтомъ, вдругъ утихла, и наступила тишина; но зыбь была чрезвычайная, и туманъ покрылъ насъ совершенно. Вскорѣ по восхожденіи солнца туманъ исчезъ, и тогда показался намъ берегъ не далѣе трехъ миль отъ насъ; мы бросили лотъ: глубина пятнадцать сажень. Тишина не позволяла удалиться отъ опасности подъ парусами, а зыбь мѣшала употребить буксиръ или весла; она же прижимала насъ ближе и ближе къ берегу, къ которому, наконецъ, подвинуло насъ такъ близко, что мы простыми глазами весьма явственно могли видѣть птицъ, сидѣвшихъ на каменьяхъ. Мы въ это время находились, по нашему счисленію, противъ бухты, именуемой жителями Клоукоты, южный мысъ коей лежитъ въ широтѣ 49° и нѣсколькихъ минутъ {Около сей широты есть много заливовъ и потому неизвѣстно, который изъ нихъ жители называютъ Клоукоты.}. Американскіе корабли въ тихіе вѣтры часто заходятъ въ

сію бухту, но въ бурю или при большомъ волненіи такое покушеніе было бы сопряжено съ крайнею опасностью. Гибель брига казалась намъ неизбежною, и мы ежеминутно ожидали смерти, доколѣ Божіимъ милосердіемъ не повѣялъ сѣверо-западный вѣтеръ, пособившій намъ удалиться отъ береговъ. Но вѣтеръ сей, поблагопріятствовавъ намъ шесть часовъ, превратился въ ужасную бурю, и заставилъ лечь въ дрейфъ, убравъ всѣ паруса. Послѣ того, какъ буря укротилась, вѣтры дули съ разныхъ сторонъ и съ разною силою, а мы, пользуясь оными, подавались къ югу*

"29-го Октября, при умѣренномъ западномъ вѣтрѣ, приблизились мы къ берегу, и зашли на островъ Дистракшинъ, лежащій въ широтѣ 47° 33' {На картѣ Ванкувера сей островъ (Destruction island) положенъ въ широтѣ 47° 38'.}, обойдя по южную его сторону. Но къ несчастію нашему, за островомъ не было удобнаго якорнаго мѣста, и мы нашлись принужденными опять выйти въ море. Едва успѣли мы удалиться отъ берега мили на три, вдругъ сдѣлалось тихо, и во всю ночь не было никакого вѣтра; отчего зыбью валило насъ къ берегу; а 31-го числа въ два часа по полудни протащило мимо вышеупомянутаго острова по сѣверную его сторону, и приблизило къ каменной грядѣ, находившейся не далѣе одной мили отъ твердой земли.

"Командиръ брига, Штурманъ Булыгинъ, не зная, что предпринять, прибѣгнулъ къ общему совѣту, въ слѣдствіе коего стали мы держать мимо каменьевъ къ самому берегу, съ намѣреніемъ зайти за оныя, и пройдя ихъ, очутились въ срединѣ надводныхъ и скрытныхъ подъ водою рифовъ; тогда командиръ приказалъ положить якорь, а вскорѣ потомъ и другой; но они не могли задержать судна, которое, безпрестанно дрейфуя, приближалось къ берегу. Но когда брошены были остальные два якоря, оно остановилось, однако

жъ не надолго; ибо вечеромъ, когда стемнѣло, подорвало у насъ два перетертые а каменя каната, а около полуночи съ третьимъ случилось то же, и вскорѣ потомъ поднялся свѣжій вѣтеръ отъ SO, которымъ подорвало послѣдній канатъ. Теперь намъ не оставалось другаго средства спасти бригъ и себя, какъ отважиться на выходъ въ море между каменьями. Тѣмъ путемъ, которымъ мы вошли, вѣтеръ не позволялъ итти, и такъ мы пустились, какъ говорится, куда глаза глядятъ, и подъ руководствомъ Всемощнаго Провидѣнія, къ общему нашему удивленію, не взирая на чрезвычайную темноту, прошли столь узкимъ проходомъ, что навѣрное ни одинъ мореплавателъ и днемъ не осмѣлился бы итти онымъ. Но лишь успѣли миновать опасность, какъ переломился у насъ фокарей; положеніе наше не позволяло убрать паруса для починки рея, и мы принуждены были нести оный доколѣ было можно.

"На разсвѣтѣ вѣтеръ, дувшій до сего отъ SO, перешель къ S, а вскорѣ потомъ къ SW: прямо на берегъ. Фока-рея исправить мы не могли, и запаснаго не имѣли, а безъ фока не было ни какой возможности отлавировать отъ берега, къ которому насъ приближало весьма скоро, и наконецъ въ десятомъ часу утра 1-го Ноября бросило валомъ въ буруны, а потомъ на берегъ въ широтѣ 47° 56Л И такъ участь брига рѣшилась: надлежало помышлять о нашей собственной. Мало того, что мы сами могли спастись, намъ должно было также спасти оружіе, безъ котораго не имѣли мы ни какихъ средствъ сохранить свободу; а сдѣлавшись плѣнными, должны были влачить въ рабствѣ у дикихъ жизнь, стократъ ужаснѣйшую самой смерти. Судно нате валяло бурунами съ боку на бокъ страшнымъ образомъ, и оно въ полтрюма наполнилось уже водою; мы съ оружіемъ въ рукахъ выжидали время: когда находилъ большой валъ, ударялъ въ судно и, рассыпавшись, опять

сливался съ береговъ, тогда мы бросались съ борта и выбѣгали на берегъ за предѣлы воды; тамъ принимали отъ своихъ товарищей, оставшихся на бригѣ, ружья и аммуницію. Къ великому нашему счастью случилось, что мы стали на мель при отливѣ и на мягкомъ грунтѣ; ибо хотя всѣ члены судна расшатало, и оно наполнилось водою, но уцѣлѣло, и по сбытіи воды осталось на сушѣ.

"Мы тотчасъ сняли съ него пушки, порохъ и разныя другія, нужныя намъ вещи; потомъ перечистили огнестрѣльное оружіе и приготовили заряды, чтобъ быть въ состояніи отразить нападеніе дикихъ, которыхъ мы имѣли причину теперь страшиться болѣе всего на свѣтѣ. Наконецъ поставили изъ парусовъ двѣ палатки въ разстояніи саженъ семи одна отъ другой: меньшую изъ нихъ Николай Исаковичъ {Имя штурмана Булыгина.} и я назначили для себя. Сдѣлавъ все это, развели большой огонь, обогрѣлись и обсушились.

"Едва успѣли мы кончить эти первыя наши занятія, какъ появилось множество здѣшнихъ жителей, которые, усмотрѣвъ насъ, тотчасъ къ намъ приблизились. Между тѣмъ штурманъ, взявъ съ собою четырехъ промышленниковъ, отправился на бригъ, съ намѣреніемъ спустить стенки и реи и снять съ него верхнюю оснастку, чтобъ при большой водѣ менѣе его валяло. Въ предосторожность они взяли съ собою горящій фитиль, ибо на суднѣ оставалось еще нѣсколько пушекъ. Самъ командиръ, стоя подлѣ брига, распоряжалъ работами, а мнѣ приказалъ наблюдать за движеніями и поступками дикихъ. Около нашей ставки (или *табора*, какъ говоритъ Таракановъ) въ приличныхъ мѣстахъ поставили мы карауль и часовыхъ.

"Въ нашей палаткѣ сидѣла супруга Г. Булыгина, Анна Петровна, одинъ кадьякскій Алеутъ, женщина того же народа, я и двое изъ здѣшнихъ жителей, вошедшихъ къ намъ безъ приглашенія. Одинъ изъ нихъ, молодой человѣкъ, называвшій себя *тоёномъ* (старшиною),

приглашалъ меня посмотрѣть его жилище, отстоявшее недалеко отъ насъ; я согласился было съ нимъ итти, но товарищи мои, подозрѣвая со стороны дикихъ вѣроломство, меня удержали. Я старался всѣми способами внушить сему старшинѣ миролюбіе, и уговаривалъ его насъ не обижать, и не выводить изъ терпѣнія. Онъ обѣщался поступать съ нами по-дружески и вселить то же расположеніе къ намъ въ своихъ единоплеменниковъ. Между тѣмъ два раза уже приходили мнѣ сказывать, что Колюжи {Симъ именемъ называется одно поколѣніе жителей сѣверо-западнаго берега Америки; имя это наши промышленники распространили и на всѣ народы здѣшняго края.} растаскиваютъ наши вещи. Я уговаривалъ своихъ людей сколько возможно стараться не начинать ссоры: *Снесите, братцы,* говорилъ я имъ, *поелику можно, а старайтесь какъ нибудь отжить ихъ отъ табора безъ ссоры* {Косыя буквы означаютъ собственныя слова Тараканова; я ихъ иногда помѣщалъ для показанія, что онъ хотя не умѣлъ писать, но умѣлъ дѣло дѣлать.}. Въ то же время представлялъ я тоѣну о неблагонамѣренныхъ поступкахъ его подчиненныхъ, и просилъ его приказать имъ оставить насъ въ покоѣ; но какъ мы не очень хорошо понимали другъ друга, то разговоры наши были весьма продолжительны, и пока я съ нимъ разсуждалъ и велъ переговоры, а тамъ уже дѣло дошло и до расправы.

"Наши стали дикихъ гнать прочь отъ табора, а они начали въ нихъ бросать камнями. Анна Петровна первая увидѣла это и сказала мнѣ: "Въ нашихъ бросаютъ камнями." Въ то же время промышленные открыли огонь по Колюжамъ. Я бросился изъ палатки, но меня встрѣтили копьемъ и ранили въ грудь. Воротясь, схватилъ я ружье, и выбѣжавъ, увидѣлъ ранившаго меня дикаго: онъ стоялъ за палаткой и держалъ въ лѣвой рукѣ копье, а въ правой камень,

который такъ сильно бросилъ мнѣ въ голову, что я не могъ на ногахъ устоять и присѣлъ на колоду; но выстрѣливъ, повергъ врага моего мертваго на землю. Вскорѣ послѣ того дикіе ударились въ бѣгство; при семъ случаѣ успѣли они и командира нашего ранить копьемъ въ спину, а камнемъ въ ухо. Впрочемъ, кромѣ четверыхъ, бывшихъ на суднѣ, всѣ до одного человѣка потерпѣли отъ каменьева болѣе или менѣе. Изъ непріятелей же убито было трое, изъ коихъ одного они утащили, а сколько раненыхъ, не знаю; въ добычу намъ досталось много оставленныхъ на мѣстѣ сраженія копій, плащей, шляпъ, и проч.

"На ночь одна смѣна заняла кругомъ табора караулъ, а прочіе, собравшись въ палатку, оплакивали горькую свою участь. Поутру ходили мы осматривать окружность, и выбирали мѣсто, гдѣ можно было бы намъ расположиться зимовать и обезопасить себя укрѣпленіями. Но нашли, что берегъ здѣсь имѣлъ самое неблагопріятное намѣренію нашему положеніе и свойство: онъ былъ покрытъ дремучимъ лѣсомъ, и столь низокъ, что большими водами его заливало. Начальникъ, собравъ всѣхъ насъ, открылъ, намъ свое намѣреніе слѣдующею рѣчью: "Господа! По предписаніямъ, даннымъ мнѣ отъ Главнаго Правителя Колоній, я знаю, что въ непродолжительномъ времени долженъ прійти къ здѣшнимъ берегамъ компанейскій корабль Кадьякъ, и именно въ гавань, отстоящую не далѣе шестидесяти пяти миль отъ мѣста, гдѣ мы теперь находимся. Между сими двумя мѣстами на картѣ не означено ни бухтъ, ни заливовъ, и ни одной рѣки, а потому мы весьма скоро можемъ достигнуть помянутой гавани. Вы сами видите, что здѣсь, не подвергая себя очевидной и почти вѣрной гибели, намъ оставаться нѣтъ ни какой возможности: дикіе весьма легко могутъ истребить всѣхъ насъ. Если же мы немедленно тронемся съ мѣста, то они останутся здѣсь грабить

судно, и дѣлать поживу, и вѣрно за нами не погонятся, потому что не будутъ имѣть въ томъ ни какой нужды." На это мы всѣ единогласно отвѣчали: *въ волѣ вашей, мы изъ повиновенія не выходимъ* {Каковъ отвѣтъ? Если промышленники, люди изъ разныхъ званій, *бойкіе*, по большей части съ пороками и служащіе Компаніи по уговору за плату, и отнюдь не обязанные присягою; если, говорю, такіе люди столь неограниченно повинуются поставленному надъ ними начальнику и въ такомъ состояніи, когда несчастіе нѣкоторымъ образомъ поравняло ихъ, чего же не сдѣлаютъ по волѣ командира настоящіе служивые: Русскіе матросы или солдаты? Въ одной только Россіи нижніе чины повинуются своимъ начальникамъ для Вѣры, Царя и Отечества, и дай Богъ, чтобъ это продолжилось до скончанія вѣка! Но во многихъ другихъ государствахъ управляютъ ими деньги и висѣлица.}."

"И такъ взявъ съ собою на каждого человѣка по два ружья и по одному пистолету, всѣ патроны въ суммахъ, три боченка пороху и небольшое количество съѣстныхъ припасовъ, выступили мы въ походъ. Что принадлежитъ до оставшагося оружія, то пушки мы заклепали, у ружей и пистолетовъ переломавъ замки, побросали ихъ въ воду; порохъ, копья, топоры и всѣ желѣзныя вещи также бросили въ море. Походъ нашъ начался переѣздомъ чрезъ рѣку на своемъ яликѣ; потомъ прошли мы лѣсомъ три мили, и вечеромъ за темнотою, расположились ночевать; ночь провели очень покойно подъ охраненіемъ четырехъ часовыхъ"

"Поутру вышли мы изъ лѣса на морской берегъ, отдохнули, и перечистивъ оружіе пошли далѣе. Часу во второмъ пополудни догнали насъ двое дикихъ; одинъ изъ нихъ былъ тотъ самый старшина, который видѣлъ насъ въ палаткѣ при началѣ ссоры. На вопросъ что имъ надобно, отвѣчали они, что пришли нарочно показать намъ дорогу: ибо идучи берегомъ мы встрѣтимъ много

излучинь и непроходимые утесы, но лѣсомъ- есть хорошая, прямая дорога, которую они намъ показали и совѣтовали итти по ней, а сами хотѣли удалиться. Тогда я просилъ ихъ подождать и посмотрѣть дѣйствіе нашего оружія; потомъ сдѣлавъ на доскѣ кружокъ, выстрѣлилъ въ нее изъ винтовки въ разстояніи сажень тридцати, попалъ въ цѣль и пробилъ доску. Симъ способомъ я желалъ имъ показать опасность, какой они подвергнутся, если вздумаютъ нападать на насъ. Дикіе, посмотрѣвъ пробоину и измѣривъ разстояніе, оставили насъ, а мы пошли далѣе своимъ путемъ, и расположились ночевать въ лѣсу подъ утесомъ, гдѣ случайно попалась намъ на глаза пещера.

"Ночью свирѣпствовала жестокая буря съ дождемъ и снѣгомъ; поутру вѣтеръ утихъ, но дурная погода продолжалась, и заставила насъ передневать въ пещерѣ. Въ теченіе дня падали съ утеса подлѣ насъ каменя; сначала мы ни какъ не могли постигнуть сему причины; но послѣ узнали, что непріатели наши, дикіе, скатывали ихъ на насъ. Мы видѣли, какъ изъ нихъ три человекъ пробѣжали мимо насъ впередъ по тому пути, по которому намъ итти надлежало.

"Слѣдующаго утра, при ясной, весьма хорошей погодѣ, отправились мы въ дорогу, и около полудня достигли небольшой, довольно глубокой рѣчки, вдоль коей вверхъ была пробита тропинка, по которой пошли мы въ надеждѣ сыскать бродъ, и вечеромъ подошли къ одному большому шалашу. Въ немъ не было ни одного человекъ, но висѣло много вяленой рыбы *кижучь* {Кижучь, симъ именемъ въ Камчаткѣ и Америкѣ называется особый родъ лососей.}; подлѣ разведенъ былъ огонь, а въ рѣкѣ противъ шалаша находился для рыбной ловли заколъ. Мы взяли тутъ двадцать пять сушеныхъ рыбъ, и повѣсили на дверяхъ сажени три бисеру и нѣсколько корольковъ, зная, что вещи эти у здѣшнихъ дикихъ въ большомъ уваженіи. *Учинивъ*

такимъ образомъ заочную за рыбу плату, отошли мы отъ шалаша въ лѣсъ сажень на сто, и расположились ночевать.

"Когда поутру мы готовы были выступить, тогда увидѣли, что насъ окружили дикіе, вооруженные копьями, рогатинами и стрѣлами. Я пошелъ впередъ, и не желая никого изъ нихъ ни убить, ни ранить, выстрѣлилъ изъ ружья вверхъ. Громъ выстрѣла и свистъ пули произвели желанное дѣйствіе: Колюжи, разсѣявшись, спрятались между деревьями, а мы пошли въ путь. Боже мой! кто повѣритъ, чтобъ на лицѣ земли могъ существовать такой лютый, варварскій народъ, какъ тотъ, между которымъ мы теперь находилась? Не смотря на то, что кромѣ меньшаго числа оружія, мы оставили симъ дикимъ наше судно со всѣмъ грузомъ, они ограбили его и сожгли, и не бывъ еще симъ довольны, преслѣдовали насъ, чтобъ лишить жизни, которая для нихъ не могла быть ни вредна, ни опасна: казалось, что они завидовали самому нашему существованію {Таракановъ судитъ по своимъ понятіямъ, думая, что все должно покоряться и раболѣпствовать предъ Европейцами, которыхъ дикіе считаютъ грабителями, похищающими ихъ собственность, и потому признаютъ должнымъ и справедливымъ умерщвлять ихъ повсюду, гдѣ только есть случай.}.

"Такимъ образомъ до 7-го Ноября, мы, можно сказать, отступали отъ дикихъ, которые, преслѣдуя насъ, выжидали благопріятнаго случая сдѣлать на насъ рѣшительное нападеніе; между тѣмъ временно производили надъ нами поиски. Но поутру сего числа встрѣтили мы трехъ мужчинъ и одну женщину, которые, снабдивъ насъ вяленою рыбою, начали поносить то поколѣніе, отъ котораго мы столько потерпѣли, и хвалить свое собственное. Люди сіи послѣдовали за нами, и мы всѣ вмѣстѣ, уже поздно

вечеромъ, пришли къ устью небольшой рѣки, на другой сторонѣ коей находилось ихъ жилище, состоявшее изъ шести большихъ хижинъ. Мы просили у нихъ лодокъ для переправы за рѣку; а они совѣтовали намъ подождать прилива, говоря, что въ малую воду переѣзжать черезъ рѣку неудобно, и что съ прибылою водою они перевезутъ насъ ночью; но мы въ темнотѣ ѣхать съ ними не согласились, а потому, отойдя назадъ около версты, переночевали.

"Рано поутру, возвратясь къ устью рѣки, требовали мы перевоза. Дикихъ тогда сидѣло подлѣ своихъ хижинъ около двухъ сотъ человекъ, они не отвѣчали намъ ни слова; а потому, подождавъ нѣсколько минутъ, пошли мы вверхъ по рѣкѣ, чтобы сыскать удобное мѣсто для переправы. Колюжи, увидѣвъ наше намѣреніе, тотчасъ отправили къ намъ лодку съ двумя нагими гребцами; лодка эта могла поднять человекъ десять, и потому просили мы ихъ прислать другую, чтобъ намъ всѣмъ можно было переѣхать вдругъ. Дикіе исполнили паше желаніе: прислали другую лодку, но такую, въ которую ни какъ не могло помѣститься болѣе четырехъ человекъ; въ ней пріѣхала та самая женщина, которая вмѣстѣ съ тремя мужчинами встрѣтила насъ на дорогѣ. Въ ея лодку сѣли Г-жа Булыгина, одна Кадьякская островитянка, малолѣтній ученикъ Котельниковъ и одинъ Алеутъ; а въ большую помѣстились девять человекъ самыхъ отважныхъ и проворныхъ промыслениковъ; всѣ же прочіе остались на берегу.

"Когда большая лодка достигла середины рѣки, бывшіе въ ней дикіе, выдернувъ пробки, на днѣ ея воткнутыя въ нарочно сдѣланныя дыры, бросились въ воду и поплыли къ берегу, а лодку понесло мимо хижинъ, откуда колюжи, закричавъ страшнымъ образомъ, начали бросать въ нашихъ копья и стрѣлы. Къ счастью, скоро подхватило ее отраженное теченіе и принесло къ берегу на нашу сторону, прежде нежели

успѣла она наполниться водою и потонуть. Такимъ образомъ, по благодати Божіей, спаслись они чудеснымъ образомъ, однако жъ всѣ были переранены и двое {Собачниковъ и Пѣтуховъ.} весьма опасно. Находившіеся же въ малой лодкѣ, взяты были въ плѣнъ.

"Дикіе, заключивъ, что бывшіе въ лодкѣ ружья должны быть подмочены и къ дѣйствию не годятся, немедленно переѣхали на нашу сторону, будучи вооружены копьями, стрѣлами, а двое ружьями. Мы же, видя злодѣйскій ихъ умыселъ, укрѣпились (говоритъ Таракановъ *отаборясь*) наскоро, какъ могли. Дикіе, ставъ въ строй отъ занятаго нами мѣста въ разстояніи около сорока сажень, начали бросать въ насъ стрѣлы, и одинъ разъ сдѣлали ружейный выстрѣлъ. Мы имѣли еще нѣсколько сухихъ ружей, которыми отражали непріятеля въ продолженіе около часа, и не прежде обратили его въ бѣгство, какъ переранивъ многихъ изъ его ратниковъ, и положивъ двоихъ на мѣстѣ. Съ нашей стороны, одинъ Собачниковъ былъ смертельно раненъ стрѣлою, которой обломокъ остался у него въ животѣ. Онъ ни какъ не въ силахъ былъ итти съ нами, а мы ни подъ какимъ видомъ не хотѣли его оставить на жертву варварамъ, и потому понесли съ собою на рукахъ.

"Когда мы прошли съ версту отъ мѣста сраженія, раненый нашъ товарищъ, чувствуя нестерпимую боль и скорое приближеніе смерти, просилъ насъ оставить его умереть въ тишинѣ лѣсовъ, и совѣтовалъ, чтобъ мы старались скорѣе удалиться отъ дикихъ, которые конечно сберутъ новыя силы и будутъ насъ преслѣдовать. Простившись съ несчастнымъ нашимъ другомъ и оплакавъ горькую его участь, мы оставили его уже при послѣднихъ минутахъ жизни, и пошли въ путь, а для ночлега избрали удобное мѣсто въ горахъ, покрытыхъ лѣсомъ.

"Опасность, въ коей мы находились въ продолженіе дня, страхъ и безпрестанная забота о сохраненіи своей

жизни не оставляли намъ времени на размышленія; но теперь, ночью, на досугъ первая мысль наша обратилась на чрезвычайное многолюдство дикихъ: мы не могли понять, какъ помѣщалось болѣе двухъ сотъ человѣкъ въ шести хижинахъ. Послѣ мы уже узнали, что они изъ разныхъ мѣстъ собрались нарочно для нападенія на насъ: болѣе пятидесяти человѣкъ въ числѣ ихъ находилось изъ того народа, который напалъ на насъ при кораблекрушеніи, и многіе даже были съ мыса Гревилля {Въ широтѣ 47° 21'}. Гибельное наше положеніе приводило насъ въ ужасъ и отчаяніе; но болѣе всѣхъ страдалъ несчастный командиръ нашъ: лишившись супруги, которую онъ любилъ болѣе самого себя и не зная ничего о ея участи въ рукахъ варваровъ, Г. Булыгинъ мучился жестокимъ образомъ: нельзя было смотрѣть на него безъ крайняго сожалѣнія и слезъ!

"9-го, 10-го и 11-го чиселъ шелъ проливной дождь; не зная сами куда шли, мы бродили по лѣсу и по горамъ, стараясь только укрыться отъ дикихъ, которыхъ мы страшились встрѣтить въ такую ненастную погоду, когда ружья наши были бы бесполезны. Голодъ изнурилъ насъ совершенно; мы не находили ни грибовъ, ни другихъ дикихъ произведеній, и принуждены были питаться древесными губками (наростами), подошвами отъ тарбасовъ {*Тарбасами* въ Камчаткѣ и Америкѣ называются большіе сапоги, кои наши рыбаки именуютъ иногда бахилами.}, кишечными и горловыми камлеями {*Камлея*, платье покроемъ рубахи: кишечныя шьются изъ медвѣжьихъ кишокъ, а горловыя, изъ горловъ сивучей или морскихъ львовъ (*phoca leonina*).} и лахтачными {*Лакшакъ*, выдѣланная сивучья кожа.} чахлами съ ружей. Наконецъ и этого запаса не стало; тогда мы рѣшились опять подойти къ прежней рѣкѣ, на берегу коей увидѣли двѣ хижины; но какъ погода тогда была чрезвычайно мокрая, то мы, опасаясь встрѣтить тутъ большое число дикихъ, отошли

отъ берега въ лѣсъ верстъ пять, поставили шалашъ и ночевали. 12-го числа мы не имѣли уже ни куска пищи, а потому начальникъ нашъ послалъ отрядъ въ лѣсъ собирать по деревьямъ губки. Но можно ли было симъ способомъ насытить шестнадцать человѣкъ? Мы рѣшились заколотъ постоянного нашего друга, неизмѣннаго стража, вѣрную собаку, и мясо раздѣлили на всѣхъ поравну. Въ это злополучное время Г. Булыгинъ, собравъ насъ, со слезами на глазахъ сказалъ: *"Братцы! Мнѣ въ такихъ бѣдствіяхъ прежде быть не случалось, и теперь почти ума своего лишаясь, и управлять вами болѣе не въ силахъ; я теперь препоручаю Тарakanову, чтобъ онъ управлялъ всѣми вами, и самъ изъ послушанія его выходить не буду; сверхъ того, если вамъ не угодно, выбирайте изъ своихъ товарищей кого хотите!"* Однако жъ всѣ единодушно изъявили свое согласіе на предложеніе Николая Исаковича; тогда онъ, написавъ карандашемъ о возведеніи меня на степень начальника бумагу, самъ первый ее скрѣпилъ своею рукою, а ему послѣдовали и всѣ другіе, кто умѣлъ писать.

"13-го Ноября шелъ сильный дождь, заставившій насъ цѣлый день пробывать на мѣстѣ; мы съѣли остатокъ собачьяго мяса, и не имѣя болѣе пищи, согласились на другой день напасть на двѣ видѣнныя нами хижины. 14-го числа погода намъ благопріятствовала: день былъ ясный. Подкравшись къ хижинамъ и окруживъ оныя, мы закричали, чтобъ всѣ находившіеся въ нихъ вышли вонъ, но нашли только одного плѣннаго мальчишку лѣтъ тринадцати, который знаками показалъ намъ, что люди всѣ, испугавшись нашихъ слѣдовъ, переправились за рѣку. Взявъ здѣсь на cadaго изъ насъ по двадцати пяти рыбъ въ связкахъ, пошли мы на прежній свой станъ; но едва успѣли отойти съ версту отъ хижинъ, какъ увидѣли бѣгущаго за нами дикаго, который кричалъ что-то для насъ непонятное. Боясь, чтобъ онъ

не открылъ мѣста нашего убѣжища, мы прицѣлились въ него ружьями и тѣмъ заставили отъ насъ удалиться. На пути нашемъ въ оврагѣ находилась рѣчка, у которой товарищи мои съ моего согласія расположились отдыхать и завтракать; а я, съ промышленникомъ Овчинниковымъ и однимъ Алеутомъ, въ это время вздумалъ подняться на близлежащую гору, чтобъ осмотрѣть окружныя мѣста. Овчинниковъ поднялся первый, и лишь ступилъ на самую вершину горы, какъ я увидѣлъ, что онъ былъ пораженъ стрѣлою въ спину; я тотчасъ закричалъ слѣдовавшему за нимъ Алеуту выдернуть у него изъ спины стрѣлу; но въ самую эту минуту и его ранили; тогда я, оборотясь, увидѣлъ на горѣ, противъ насъ за рѣчкою, множество Колюжей, а сверхъ того человекъ двадцать бѣжавшихъ, чтобъ отрѣзать насъ троихъ отъ нашихъ товарищей; между тѣмъ стрѣлы сыпались на насъ, какъ градъ. Я тотчасъ выстрѣлилъ по нимъ изъ винтовки и ранилъ одного въ ногу; тогда дикіе, подхвативъ его на плеча, ударились бѣжать; а мы соединясь съ своими товарищами, достигли благополучно ночлега, гдѣ осмотрѣвъ раненыхъ, нашли, что раны ихъ были не опасны. На семь мѣстѣ, для возстановленія силъ своихъ пищею и для отдохновенія раненыхъ, пробыли мы двое сутокъ.

"Здѣсь мы изобрѣли и утвердили новый планъ нашимъ дѣйствіямъ. Время года не позволяло намъ уже достигъ гавани, чтобъ встрѣтить тамъ ожидаемое судно; ибо неизвѣстно, когда мы будемъ въ состояніи переправиться чрезъ рѣку, и для того мы рѣшились итти вверхъ по ней, доколѣ не встрѣтимъ озера, изъ коего она вытекаетъ, или на ней самой удобнаго для рыбной ловли мѣста, гдѣ, укрѣпясь, зимовать, а весною уже дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ. Послѣ сего, достигнувъ рѣки, шли мы безпрестанно вверхъ по ней, а удалялись въ горы тогда только, когда встрѣчали непроходимую чащу или утесы, но вскорѣ опять

выходили къ ея берегамъ. Ненастная погода, почти безпрерывно продолжавшіяся, много препятствовали успѣху нашего путешествія: мы подавались впередъ весьма медленно. Къ счастью, нерѣдко попадались намъ жители, ѣздившіе по рѣкѣ на лодкахъ; нѣкоторые изъ нихъ, по приглашенію нашему, приставали къ берегу и продавали намъ рыбу за бисеръ, пуговицы и другія мелочи. Въ нѣсколько дней прошли мы довольно большое разстояніе по излучинамъ рѣки, но взявъ оное по прямой чертѣ, не болѣе какъ верстъ двадцать, и наконецъ вдругъ очутились подлѣ самыхъ дверей двухъ хижинъ. Мы спросили продажной рыбы, и получили весьма малое количество: жители отзывались, что болѣе не имѣютъ, и этотъ недостатокъ приписывали большой водѣ, покрывшей заколы, чрезъ кои рыба уходитъ. Крайность заставила насъ прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ, которыя, впрочемъ, совѣсть наша совершенно оправдывала: жители довели насъ до послѣдней степени человѣческаго злополучія, слѣдовательно мы имѣли полное право не только силою взять необходимое для нашего существованія отъ ихъ единоземцевъ, но даже и мстить имъ, а потому съ нашей стороны и то можетъ почесться уже великодущіемъ, что мы не хотѣли сдѣлать имъ ни какого вреда. И такъ грознымъ, повелительнымъ голосомъ приказали мы обитателямъ нашимъ немедленно вынести къ намъ всю рыбу, у нихъ бывшую. Требованіе наше тотчасъ было исполнено, и мы взяли на каждыя изъ насъ рыбы по связкѣ въ подъемъ человѣка, да два мѣтка сдѣланные изъ тюленьихъ кожъ, съ икрою; за все это заплатили дикимъ бисеромъ и корольками, и какъ казалось, къ совершенному ихъ удовольствію. Потомъ выпросивъ у нихъ двухъ человѣкъ, пособить намъ донести запасъ до перваго ночлега, мы пошли въ путь, и отойдя версты двѣ,

расположились ночевать. Дикимъ за труды дали мы по бумажному платку, и отпустили ихъ.

"На другой день поутру прибыли въ нашу ставку двое Колюжей, и очень смѣло вошли въ шалашъ: одинъ изъ нихъ былъ хозяинъ хижины, гдѣ мы взяли рыбу, а другой незнакомый. Они принесли на продажу пузырь китоваго жира. Потолковавъ съ нами кое о чемъ, незнакомый спросилъ у насъ, не хотимъ ли мы выкупить у его соотечественниковъ нашу женщину Анну, разумѣя подъ симъ именемъ Госпожу Булыгину. Предложеніе это всѣхъ насъ удивило и обрадовало, а Г. Булыгинъ, услышавъ эти слова, внѣ себя былъ отъ радости: мы тотчасъ открыли переговоры о выкупѣ. Г. Булыгинъ предложилъ ему послѣднюю шинель за свою супругу; къ шинели я прибавилъ свой новый китайчатый халатъ; всѣ прочіе наши товарищи, не исключая даже и Алеутовъ, также каждый прибавлялъ что нибудь: кто камзолъ, а кто шаровары, и наконецъ изъ сихъ вещей составила порядочная груда; но дикій увѣрялъ, что землякамъ его этого мало, и, требовалъ въ прибавокъ четырехъ ружей. Мы прямо ему не отказали, но объявили, что прежде заключенія условія хотимъ видѣть Анну Петровну. Дикій обѣщалъ доставить намъ это удовольствіе и тотчасъ отправился. Вскорѣ соотечественники его привели ее на другой берегъ рѣки, прямо противъ насъ; мы просили привести на нашу сторону, тогда они, посадивъ ее въ лодку съ двумя челобѣками, и подвезя къ нашему берегу на разстояніе сажень пятнадцати или двадцати, остановились и начали съ нами переговариваться. Я не въ силахъ изобразить того положенія, въ какомъ находилась несчастная чета при семъ свиданіи. Анна Петровна и супругъ ея заливались слезами, рыдали и едва могли говорить; глядя на нихъ и мы всѣ горько плакали; одни лишь дикіе были нечувствительны къ сему горестному явленію. Она старалась успокоить

своего супруга и увѣряла насъ, что ее содержать хорошо, обходятся съ него человѣколюбиво, что взятые вмѣстѣ съ нею люди живы, и находятся теперь при устьѣ рѣки. Поговоривъ съ лею, мы стали разсуждать съ дикими о выкупѣ и предлагали за нее всѣ прежнія вещи и въ прибавокъ одно испорченное ружье; но они стояли въ своемъ и хотѣли непременно получить четыре ружья; когда же увидѣли, что мы рѣшительно на ихъ требованіе ничего ее отвѣчаемъ, то увезли ее немедленно за рѣку.

"Въ это время Г. Булыгинъ, принявъ на себя видъ начальника, приказывалъ, чтобъ я велѣлъ отдать требуемый дикими выкупъ; но я ему представилъ, что у насъ осталось только по одному годному ружью на каждого человѣка, что мы не имѣемъ ни какихъ инструментовъ для починки оныхъ, и что въ ружьяхъ состоитъ единственное наше спасеніе, слѣдовательно лишиться такого значительнаго числа ружей крайне неблагоприятно; а если взять еще въ разсужденіе, что эти самыя ружья будутъ тотчасъ употреблены противъ насъ, то исполненіе его приказанія совершенно насъ погубить, и потому я просилъ его извинить меня, что въ семъ случаѣ осмѣливаюсь его послушаться. Но онъ, по причинамъ, ему безъ сомнѣнія простительнымъ, не хотѣлъ уважить моихъ доводовъ, а старался убѣдить другихъ ласками и обѣщаніями согласиться на его желаніе. Тогда я сказалъ твердо и рѣшительно моимъ товарищамъ, что если они согласятся отдать Колюжамъ хотя одно годное ружье, то я имъ не товарищъ и тотчасъ послѣдую за дикими. На это всѣ до одного человѣка въ голосъ отвѣчали, что покуда живы, съ ружьями ни за что не разстанутся. Мы чувствовали, что отказъ сей долженъ былъ какъ громомъ поразить злосчастнаго нашего начальника! Но что намъ было дѣлать? Жизнь и свобода человѣку милѣе всего на

свѣтъ, и мы хотѣли сохранить ихъ: *въ томъ суди насъ Богъ и Государь.*

"Послѣ этого горестнаго происшествія, шли мы нѣсколько дней вверхъ по рѣкѣ, и часто видѣли ходившія по оной лодки; изъ сего заключили, что въ верху рѣки долженствовало быть не въ дальномъ разстояніи селеніе, котораго намъ достичь хотѣлось. Но выпавшій 10-го Декабря еще первый глубокій снѣгъ уничтожилъ наше намѣреніе. Снѣгъ не сходилъ, а оттого мы ни какъ не могли продолжать путь. Теперь надлежало пещись, какъ бы провести зиму лучше и прокормиться. На сей конецъ я велѣлъ при рѣкѣ расчистить мѣсто и рубить лѣсъ для построенія избы; а между тѣмъ мы жили въ шалашахъ. Забота о доставленіи себѣ пищи безпокоила насъ болѣе всего. Пока мы устраивали свое жилье, однажды подъ вечеръ пріѣхала къ намъ лодка съ тремя человекѣми, изъ нихъ одинъ молодой, проворный малый, показался намъ сыномъ какого нибудь тоёна, въ чемъ мы и не ошиблись. На вопросъ нашъ о ихъ жилищѣ, онъ намъ сказалъ, что оно находится отъ насъ весьма близко. Мы спросили не возьмутъ ли они съ собою одного изъ нашихъ людей, который купить у нихъ рыбы, а они бы его къ намъ опять доставили. На это предложеніе они тотчасъ съ радостью согласились, и начали чрезвычайно торопиться къ отъѣзду: они безъ сомнѣнія радовались, что имѣютъ прекрасный случай захватить въ плѣнъ такъ легко еще одного изъ насъ. Изъ нашихъ промышленниковъ Курмачевъ былъ готовъ ѣхать съ ними; но когда они приглашали, чтобъ онъ скорѣе садился въ лодку, мы потребовали, чтобъ они вмѣсто его оставили у насъ *аманата*. Это имъ крайне не понравилось, но дѣлать было нечего, желаніе наше надлежало исполнить. Дикаго мы строго караулили во всю ночь, а на другой день освободили, когда привезли Курмачева. Онъ пріѣхалъ однако жъ съ голыми руками:

Колюжи ничего ему не дали и не продали. Жилище ихъ состояло въ одной хижинѣ, въ которой Курмачевъ видѣлъ шестерыхъ мужчинъ, кромѣ троихъ къ намъ пріѣзжавшихъ, и двухъ женщинъ.

"Дикари насъ обманули; за то мы положили перевѣдаться съ ними иначе: посадивъ подъ карауль гостей своихъ, мы отправили на ихъ лодкѣ къ хижинѣ съ ружьями шесть человекъ, которые, взявъ у нихъ всю рыбу, вечеромъ привезли домой; тогда мы задержанныхъ отпустили, одаривъ ихъ чѣмъ могли. Вскорѣ за симъ одинъ старикъ привезъ къ намъ въ лодкѣ девяносто кижучей (лососей), и продалъ за мѣдныя пуговицы.

"Чрезъ нѣсколько дней поспѣла наша изба или казарма, и мы перебрались на новоселье. Она была квадратная съ будками по угламъ для часовыхъ. Вскорѣ потомъ посѣтилъ насъ тотъ же молодой тоёнскій сынъ, съ которымъ мы имѣли дѣло. Мы опять спрашивали у него продажной рыбы, но получили грубый отказъ; за что посадивъ его подъ карауль, объявили, что не дадимъ ему свободы, доколѣ онъ не доставитъ намъ на зиму нужнаго количества рыбы. Мы требовали отъ него четырехъ сотъ лососей и десяти пузырей икры, отмѣтивъ ему количество это черточками на палкѣ. Узнавъ, въ чемъ состоитъ наше требованіе, онъ немедленно отправилъ своихъ товарищей, а куда, намъ было неизвѣстно. Послѣ того, въ продолженіе недѣли, пріѣзжали они къ нему два раза, и говорили между собою потихоньку. Когда они были во второй разъ, аманатъ нашъ сталъ просить, чтобъ пропустили внизъ по рѣкѣ лодки его съ людьми; мы на это охотно согласились, и чрезъ полчаса потомъ спустились мимо насъ тринадцать лодокъ, на которыхъ было обоего пола до семидесяти человекъ. Люди сіи вскорѣ возвратились и доставили намъ требуемое количество рыбы и икры, а сверхъ того выпросили мы у нихъ одну лодку,

способную поднять до шести человекъ. Тогда мы отпустили задержаннаго молодаго человека, подаривъ ему испортившееся ружье, суконный плащъ, ситцевое одѣяло и китайчатую рубаху.

"Имѣя теперь свою лодку, мы часто отправляли ее съ вооруженными людьми вверхъ по рѣкѣ за рыбою, которую находили въ разныхъ хижинахъ и брали по праву сильнаго. Однажды, когда лодка наша была въ отсутствіи, мы задержали до ея возвращенія партію дикихъ, ѣхавшихъ вверхъ рѣкою, объявивъ имъ, что у насъ тамъ есть люди, и мы боимся, чтобъ они не сдѣлали имъ какого либо вреда. По возвращеніи лодки, мы ихъ отпускали; но дикіе уже не хотѣли ѣхать вверхъ, сказавъ, что теперь имъ тамъ нечего дѣлать, ибо они видятъ, что вся ихъ рыба находится въ нашей лодкѣ. При семъ случаѣ я изъяснилъ имъ, что такъ какъ они сами загнали насъ сюда и принудили здѣсь зимовать, то мы считаемъ за справедливое присвоить себѣ все, что есть вверху рѣки, а имъ предоставляемъ право пользоваться низомъ ея, и даемъ честное слово, что внизу по рѣкѣ ничѣмъ вредить имъ не будемъ, и даже лодки посылать не станемъ; равнымъ образомъ и они не должны мѣшать нашему плаванію и дѣйствіямъ вверху по ней, иначе поступимъ съ ними непріятельски. Колюжи насъ оставили; а мы, рѣшивъ сію важную дипломатическую статью, на долгое время оставались единственными владѣтелями присвоеннаго себѣ участка земли и водъ, и въ продолженіе уже всей зимы жили покойно, и имѣли изобиліе въ пищу {Люди, привыкшіе къ хлѣбу и разнороднымъ яствамъ, назвали бы пропитаніе одною рыбою голодомъ, но промышленники наши и въ добрую пору, въ своихъ собственныхъ селеніяхъ, почти всегда питались рыбою, къ которой имъ все приправа: и трава, и дикіе коренья, и раковины.}.

"Цѣлую зиму занимались мы составленіемъ плана будущимъ нашимъ дѣйствіямъ. Я предложилъ, а товарищи мои приняли и утвердили построить другую лодку, весною ѣхать вверхъ по рѣкѣ, доколѣ будетъ можно, а потомъ оставивъ лодки, итти въ горы, и склоняясь къ югу, выйти на рѣку Колумбію, по берегамъ коей обитаютъ народы не столь варварскіе, какъ тѣ, съ коими мы должны имѣть здѣсь дѣло. Къ сему, впрочемъ весьма трудному въ исполненіи предначертанію побудила насъ совершенная крайность; мы знали, что дикіе при устьѣ рѣки собирали большія силы съ намѣреніемъ дѣлать намъ всѣ возможныя препятствія въ нашемъ пути вдоль морскаго берега, и производить безпрестанныя надъ нами поиски. Мы приготовили лодки, и ожидали только наступленія теплыхъ дней, вдругъ повстрѣчалось съ нами неожиданное происшествіе, совершенно уничтожившее всѣ прежнія наши намѣренія.

"Г. Булыгинъ объявилъ, что желаетъ опять принять начальство надъ нами, и сталъ входить въ распоряженія по командѣ. Я безъ малѣйшаго прекословія возвратилъ ему право, и былъ очень доволенъ, что избавился заботы и безпокойствъ, сопряженныхъ съ должностію начальника, въ столь критическомъ положеніи. 8-го Февраля 1809 года, оставивъ нате жилище и въ немъ не малое количество рыбы, пустились мы внизъ по рѣкѣ, и остановились на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ прошломъ году Колюжи предлагали намъ на выкупъ Г-жу Булыгину. Мы видѣли цѣль нашего начальника и къ чему дѣло клонилось; но уважая его страданія и жалостное положеніе супруги его, рѣшились лучше подвергнуть себя опасности, чѣмъ сопротивленіемъ довести его до отчаянія.

"Здѣсь посѣтилъ насъ одинъ старикъ и подарилъ намъ *ишкаты пареныхъ квасныхъ кореньевъ* {Ишкаты: изъ прутьевъ или кореньевъ сплетенная корзинка столь

плотная, что не пропускаетъ воды; а *квасными кореньями* называется растеніе пупырья, потому что промышленные дѣлаютъ изъ нихъ кислый напитокъ подобный квасу.}. Онъ любопытствовалъ знать куда мы ѣдемъ; и услышавъ отвѣтъ нашъ: къ устью рѣки, хотѣлъ вывѣдать, куда пойдёмъ оттуда; но этого мы и сами не знали. Старикъ былъ очень услужливъ, а съ какою цѣлю, это другое дѣло. Увидѣвъ, что нашъ огонь заливаешь сильнымъ дождемъ, онъ насъ оставилъ и вскорѣ возвратился съ двумя широкими досками, которыми могли мы прикрыть его отъ вѣтра и дождя. За это дали мы ему платокъ и шапку. Потомъ вызвался онъ ѣхать съ нами до устья рѣки, чтобъ служить намъ путеводителемъ, и предохранять наши лодки отъ наноснаго лѣса. Мы приняли его услуги, и были ими очень довольны: онъ ѣхалъ впереди и показывалъ намъ безопаснѣйшій путь; а гдѣ было много деревъ, онъ садился въ наши лодки, и препровождалъ насъ съ великою осторожностью. Такимъ образомъ, продолжая наше плаваніе, пріѣхали мы къ небольшому острову; тогда проводникъ вдругъ остановился и совѣтовалъ намъ пристать къ берегу, а самъ поѣхалъ на островокъ, на которомъ вскорѣ увидѣли мы нѣсколько человекъ въ суетахъ и тревогѣ бѣгавшихъ взадъ и впередъ съ луками и стрѣлами. Старикъ между тѣмъ отваливъ, вскорѣ къ намъ возвратился, и извѣстилъ насъ, что на островѣ собралось много людей, которые хотятъ бросать въ насъ стрѣлы и копья, коль скоро мы поѣдемъ мимо ихъ; а потому онъ взялся проводить насъ другимъ, весьма узкимъ проходомъ, и исправно сдержалъ свое слово.

"Достигнувъ устья рѣки, остановились мы противъ селенія дикихъ на противоположномъ берегу, гдѣ поставили шалашъ, и лодки свои вытащили на берегъ, а провожавшему насъ старику подарили рубашку и шейный платокъ. Сверхъ того наградили мы его

медалью, нарочно на сей случаи изъ олова вылитую: на одной сторонѣ изобразили мы кое-какъ орла, означающаго Россію, а на другой годъ, мѣсяцъ и число, когда этотъ дикій, по имени *Лютлюлюкъ*, получилъ ее: мы велѣли ему носить ее на шеѣ.

"На другой день поутру пріѣхало къ намъ изъ-за рѣки множество людей; въ числѣ ихъ находились двѣ женщины, одна изъ нихъ была та самая плутовка, которая участвовала въ обманываніи насъ на дорогѣ, и перевозила Г-жу Булыгину и другихъ троихъ чрезъ рѣку, когда дикіе захватили ихъ въ плѣнъ. Схвативъ тотчасъ эту женщину и одного молодаго мужчину. ѣ мы посадили ихъ въ колодки, объявивъ тогда же ихъ единоплеменникамъ, что не освободимъ ихъ, доколѣ не возвратятъ нашихъ плѣнныхъ. Вскорѣ послѣ сего происшествія явился къ намъ мужъ задержанной женщины; онъ увѣрялъ насъ, что нашихъ людей здѣсь нѣтъ, ибо они достались по жеребью другому поколѣнію; но что онъ нарочно за ними пойдетъ, и чрезъ четыре дня возвратитъ намъ всѣхъ ихъ, если только мы дадимъ ему обѣщаніе, что не умертвимъ жены его.

"Начальникъ нашъ, слышавъ сіи увѣренія, былъ внѣ себя отъ радости, и мы тотчасъ рѣшились провести здѣсь нѣсколько дней; но какъ занятое нами мѣсто было очень низко, и при крѣпкомъ вѣтрѣ въ ночь его затопило, то мы, удалясь на гору, въ разстояніи отъ берега около версты, тамъ укрѣпились. Спустя восемь дней послѣ переговоровъ о размѣнѣ плѣнныхъ, прибыло на берегъ рѣки около пятидесяти человекъ Колюжей; расположась на противномъ берегу, они хотѣли открыть съ нами переговоры; я съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей тотчасъ спустился къ берегу. Дикіе были подъ предводительствомъ одного пожилаго человека, въ курткѣ и панталонахъ и въ пуховой шляпѣ. Между ими, къ великой нашей радости, увидѣли мы

свою Анну Петровну. Послѣ первыхъ взаимныхъ привѣтствій, Г-жа Булыгина объявила, что задержанная вами женщина родная сестра старшины по-Европейски одѣтаго, что какъ она, такъ и братъ ея люди весьма добрые, оказали ей большія услуги, и обходятся съ нею очень хорошо, а потому требовала, чтобъ мы освободили немедленно эту женщину. Когда же я ей сказалъ, что супругъ ея желаетъ освободить плѣнныхъ не иначе, какъ въ размѣнъ за нее, тогда Г-жа Булыгина дала намъ отвѣтъ, поразившій всѣхъ васъ какъ громомъ, и которому мы нѣсколько минутъ не вѣрили, принявъ за сновидѣніе. Мы съ ужасомъ, горестью и досадою слушали, когда она рѣшительно сказала, что будучи теперь довольна своимъ состояніемъ, не хочетъ быть вмѣстѣ съ нами, и совѣтуетъ намъ добровольно отдаться въ руки того народа, у котораго находится она; что старшина человѣкъ прямой к добродѣтельный, извѣстенъ по всему здѣшнему берегу, и вѣрно освободить и отправить насъ на два европейскіе корабля, находящіеся въ это время въ проливѣ Жуанъ-де-Фука. О троихъ, плѣнныхъ вмѣстѣ съ нею, она объявила, что Котельниковъ достался народу, живущему на мысѣ Гревиллѣ, Яковъ у того поколѣнія, на берегахъ коего разбилось наше судно, а Марья у здѣшняго племени, на устьѣ рѣки.

"Я не зналъ, какъ сказать Г. Булыгину, страстно любившему свою супругу, о такомъ ея отвѣтѣ и намѣреніи. Тщетно уговаривалъ я ее опомниться и пожалѣть о несчастномъ своемъ мужѣ, которому она была всѣмъ обязана. Долго я колебался, но дѣлать нечего: таить правду было нельзя, надлежало все открыть злополучному нашему начальнику и сразить его! Выслушавъ меня, онъ, казалось, не вѣрилъ моимъ словамъ, и полагалъ, что я шучу. Но подумавъ нѣсколько, вдругъ пришелъ въ совершенное бѣшенство, схватилъ ружье и побѣжалъ къ берегу, съ намѣреніемъ

застрѣлить свою супругу. Однако жъ пройдя нѣсколько шаговъ, остановился, заплакалъ, и приказалъ мнѣ одному итти и уговаривать ее, и даже погрозить, что онъ ее застрѣлитъ. Я исполнилъ приказаніе несчастнаго моего начальника, но успѣха не было: жена его рѣшилась оставаться съ дикими. "Я смерти не боюсь, сказала она: для меня лучше умереть, нежели скитаться съ вами по лѣсамъ, гдѣ, можетъ быть, попадемся мы къ народу лютому и варварскому; а теперъ я живу съ людьми добрыми и человѣколюбивыми; скажи моему мужу, что я угрозы его презираю."

"Г. Булыгинъ, выслушавъ меня терпѣливо, долго молчалъ и стоялъ, подобно человѣку, лишившемуся памяти; наконецъ вдругъ зарыдалъ и упалъ на землю, какъ мертвый. Когда мы привели его въ чувство и положили на шинель, онъ сталъ горько плакать, и не говорилъ съ нами ни слова, а я между тѣмъ, прислонясь къ дереву, имѣлъ время подумать о затруднительномъ нашемъ положеніи. Начальникъ нашъ, лишась супруги, которая за его любовь и привязанность ему измѣнила и презрѣла его, не помнилъ уже самъ что дѣлалъ, и даже желалъ умереть; за что же мы должны были погибать? Разсуждая такимъ образомъ, я представилъ Г. Булыгину и всѣмъ нашимъ товарищамъ, что если Анна Петровна, будучи сама Россіянка, хвалитъ сей народъ, то неужели она къ тому научена дикими и согласилась предать насъ въ ихъ руки? Мы должны ей вѣрить, слѣдовательно лучше положиться на нихъ и отдаться имъ во власть добровольно, чѣмъ бродить по лѣсамъ, безпрестанно бороться съ голодомъ и стихіями, и сражаясь съ дикими, изнурить себя, и наконецъ попасться къ какому нибудь звѣрскому поколѣнію. Г. Булыгинъ молчалъ, а всѣ прочіе опровергали мое мнѣніе и не хотѣли со мною согласиться. Тогда я имъ сказалъ, что уговаривать ихъ болѣе не смѣю, но самъ рѣшился

поступить, какъ предлагалъ, и отдамъся на волю дикихъ. Въ это время и начальникъ нашъ объявилъ свое мнѣніе: онъ былъ во всемъ согласенъ со мною, а товарищи наши просили позволенія подумать. Такимъ образомъ кончились въ тотъ день переговоры: дикіе удалились къ устью рѣки, а мы остались ночевать на горѣ.

"Поутру дикіе опять явились на прежнемъ мѣстѣ, и снова стали просить объ освобожденіи ихъ плѣнныхъ. Тогда я объявилъ старшинѣ, что изъ нашего общества пять человѣкъ {Штурманъ, Таракановъ, Овчинниковъ и два Алеута.}, считая ихъ людьми честными и добродѣтельными, рѣшились имъ покориться, въ надеждѣ, что они намъ ни какого зла не сдѣлаютъ, и на первомъ кораблѣ позволяютъ отправиться въ свое отечество. Старшина увѣрялъ насъ, что мы въ предпріятіи своемъ не расскажемъ, и уговаривалъ остальныхъ послѣдовать нашему примѣру; но они упорно стояли на своемъ, и выпустивъ изъ-подъ караула дикихъ, простились съ нами со слезами и побратски: мы отдались дикимъ, и пошли съ ними въ путь, а товарищи наши остались на прежнемъ мѣстѣ.

"На другой день достигли мы Купищатскаго {Имя одного поколѣнія, недалеко отъ мыса Жуанъ-де-Фука (Flattery) живущаго.} селенія, гдѣ хозяинъ мой, коему я достался, вышеупоминаемый старшина, но имени Ютрамаки, въ эту зиму имѣлъ свое пребываніе. Г. Булыгинъ достался тому же хозяину, но по собственному своему желанію, перешелъ къ другому, которому принадлежала его супруга; Овчинниковъ и Алеуты также попались въ *разныя руки*. Что же принадлежитъ до прочихъ нашихъ товарищей, то они того же числа, какъ съ нами разстались, вздумали переѣхать на островъ Дестракшинъ; но на семь переѣздѣ нашли на камень, разбили свою лодку, подмочили весь порохъ, и сами едва спаслись. Лишась единственной своей обороны -- пороха, хотѣли они насъ

догнать и отдаться Куишчатскому поколѣнію; но не зная дороги, встрѣтили при переправѣ чрезъ одну рѣку другой народъ. Дикіе эти на нихъ напали и всѣхъ взяли въ плѣнъ, а потомъ нѣкоторыхъ продали Купишатамъ, а другихъ оставили у себя.

"Хозяинъ мой, пробывъ около мѣсяца у Куишчатъ, вздумалъ переѣхать въ свое собственное жилище, находящееся на самомъ мысѣ Жуанъ-де-Фука; но прежде воего отправленія выкупилъ Г. Булыгина, давъ ему обѣщаніе выкупить вскорѣ и супругу его, ко гора я уже теперь получила отъ своего мужа прощеніе, и жила съ нимъ вмѣстѣ. Переѣхавъ на новоселье, мы жили съ Г. Булыгинымъ у своего хозяина очень покойно: онъ обходился съ нами ласково и содержалъ насъ хорошо, доколѣ не случилась ссора между имъ и прежнимъ хозяиномъ Г. Булыгина. Послѣдній прислалъ назадъ данный за Николая Исаковича выкупъ, состоявшій въ одной дѣвкѣ и двухъ саженьяхъ сукна, и требовалъ возвращенія своего плѣнника; но Ютразнаки на это не соглашались. Наконецъ Г. Булыгинъ объявилъ ему, что по любви къ женѣ своей, непременно желаетъ быть вмѣстѣ съ нею, и просилъ продать его прежнему хозяину. Желаніе его было исполнено, но послѣ того дикіе безпрестанно насъ изъ рукъ въ руки то продавали, то мѣняли, или по родству и дружбѣ уступали другъ другу и дарили. Николай Исаковичъ съ своею Анною Петровною имѣли самую горькую участь: иногда ихъ соединяли, а иногда опять раздѣляли, и они находились въ безпрестанномъ страхѣ увидѣть себя разлученными навѣки. На конецъ смерть прекратила бѣдствія злополучной четы: Госпожа Булыгина скончалась въ Августѣ 1809 года, живя врознь съ своимъ супругомъ, а онъ, узнавши о ея смерти, сталъ болѣе сокрушаться сохнуть и въ самой жестокой чахоткѣ испустилъ духъ 14-го Февраля 1810 года. Г-жа Булыгина, при смерти своей, находилась въ рукахъ

столь гнуснаго варвара, что онъ не позволилъ даже похоронить тѣло ея, а велѣлъ бросить въ лѣсъ.

"Между тѣмъ самое большое время моего плѣна я находился у добраго моего хозяина Ютрамаки, который обходился со мною какъ съ другомъ, а не такъ какъ съ плѣнникомъ: я старался всѣми способами заслуживать его благорасположеніе. Люди эти совершенные дѣти: всякая бездѣлица имъ нравится и утѣшаетъ ихъ. Пользуясь ихъ невѣжествомъ, я умѣлъ заставить ихъ себя любить и даже уважать. Напримѣръ, я сдѣлалъ изъ бумаги змѣя и, приготовивъ изъ звѣриныхъ жилъ нитки, сталъ спускать его. Поднявшійся до чрезвычайной высоты змѣй изумилъ дикихъ; приписывая изобрѣтеніе это моему генію, они утверждали, что Русскіе могутъ достать солнце. Но ни чѣмъ я такъ не услужилъ моему хозяину, какъ пожарною трещеткою (*сполошная пожарка*, по именованію Тараканова). Къ счастію мнѣ удалось растолковать ему, что разнотонные звуки трещетки могутъ означать разныя движенія въ войнѣ, и что она весьма полезна при нападеніи на непріятеля и при отступленіи отъ него. Инструментъ сей довершилъ мою славу: всѣ удивлялись моему уму, и думали что подобныхъ мнѣ геніевъ мало уже осталось въ Россіи.

"Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ мы оставили мысъ Жуанъ-де-Фука, и переѣхали на зиму далѣе вверхъ по проливу сего же имени. Тутъ построилъ я себѣ особую отъ всѣхъ, небольшую землянку, и жилъ одинъ. Осенью занимался я стрѣляніемъ птицъ, а зимою дѣлалъ для своего хозяина и на продажу разнаго рода деревянную посуду: для сей работы сковаль я скобель и зауторникъ изъ гвоздей посредствомъ каменьевъ. Труды мои дикіе видѣли и удивлялись. Старшины въ общемъ собраніи положили, что человѣкъ, столь искусный, какъ я, долженъ непременно быть самъ старшиною, или тоёномъ. Послѣ сего меня вездѣ звали въ гости вмѣстѣ съ моимъ хозяиномъ, и угощали во всемъ наравнѣ съ

своими старшинами. Они крайне удивлялись, какимъ образомъ Булыгинъ, не умѣвшій ни птицы застрѣлить на лету, ни хорошо владѣть топоромъ, могъ быть нашимъ начальникомъ.

"Въ эту зиму здѣшніе жители терпѣли большой недостатокъ въ продовольствіи, такъ что принуждены были другъ другу платить по бобру за десять вяленыхъ лососей, и мой хозяинъ употребилъ много бобровъ на покупку рыбы. Но у нѣкоторыхъ изъ старшинъ былъ совершенный голодъ: промышленники Пѣтуховъ, Шубинъ и Зуевъ отъ недостатка пищи бѣжали ко мнѣ; хозяинъ мой ихъ кормилъ, и когда ихъ хозяева требовали ихъ выдачи, онъ сказалъ имъ, что они живутъ у меня, слѣдовательно и возвращеніе ихъ отъ меня зависитъ. Дикіе отнеслись ко мнѣ, и я отпустилъ бѣжавшихъ не прежде, какъ на условіи, чтобъ они ихъ не обижали и кормили.

"Въ Мартѣ переѣхали мы на лѣтнее жилище, гдѣ я построилъ другую землянку, обширнѣе первой, и укрѣпилъ ее съ морской стороны *бойницами*. Слава сего зданія разнеслась далеко, и старшины чрезъ большое разстояніе пріѣзжали смотрѣть и удивляться ему. Наконецъ милосердый Богъ внялъ мольбамъ нашимъ, и послалъ намъ избавленіе: 6-го Мая рано утромъ показалось двухъ-мачтовое судно, и вскорѣ приблизилось къ берегу. Хозяинъ мой, взявъ меня съ собою, тотчасъ поѣхалъ на судно. Бригъ этотъ принадлежалъ Соединеннымъ Штатамъ, назывался Лидія, и былъ подъ начальствомъ Капитана Броуна. На немъ, къ немалому моему удивленію, нашель я товарища своего Валгусова. и узналъ, что онъ былъ перепроданъ на берега рѣки Колумбіи, гдѣ выкупленъ Капитаномъ Броуномъ. Капитанъ, потолковавъ со мною о нашихъ бѣдствіяхъ, какъ умѣлъ, изъяснилъ моему хозяину, чтобъ онъ велѣлъ своимъ единоплеменцамъ привести къ нему всѣхъ плѣнныхъ Русскихъ, которыхъ

онъ намѣренъ выкупить. Хозяинъ уѣхалъ, а я остался на бригъ.

"На другой день дикіе привезли бывшего съ нами Англичанина Джона Вилліамса, за котораго сначала запросили чрезвычайный выкупъ, но потомъ согласились взять пять байковыхъ одѣяль, пять сажень сукна, слесарную пилу, два стальные ножа, одно зеркало, пять картузовъ пороху и такой же величины пять мѣшковъ дробы. Послѣ и за всѣхъ насъ получили они по такому же количеству, кромѣ Болотова и Курмачева, которыхъ дважды привозили къ судну, и въ оба раза просили такой чрезвычайный выкупъ, что плата за каждого превосходила цѣною то, что дано за всѣхъ насъ вмѣстѣ; но какъ дикимъ требуемаго не дали, то они увезли несчастныхъ сихъ людей назадъ, а притомъ объявили, что и Шубина мы не увидимъ, ибо онъ проданъ хозяину, который уѣхалъ для китовыхъ промысловъ на островъ Дестракшинъ.

"Упрямство дикихъ заставило Капитана Броуна принять другія мѣры: онъ захватилъ одного старшину, роднаго брата тому тоѣну, у котораго находились въ неволѣ Болотовъ и Курмачевъ, и объявилъ ему, что онъ дотолѣ не получитъ свободы, доколѣ Русскіе не будутъ освобождены. Поступокъ сей имѣлъ желанный успѣхъ: въ тотъ же день привезли Болотова и Курмачева; тогда мы стали требовать Шубина, назначивъ сутки сроку. Но его привезли уже на другой день, когда мы находились въ море, миляхъ въ пятнадцати отъ берега. Тогда Капитанъ Броунъ освободилъ старшину, заплативъ ему за каждого изъ вырученныхъ людей такой же выкупъ, какой данъ и за другихъ. Такшмъ образомъ Капитанъ Броунъ выкупилъ насъ тринадцать человекъ {Тимоѳеи Таракановъ, Дмитрій Шубинъ, Иванъ Болотовъ, Иванъ Курмачевъ, Аѳанасій Волгусовъ, Касьянъ Зыряновъ, Сава Зуевъ, Абрамъ Пѣтуховъ, Джонъ Вилліамсъ, Алеутовъ два и Алеутокъ двѣ.}; во время бѣдствій

нашихъ и въ плѣну померло семеро {Штурманъ Булыгинъ съ женою, Яковъ Пѣтуховъ, Козьма Овчинниковъ, Харитонъ Собачниковъ и двое Алеутовъ.}; одинъ {Малолѣтній ученикъ Филиппъ Котельниковъ.} проданъ отдаленнымъ народамъ и остался у нихъ; а одинъ (Алеутъ) былъ еще въ 1809 году выкупленъ Капитаномъ Американскаго корабля Меркурія Парсомъ съ береговъ рѣки Колумбіи.

"10-го Мая отправились мы въ путь и шли безпрестанно вдоль берега, часто заходили въ разныя гавани для торговли съ дикими, а 9-го Юня прибыли благополучно въ Портъ Ново-Архангельскъ."

Тимоѳеи Таракановъ.

Крушеніе военнаго брига Диспача, подъ начальствомъ Капитанъ-Лейтенанта Касливцова (*) у береговъ острова Ругена, въ ночи съ 5-го на 6-е Октября 1805 года.

(*) Александръ Петровичъ Касливцовъ находился въ отставкѣ и жидъ въ Казанской Губерніи.

Контръ-Адмиралъ Сарычевъ {Гаврило Андреевичъ, въ послѣдствіи Адмиралъ, Государственныхъ Адмиралтействъ-Коллегіи и Адмиралтейскаго Департамента Членъ и Генералъ-Гидрографъ.}, лѣтомъ 1805 года, по Высочайшему повелѣнію начальствовалъ небольшою эскадрою, которая плавала въ Балтійскомъ Морѣ для окончанія произведенныхъ имъ въ прежніе годы астрономическихъ наблюденій, и для обученія гардемариновъ на самомъ дѣлѣ управленію кораблей

или, такъ называемой, морской практикѣ. Въ Августѣ предписано ему было нанять и приготовить въ Ревелѣ и Ригѣ нужное число купеческихъ судовъ, для отвоза въ Померанію десантныхъ войскъ. Исполняя это вновь возложенное на него порученіе, Контръ-Адмираль Сарычевъ прибылъ въ Ригу 21-го Августа, а 17-го Сентября пришелъ туда же бригъ "Диспачъ," подъ начальствомъ Капитанъ-Лейтенанта Касливцова. Онъ присланъ былъ къ Г. Контръ-Адмиралу именно для препровожденія конвоя съ войсками. Бригъ сей, построенный въ Англіи, былъ одинъ изъ лучшихъ въ своемъ родѣ военныхъ судовъ, и управляемъ весьма искуснымъ морскимъ офицеромъ.

22-го Августа, конвой, состоявшій изъ двадцати шести судовъ, отправился въ путь, подъ предводительствомъ Контръ-Адмирала Сарычева, имѣвшаго свое пребываніе на бригѣ "Диспачъ." Сначала плаваніе ихъ продолжалось благополучно, исключая нѣкоторыхъ непріятныхъ, впрочемъ не слишкомъ важныхъ поврежденій, приключившихся двумъ или тремъ изъ купеческихъ судовъ; но въ ночи на 25-е число, когда конвой выходилъ уже изъ пролива между курляндскимъ берегомъ и островомъ Эзелемъ въ Балтійское Море, "Диспачъ" коснулся дна рулемъ, который тремя ударами сбросило съ петель, и вовсе оторвало. Контръ-Адмираль полагалъ, что это несчастіе случилось на четырехъ-саженной банкѣ, находящейся посреди пролива при выходѣ въ море.

Потеря руля привела бригъ въ самое опасное положеніе, и даже угрожала ему крушеніемъ, котораго онъ, можетъ быть, и не избѣжалъ бы, если бъ управлялся менѣе искусными мореходцами; ибо дувшій тогда крѣпкій сѣверный вѣтеръ прижималъ его къ курляндскому берегу, а безъ руля нельзя было имъ править. Въ такомъ гибельномъ состояніи, онъ обязанъ своимъ спасеніемъ присутствію духа начальствующаго

конвоемъ, который говоритъ {См. Дневныя Записки плаванія Вице-Адмирала Сарычева, Стран. 134.}: "Я рѣшился на послѣднее средство къ избавленію судна отъ кораблекрушенія: стать на якорь на глубинѣ двѣнадцати сажень; но какъ, по положеніи трехъ якорей, бригъ дрейфовало, то приказалъ я обрубить стенки, на коихъ изорванные и незакрѣпленные паруса много противостояли вѣтру. Тогда вѣтеръ пересталъ тащить насъ съ якорей, и мы остановились на глубинѣ девяти сажень, при песчаномъ грунтѣ, въ двухъ италіянскихъ миляхъ отъ берега, между мысомъ Люзерортомъ и городомъ Виндавою."

На семь мѣстѣ, стоя на якорѣ, въ теченіе трехъ дней экипажъ успѣлъ исправить всѣ поврежденія брига, и сдѣлать фальшивый руль, "употребивъ на оный гротъ-стеигу, придѣлавъ къ ней перо, продѣли се въ эзельгофтъ, и съ помощью привязанныхъ къ нему багштаговъ навѣсили на мѣсто.". Но когда бригъ готовъ уже былъ отправиться въ путь къ острову Ругену, начальникъ конвоя получилъ увѣдомленіе, что въ прошедшую бурю нѣсколько судовъ его конвоя претерпѣли крушеніе по курляндскому берегу между мысами Люзерортомъ и Домеснесомъ. Это заставило его посѣтить берегъ, осмотрѣть что потеряно и что спасено, и сдѣлать нужныя, судя по обстоятельствамъ, распоряженія.

Осматривая берегъ между вышеупомянутыми двумя мысами, Г. контръ-адмиралъ нашель, что на семь пространствѣ, въ числѣ многихъ погибшихъ судовъ, были восемь, принадлежавшія къ его конвою, и что на нихъ погибли изъ казачей команды Маіоръ Фроловъ, одинъ хорунжій и 91 рядовыхъ. При семъ кораблекрушеніи съ двухъ судовъ были спасены лошади чуднымъ образомъ: "казаки вытаскивали ихъ на веревкахъ изъ шггрюма, налившагося уже водою и съ борта судна толкали прямо въ воду, тогда онѣ сами

выплывали на берегъ, и ни одна изъ нихъ не потонула." Сдѣлавъ распоряженія касательно спасшихся людей и снятыхъ съ потерянныхъ судовъ снарядовъ и съѣстныхъ припасовъ, Контръ-Адмираль Сарычевъ возвратился на бригъ 1-го Октября, и того же числа въ восемь часовъ вечера, при югозападномъ вѣтрѣ, отправился въ путь.

Поутру 3-го числа бригъ увидѣлъ мысъ Гоборгъ, составляющій южную оконечность острова Готланда, а на разсвѣтъ слѣдующаго дня встрѣтилъ корабль Январій, шедшій отъ Ругена въ Россію, отъ котораго узналъ, что флотъ нашъ стоитъ у сего острова противъ мыса Перта. Въ семь часовъ вечера прошли Боригольмъ, а поутру 5-го числа подошли къ Ругену; но какъ вѣтеръ, дувшій тогда отъ SO, усилился и поднялось большое волненіе, то бригъ ни какъ не могъ обойти восточнаго мыса сего острова, и принужденъ былъ во весь день лавировать подъ одними нижними парусами. Между тѣмъ, отъ чрезвычайной качки, безпрестаннымъ сильнымъ движеніемъ руля перетерло державшіе оный нижніе бакштаги, отчего руль сталъ дѣйствовать слабо, и бригъ не могъ уже поворачивать чрезъ фордевиндъ. Тогда ему оставалось только стать на якорь, который они положили въ десять часовъ вечера у мѣстечка Виттова, на глубинѣ семнадцати сажень и иловатомъ днѣ. Но какъ одинъ якорь не задержалъ, то въ помощь ему былъ брошенъ другой, и бригъ остановился, Однако жъ не надолго: чрезъ часъ опять стало его дрейфовать и глубина скоро уменьшилась до шести сажень.

Въ это время опасное положеніе брига требовало скорыхъ и рѣшительныхъ мѣръ; опытность и искусство Контръ-Адмирала Сарычева и Капитана Касливцова ручаются, что все то, что только было можно и должно сдѣлать для спасенія брига, конечно сдѣлано; но судьба превыше всѣхъ человѣческихъ усилій и мудрости: бригу "Диспачъ" опредѣлено было погибнуть у ругенскихъ

береговъ, и ничто уже не могло спасти его. Контръ-Адмираль Сарычевъ повѣствуетъ о семъ несчастномъ событіи такимъ образомъ {См. Дневныя Записки плаванія Вице-Адмирала Сарычева. Стран. 136.}: "Для остановленія и спасенія брига велѣлъ я срубить мачты; но при всемъ томъ не переставало его дрейфовать, и въ одиннадцать часовъ ночи принесло къ мели, поворотило поперегъ волненія, начало сильно бросать съ боку на бокъ и бить о грунтъ; тогда свирѣпья волны вздымались подобно горамъ, разбивались о бортъ и съ сѣдою пѣною переливаясь черезъ судно, сильно потрясали его, двигая по мели; каждый изъ насъ старался держаться крѣпче, чтобъ волненіемъ не сбросило его въ море, ожидая ежеминутно потопленія. Положеніе наше тѣмъ было ужаснѣе, что темнота ночи препятствовала видѣть, сколь далеко находимся мы отъ берега. Когда судно наполнилось водою, поворотило его носомъ къ берегу, и волненіе, разбиваясь о корму, не столь уже его потрясало. Нѣкоторые изъ служителей усмотрѣли предъ судномъ чернѣющійся берегъ и закричали: земля видна! Тогда всѣ люди собрались на бакъ, обрадовавшись показавшейся надеждѣ къ спасенію; измокши и перезябши, ожидали съ нетерпѣніемъ наступленія дня. Между тѣмъ лекаръ нашъ, умѣя хорошо плавать, раздѣвшись, бросился въ море, и мы тотчасъ потеряли его изъ виду въ свирѣпѣющихъ волнахъ. На разсвѣтѣ увидѣли мы, что находимся въ полуверстѣ отъ високаго и крутаго берега, подъ которымъ примѣтили людей. Съ великимъ трудомъ спустили мы на воду яликъ, и привязавъ къ нему веревку, отправили съ тремя человѣками къ берегу. Они долго пробивались между буруновъ и каменьевъ; наконецъ когда преодолѣли большія трудности, выкинуло ихъ на сушу, и островитяне помогли имъ выйти. Такимъ образомъ, имѣя уже завезенную на берегъ веревку, спустили мы еще два

гребныя судна, и на нихъ, съ помощію сего завоза, перевезли всѣхъ служителей съ судна."

Жители Ругена тотчасъ развели огни по берегу, чтобъ согрѣть спасшихся и въ послѣдствіи обходились съ ними весьма хорошо: Контръ-Адмиралъ Сарычевъ пишетъ {См. Дневныя Записки плаванія Вице-Адмирала Сарычева. Стран. 138.}:
"Графъ Ливень {Генераль-Маіоръ при десантныхъ войскахъ; онъ находился на Диспачѣ.} и я съ великимъ трудомъ взобрались на высокій и крутой берегъ. Отъ сего мѣста надобно было еще итти пѣшкомъ до селенія цѣлую версту; но я, послѣ претерпѣннаго въ прошедшей ночи отъ мокроты и стужи, такъ ослабѣлъ, что не въ силахъ былъ итти далѣе и палъ *бы* тутъ отъ изнеможенія, если бѣ великодушный графъ, будучи и самъ почти въ такомъ же положеніи, но напрягая послѣднія свои силы, не подалъ мнѣ помощи и не довелъ меня до избы, гдѣ добродушные поселяне сняли съ насъ мокрое платье, положили въ постели, укутали теплыми одѣялами и тѣмъ отогрѣли."

Здѣсь нашли они отважнаго своего доктора {Имя его Василевскій.}, который къ берегу приплылъ благополучно, но тутъ волнами о камень избило его жестокимъ образомъ, и онъ нѣсколько времени былъ очень боленъ. Мужественный его поступокъ достоинъ величайшей похвалы; ибо онъ, не взирая на усталость и ушибы, кое-какъ добрался до селенія и первый увѣдомилъ жителей о бѣдствующемъ суднѣ; въ слѣдствіе чего они тотчасъ собрались и пошла къ берегу на помощь претерпѣвающимъ кораблекрушеніе.

Контръ-Адмиралъ въ послѣдствіи осматривалъ стоявшій на мело бригъ и нашель, что всѣ его скрѣпленія были цѣлы и крѣпки, и члены во всѣхъ частяхъ тверды; это приписываетъ онъ особенно хорошей постройкѣ, а потому старался сыскать въ Стральзундѣ корабельнаго мастера, который взялся бы

Контръ-Адмиралъ въ послѣдствіи осматривалъ стоявшій на мело бригъ и нашель, что всѣ его скрѣпленія были цѣлы и крѣпки, и члены во всѣхъ частяхъ тверды; это приписываетъ онъ особенно хорошей постройкѣ, а потому старался сыскать въ Стральзундѣ корабельнаго мастера, который взялся бы

спять его съ мели и исправить. Мастеръ хотя былъ найденъ и подряженъ за шестнадцать тысячъ талеровъ снять бригъ съ мели, однако жъ въ предпріятіи своемъ не успѣлъ; но спасъ съ него только то, что было можно. Между тѣмъ экипажъ брига былъ размѣщенъ по кораблямъ эскадры, стоявшей у Ругена, а самъ Контръ-Адмиралъ переѣхалъ на корабль Рафаиль, на которомъ и находился до прибытія его въ Кронштадтъ.

Крушеніе корвета Флоры, подъ начальствомъ Капитанъ-Лейтенанта Кологривова (*) погибшаго въ ночи на 28-е Января 1807 года, въ Средиземномъ Морѣ у береговъ албанскихъ.

(*) Всеволодъ Семеновичъ Кологривовъ извѣстенъ Русскому флоту какъ по своему искусству и свѣдѣніямъ въ морскомъ дѣлѣ, такъ по любезнымъ качествамъ и веселому, живому характеру; онъ умеръ въ чинѣ капитана перваго ранга.

Корветъ Флора погибъ на берегахъ Албаніи въ то время, когда Турки уже объявили войну Россіи, и потому экипажъ сего судна, спасшись при кораблекрушеніи, попался въ плѣнъ къ народу, поступившему съ нимъ, по обыкновенію своему, жестокимъ и, можно сказать, варварскимъ образомъ. По симъ обстоятельствамъ кораблекрушенія, командиръ корвета не могъ сохранить морскаго журнала и ни какихъ другихъ бумагъ, изъ которыхъ можно было бы составить полное оному описаніе; но какъ самое кораблекрушеніе, такъ и происшествія, случившіяся послѣ того съ экипажемъ въ плѣну у Турокъ, весьма хорошо описаны въ журналѣ служившаго тогда на семъ корветѣ Лейтенанта Сафонова {Василій Алексѣевичъ Сафоновъ нынѣ въ

отставкѣ и живеть въ Москвѣ: кто во флотѣ его не зналъ и не любилъ?}, то я здѣсь выписку изъ него помѣщаю. Она взята изъ сочиненія почтеннаго издателя Отечественныхъ Записокъ {Павель Петровичъ Свиньинъ, писатель извѣстный публикѣ по многимъ полезнымъ и пріятнымъ своимъ сочиненіямъ.}, напечатаннаго имъ подъ заглавіемъ: *Воспоминанія на флотѣ.*

"7-го Января, со всею эскадрою Адмиралъ {Главнокомандующій: Вице-Адмиралъ Дмитрій Николаевичъ Сенявинъ.} вышелъ изъ Бокка-ди-Каттаро въ море; вѣтеръ былъ крѣпкій, погода пасмурная со шквалами. Ночью вѣтеръ сдѣлался противный въ Корфу, и по темнотѣ мы съ адмираломъ разлучились; вѣтеръ крѣпчалъ до чрезмѣрности и къ утру снесло насъ къ Курцолѣ, куда мы наконецъ и спустились.

"9-го Января, на курцольскомъ рейдѣ нашли два нашихъ корабля "Елену" и "Уриіла," поставленныхъ для защиты крѣпости отъ непріятели.

"24-го Января, съ первою переменною вѣтра вышли въ море; вѣтеръ былъ пресильный, но благополучный: въ одинъ рифленый гротъ-марсель шли по тринадцати узловъ; а когда поставили форъ-марсель, то начало корветъ заливать, почему и убрали его къ ночи.

"26-го Января, вѣтеръ болѣе и болѣе усиливался, и наконецъ сдѣлался противнымъ; облака летали подобно молніи; слышенъ былъ глухой подземный шумъ, и чувствуемъ запахъ сала отъ воды; потомъ все небо покрылось однимъ чернымъ облакомъ. Съ страшнымъ шумомъ возсталъ вихрь, и порывисто переменялъ свое направленіе вокругъ всего компаса; море воздымало валы свои до необъятной высоты; вдали слышенъ былъ громъ; молнія сверкала безпрестанно; вдругъ воздухъ сдѣлался теплымъ, и въ тучѣ показалось страшное явленіе кроваваго цвѣта. Это послужило намъ вѣрнымъ признакомъ жестокаго шквала. Немедленно послали

людей крѣпить паруса, но не успѣли дойти до марсовъ, какъ жестокой шкваль повалилъ судно на бокъ.-- Увы! хотѣли уже проститься съ свѣтомъ: но, къ счастью нашему, въ тотъ же моментъ молнія ударила въ мачты, онѣ сломились и упали въ море. Отъ убавки сверху тяжести корветъ пришелъ въ прежнее положеніе; немедленно бросились спасать погибающихъ людей, двадцать спасли, а двадцать два утонули. Вскорѣ потомъ ярость стихій мало по малу укротилась, настала тишина, и взору представились повсюду печальные слѣды опустошенія.-- По счисленію нашему, мы находились близко отъ берега и по лоту видя уменьшеніе глубины, стали на якорь около мыса Дурацо (въ Далмаціи). На другой день, исправясь фальшивымъ вооруженіемъ, направили путь въ Корфу; до одиннадцати часовъ шли благополучно; ввечеру вѣтеръ сдѣлался противный отъ ZW, и чрезвычайно крѣпкой: насъ начало валить къ албанскому берегу. Не имѣя возможности нести паруса, не могли удалиться отъ береговъ, а глубина безпрестанно убавлялась; рѣшились стать на якорь; но, къ несчастію нашему, первый якорь не задержалъ; бросили другой и тотъ также, наконецъ и третій -- все тщетно. Лишь только хотѣли бросить четвертый, какъ уже корветъ ударило объ мель и вышибло руль. Боже! вскричали всѣ, погибаемъ! Не было возможности спастись: вода въ трюмѣ увеличивалась, дождь лилъ ливмя, ночь претемная, вездѣ стонъ и молитвы -- ожидали каждую минуту своей гибели; но Богъ не допустилъ насъ до сего -- увидѣли утро. Вѣтеръ сдѣлался немного мягче, но жестокой бурунь ходилъ вокругъ судна. Сдѣлали консилиумъ и положили, не смотря на угрожающую опасность, спасать людей, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которыхъ удастся; но Всевышній былъ милосердъ ко всѣмъ, и мы съ капитаномъ послѣдніе по спасеніи команды съѣхали на берегъ. (28-го Января) принесся

Богу благодареніе, развели огонекъ и расположились переночевать на непріятельскомъ берегу; во всю ночь вѣтеръ былъ крѣпкій и съ проливнымъ дождемъ, но послѣ нашихъ несчастій и трудовъ мы спали замертво и не слышали дождя. Поутру корветъ уже былъ разбитъ и видны были одни члены. Двѣ бѣды миновались -- настаесть третья: толпы Албанцевъ самымъ варварскимъ образомъ берутъ насъ несчастныхъ, обезоруживаютъ, сдираютъ послѣднее на насъ платье и отводятъ въ Бератъ къ пашѣ. Великодушный Турокъ дозволилъ намъ принести жалобу на варваровъ, велѣлъ возвратитъ все отнятое и потомъ объявилъ несогласіе Оттоманской Порты съ Россією, а что мы плѣнные.

"9-го Февраля, по повелѣнію его, отправились въ Царьградъ при конвоѣ подъ начальствомъ аги.

"10-го Февраля прибыли мы въ загородный дворецъ паши, построенный въ азіатскомъ вкусѣ на горѣ. По приказанію паши, дано намъ было здѣсь на десять челоуѣкъ по барану, которыхъ мы по-албански изготовили сами, изжаривъ цѣликомъ надъ огнемъ, и растерзали руками по порціи. Переночевавъ довольно изрядно на дворѣ, въ четыре часа утра отправились далѣе; провожатые наши начинаютъ быть съ нами уже посмѣлѣе и обыскиваютъ наши карманы; но, къ несчастій), не находятъ въ нихъ ни гроша.

"11-го Февраля прибыли въ Албесанъ, гдѣ жители, по врожденной ненависти къ Христіанамъ, приняли насъ съ большимъ руганіемъ и побоями; но квартира была порядочная, и хозяинъ дома. Грекъ, былъ къ намъ милостивъ; однѣ только толпы Турокъ, желавшихъ насъ видѣть, какъ какое либо чудо, до самой ночи безпокоили насъ мучительно; наутро отправились; дорога шла горами.

"12-го Февраля прибыли въ крѣпость Огеру, коей управленіе зависитъ отъ Паши Бератскаго; она построена на высокой горѣ при озерѣ. Строеніе

готическое, но защищено довольно изрядно; жители, большею частью, Булгары и Греки. Обидь въ этомъ городѣ мы не терпѣли, но кормили насъ весьма худо -- объѣдками хлѣба, остававшагося послѣ провожатыхъ. Съ тощими желудками горестно перешли мы разстояніе, ведущее высокими горами.

"13-го Февраля пришли въ городъ Монастырь, населенный большею частью Турками и Албанцами Магометанской Вѣры; Булгаръ и Грековъ весьма мало. Варварскій народъ встрѣтилъ насъ еще за триста шаговъ отъ воротъ, и провожалъ до самой квартиры ругательствами и бросаніемъ въ насъ камнями и грязью. Въ добавокъ къ сему мученію дали намъ предурную квартиру: на голомъ полу принуждены были за худую погоду пролежать двое сутки; Во все это время Турки не переставали насъ беспокоить, такъ что одинъ изъ старшихъ Турокъ принялъ въ насъ участіе и отгонялъ сихъ злодѣевъ нѣсколько разъ отъ окошекъ. Къ счастью нашему, мы рано вышли изъ сего проклятаго мѣста, а то досталось бы намъ еще; дорога была грязная.

"18-го Февраля, прибыли въ Прилѣпъ. Онъ окруженъ лѣсами и населенъ Булгарами, кои встрѣтили насъ съ неожиданною радостью, чего ни какъ мы не ожидали. Хотя квартирою нашею былъ сарай, но впрочемъ мы были очень довольны. Добрые жители принесли намъ мяса, вина (не красна изба углами, а красна пирогами), и, къ нашему счастью, пробыли мы здѣсь двое сутокъ. Добрые Булгары брали столь живое участіе въ горестномъ нашемъ положеніи, что проклятые наши стражи, примѣтивъ это, били ихъ и отгоняли отъ насъ палками. Слава Богу! ноги отдохнули; погода была прекрасная; кажется, все намъ благопріятствовало, какъ проклятый одинъ провожатый подѣзжаетъ ко мнѣ, и требуетъ у меня платка съ шеи; я прошу оставить его требованіе, но вижу -- онъ вынимаетъ

ятаганъ и я, не дожидаясь комплиментовъ, отдалъ ему требуемое. До сего считалъ я себя счастливымъ противъ товарищей моихъ, у которыхъ было уже все отобрано: видно, дошла очередь и до меня: однако жъ я взялъ свои мѣры: выучилъ наизусть албанскую пѣсню, и по приказанію солдатъ и аги пѣлъ, когда имъ было скучно; такимъ образомъ, угождая имъ, не платилъ пошлины. Когда развеселятся ихъ рожи (что мы прилежно замѣчали) и они закричатъ: "гей, капитанъ Василій!" давая знакъ головою, чтобъ я пѣлъ съ ними -- я тотчасъ начинаю подражать ихъ манеру, кривляюсь и гнушу вносъ, сколько можно болѣе; пропѣвъ такимъ образомъ куплетъ, получалъ похвалу, заключающуюся въ сихъ словахъ: "ай, собака невѣрный", и прочее. Такимъ образомъ продолжая напѣвать, да подпѣвать, да выдумывать разныя проказы, кои отчасти были мнѣ знакомы съ дѣтства и весьма теперь пригодились, продолжалъ я путь съ большою выгодною противъ моихъ товарищей.

"19-го Февраля пришли въ городъ Крюперли, при подошвѣ горы населенный Турками; Грековъ и Булгаръ немного. Онъ зависитъ отъ Али-Паши. Городъ большой и многолюдный; насъ порядочно покормили -- и поколотили.

"20-го Февраля, прошли крѣпость Иштипъ, построенную на горѣ.

"21-го Февраля находились въ небольшомъ городѣ Родовиштѣ, заселенномъ на равнинѣ, простирающейся верстъ на семь вокругъ и кончащейся высочайшими горами. Природа обогатила мѣстоположеніе это всѣми прелестями и украсила обработанными полями и виноградниками; жители -- Булгары; мы отгостили у нихъ, по врожденному ихъ состраданію-къ несчастнымъ, довольно хорошо. Здѣсь заслуживаетъ вниманіе кладбище: каждая могила обсажена кипарисомъ и топодемъ, что вмѣстѣ составляетъ

прелестнѣйшую рощу, испещренную мавзолеями. Такія кладбища должны быть во всей Турціи по закону Алкорана; деревья сажаются у головы, которая всегда кладется обращенною къ Меккѣ, и у ногъ. Мнѣніе народа таково, что ежели деревья эти не примутся, покойника считаютъ недостойнымъ быть въ раю съ Магометомъ,-- Христіане также слѣдуютъ сему обычаю: насаждаютъ деревья при могилахъ своихъ, но только не кипарисы, ибо они принадлежатъ исключительно Туркамъ.

"22-го Февраля ночевали въ городѣ Стромицѣ. Достойно похвалы устройство и повиновеніе народа къ начальникамъ. Ни одинъ Турокъ не осмѣлился подойти къ намъ безъ дозволенія. Кормили насъ довольно изрядно, и квартира была порядочная. Время намъ къ пути благопріятствовало; только паша одежда едва уже прикрывала наготу, и что было покрѣпче, то отнято нашими сторожами. Вчера бѣдныя мои пуговицы были оторваны прежнимъ Албанцемъ, который увѣрялъ меня, что онъ золотыя и никакъ не вѣрилъ, что мѣдныя; этого звѣря, одного изъ провожатыхъ, не могъ я сдѣлать къ себѣ великодушнымъ или сострадательнымъ.

"23-го Февраля пришли въ Петриче, большой и многолюдный городъ, окруженный каменною стѣной; нужда заставила меня время отдыха употребить на выдѣлываніе деревянныхъ застежекъ вмѣсто пуговицъ, и такимъ образомъ привязавъ къ веревочкамъ палочки, соорудилъ порядочно оборванный вицъ-мундиръ свой и потомъ показалъ злодѣю мое положеніе, до коего онъ довелъ меня: онъ усмѣхнулся и одобрилъ, сказавъ: "Мудренъ, собака!" --

Кормили насъ хотя дурно, но мы были спокойны со стороны обидъ; на другой день при пасмурной погодѣ отправились въ городъ Демисаръ, окруженный высокими горами: на нѣкоторыхъ видны были развалины крѣпостей; самъ паша приходилъ насъ

смотрѣть, разговаривалъ съ нами ласково, и велѣлъ накормить и не обижать; но по выходѣ изъ города все-таки каждому досталось удара гю два палкой по спинѣ, а бѣдному нашему доктору разбили сверхъ того камнемъ носъ.

"25-го Февраля, при хорошей погодѣ и прекрасной дорогѣ, по съ худыми сапогами прибыли мы въ большой и торговый городъ Севасъ. Въ немъ паша имѣетъ великолѣпный дворецъ въ азіатскомъ вкусѣ; любопытствуя видѣть насъ, приказалъ онъ привести къ себѣ на дворъ, гдѣ окружила насъ его гвардія и народъ. Самъ же онъ съ своею свитою смотрѣлъ на насъ изъ великолѣпной галереи; между тѣмъ шуты, принадлежащіе его особѣ, бѣгали около насъ и забавляли его разными кривляньями; по окончаніи сего парада, препроводили насъ съ крикомъ, шумомъ и барабаннымъ боемъ въ сарай (обыкновенную пашу квартиру на станціяхъ). Мимоходомъ замѣтилъ я великолѣпныя торговыя лавки съ хорошо расположенными товарами. Въ это время было тамъ множество войскъ, собранныхъ нашею противъ Георга Чернаго, и все это валилось насъ смотрѣть; тутъ мы испытали всѣ непріятности, какія только можно себѣ вообразить, особливо уставъ отъ дальняго перехода; день былъ жаркій, томительный; мы была измучены совершенно и даже въ отчаяніи отъ сихъ наглецовъ. Дерзость одного изъ нихъ простиралась такъ далеко, что онъ пнулъ нашего Офицера, ругая его сколько можно болѣе и привелъ насъ, давно уже привыкшихъ къ подобнымъ поступкамъ, въ ожесточеніе -- я забылъ самъ себя и ударилъ этого бусурмана такъ крѣпко, что онъ полетѣлъ стремглавъ. Въ минуту засверкали сабли, и я получилъ такой сильный ударъ въ голову, что упалъ безъ памяти; но дѣло этимъ бы не кончилось, если бъ по счастію не случился тутъ французъ, служащій въ турецкой артиллеріи; онъ умѣлъ привести все въ

порядокъ и утишить волненіе. Не имѣвъ во весь день и ночь покоя, отправились мы въ дальнѣйшій путь; меня же, по болѣзни, посадили на осла. При выходѣ изъ города народъ не упустилъ случая поподчивать насъ палками и грязью, и опять болѣе всѣхъ досталось доктору; его трехъ-угольная шляпа казалась имъ смѣшною, и мы неоднократно просили его скинуть ее, а надѣтъ какую нибуиь скуфейку, чтобы избавить себя и насъ отъ побоевъ; но онъ былъ упрямъ и терпѣлъ за то до самаго Царяграда.-- Версты двѣ дорога продолжалась аллеєю, насаженною престарѣлыми кипарисными деревьями. По выходѣ изъ оной представилось намъ прелестное поле, на которое природа истощила, кажется, всѣ дары свои. Потомъ дорога привела насъ къ высочайшимъ горамъ, гдѣ между оврагами прошли мы разстояніе часовъ на восемь времени- По истинѣ искусный живописецъ не въ состояніи изобразить этихъ скалъ, висящихъ надъ нашими глазами, на которыхъ дикіе кустарники и разнаго рода деревья, переплетясь между собою, пустили корни и отрасли свои чрезъ трещины камней по бокамъ глубоко въ овраги. Къ Виновнику сихъ чудесъ, ко всеобщему Отцу обращаюсь я ежедневно со внутреннимъ ощущеніемъ ничтожества моего, и поклоняюсь со страхомъ, препинающимъ языкомъ произношу: помилуй меня, о Вѣчный! сохрани пылинку, о! Всемогущій! соблюди слабаго, странствующаго во тмѣ, бѣднаго, немощнаго! Такимъ образомъ, удивляясь премудрости Божіей, дошли до фонтана и караванъ-сарая, за два года предъ симъ построенныхъ однимъ пашею. Вода течетъ съ высоты горъ, клубится, кипитъ и падаетъ чрезъ нѣсколько каменныхъ пороговъ въ глубокую яму, которая обведена мраморною стѣною съ четырьмя кранами, при коихъ висятъ на цѣпочкахъ ковшики. Старецъ вышелъ къ намъ навстрѣчу и утолилъ жажду нашу. Стѣна вся исписана турецкими

золотыми буквами, означающими имя строителя и годъ. Сей почтенный старецъ съ участіемъ смотрѣлъ на насъ, и замѣтивъ, что я боленъ, изъ состраданія вынесъ мнѣ кусокъ хлѣба, за что я очень его благодарилъ, ибо два дня ничего не ѣлъ. Вскорѣ закричали наши провожатые гайда!-- и мы разстались съ нимъ. Вдали сквозь долину открылся прелестный видъ города Мири, лежащаго на берегу Архипелага, а въ правую сторону видны были острова Имбро и Самондраки; потомъ показались корабли и -- вѣрно Русскіе; по вмѣсто радости произвели они въ насъ горестное ощущеніе; я почувствовалъ всю жестокость своей участи, представляя себѣ соотечественниковъ своихъ; сотоварищей, торжествующими владыками сихъ морей, страхомъ Мусульманъ, а себя въ рубищѣ, въ самомъ жалкомъ, низкомъ положеніи, страшащимся ежеминутно умереть отъ голода, изнуренія, или, подобно собакѣ, отъ руки послѣдняго Турка въ забаву его или изъ презрѣнія.... Къ вечеру пришли въ городъ Мири; квартиру дали намъ, какъ обыкновенно, самую скверную и по куску хлѣба, и то дожидались, пока собрали съ домовъ объѣдки; но насъ это уже не беспокоило; мы къ тому привыкли,-- только бѣ поскорѣе отдохнуть и быть готовымъ къ маршу. Наутро, слава Богу! мнѣ гораздо было лучше, и, кажется, я сдѣлался крѣпче. Погода намъ благопріятствовала; версть восемь шли аллею изъ оливковыхъ деревъ вдоль моря. Въ шесть часовъ пополудни, прибыли въ небольшой городъ Феріеи, обведенный каменною стѣною и очень бѣдный. Не понимаемъ, по какимъ причинамъ нашъ ага расположился здѣсь на двое сутокъ. Въ эти два дня получили мы по маленькому куску хлѣба, и квартира была самая несносная, безъ пола, полная сору, паутины и мышей; вмѣсто разбитыхъ стеколъ, на случай нашего прибытія приколотили къ окошкамъ доски; мы и тому были рады, ибо онѣ препятствовали черни плевать на

насъ. Одинъ дерзкій Турокъ вошелъ посмотрѣлъ насъ въто время, какъ я спалъ и своею шляпою прикрылъ лице; безъ всякихъ церемоній онъ чубукомъ столкнулъ съ лица моего шляпу; я проснулся и сказалъ съ досадою; что тебѣ надобно? Купекъ! отвѣчалъ онъ мнѣ съ презрѣніемъ (т. е. собака); разумѣя эти слова, я усмѣхнулся и онъ тоже, назвавъ меня опять *гяуромъ* (невѣрнымъ). Мы съ товарищами засмѣялись такимъ привѣтствіямъ, за которыя попросилъ я у него табаку; онъ далъ мнѣ его довольно щедро и мы закурили съ нимъ трубки; я запѣлъ албанскую пѣсню, и такъ его развеселилъ, что подъ конецъ не хотѣлъ онъ съ нами разстаться; потомъ пошелъ домой, и вскорѣ принесъ кусокъ сыраго мяса, и бросилъ мнѣ, какъ собакѣ; я поблагодарилъ его, а онъ былъ свидѣтелемъ, какъ мы растерзали сей кусокъ на части и тотчасъ изжарили на палочкахъ. Давая намъ еще мяса, просилъ онъ меня повторить пѣсню. Двухъ-дневное отдохновеніе, а болѣе діета, хотя и невольная, совершенно поправили мое здоровье. На третій день, при холодной и дождливой погодѣ, дошли до рѣки Морища; тутъ принуждены мы были дожидаться за скопившеюся при переправѣ многочисленною конницею Измаила-Бея. Хотя ожидали мы много себѣ обидъ, побоевъ, ругательствъ отъ необузданныхъ разбойниковъ, но кромѣ обыкновенной брани ничего отъ нихъ не получили; нѣкоторые даже давали намъ хлѣба; чрезъ два часа переправились и мы, и вскорѣ прибыли въ большой городъ Кешанъ, лежащій на горѣ, и окруженный также стѣною, отъ которой до подошвы горы простираются обработанныя поля, видъ прекрасный! Жители большею частію Греки; квартиру имѣли мы изрядную, и кормили насъ довольно хорошо; здѣсь услышали мы, будто Англичане прошли Дарданеллы и сожгли Турецкій флотъ.

"10-го Марта прибыли въ небольшое селеніе Моятжери, разоренное отъ междоусобной брани;

квартирою нашею была тюрьма, но кормили насъ изрядно, и огня было довольно, слѣдовательно и обсушиться было время. На другой день въ четыре часа утра отправились далѣе; дорога была хорошая и день ясный; чрезъ пять часовъ вышли на видъ Мраморнаго Моря и наконецъ достигли торговаго и приморскаго города Родоса, лежащаю при проливѣ. Видъ прекраснѣйшій! Природа не поскупилась убрать его всѣми красотами; и въ самомъ городѣ дома и улицы очень хорошия, множество лавокъ, набитыхъ товарами. Насъ вели по всѣмъ улицамъ, какъ будто для показа; стеченіе народа было вокругъ насъ ужасное; чернь примѣтнымъ уже образомъ становилась образованнѣе, хотя и не ласковѣе; по крайности мы не имѣли обидъ; кормили насъ порядочно, и квартиру были довольны; только во все время любопытные не отходили отъ окошекъ. На другой день, 12-го числа, время также было хорошее, но утро было очень холодное, а ветхое наше платье, едва прикрывавшее наготу, не защищало отъ холода и вѣтра. Въ десять часовъ утра прибыли на постоянный дворъ, принадлежащій одной сумасшедшей женщинѣ, бывшей наложницѣ Султана. Она по близости имѣетъ свой замокъ и земли; узнавъ о прибытіи нашемъ, прискакала вооруженная, какъ мужчина и съ открытымъ лицомъ, въ пребогатѣйшемъ платьѣ и, чуждая нѣжности, свойственной прекрасному полу, исполнена дерзости и жестокости, не давъ отдохнуть и не накормивъ насъ, велѣла выгнать изъ селенія. Ага и прочіе провожатые, не смѣя противорѣчить, принуждены были вести насъ далѣе. По крайней мѣрѣ дорога была нескучна: всѣ заняты были проклинаніемъ этой женщины, и отъ Турокъ ей досталось. Наконецъ прибыли въ приморскій городъ Селиврию. На пути до онаго одинъ Турокъ, наѣвшійся опіа, присталъ къ намъ, и вт* сумасшествіи подобно пьяному дѣлалъ *большія* забіячества какъ съ нами, такъ и съ товарищами

своими; никто изъ провожатыхъ не могъ его унять; одного покусившагося на то ударилъ онъ по головѣ ятаганомъ, просѣкъ скуфейку и шаль, а другаго чуть не убилъ до смерти изъ пистолета, къ счастью, не попалъ въ него. Не знали, какъ отдѣлаться отъ такого товарища. Наконецъ рѣшились связать его, выколотили по пятамъ палками, и оставили больного на дорогѣ.-- Городъ сей также имѣетъ пріятный видъ и многолюденъ. Квартирою былъ намъ сарай; кормили досыта. 14-го отправились въ путь; дорога и день были прекраснѣйшіе; повсюду представлялись обработанныя поля и виноградныя сады. Чрезъ шесть часовъ прибыли въ селеніе, гдѣ дали намъ позавтракать, и такимъ образомъ приготовили ввести въ столицу. Мы весьма радовались скорому концу нашего несчастія. По крайней мѣрѣ избавимся, думали мы, отъ ежедневныхъ побоевъ и безпрестанной опасности жизни. Прибытіе наше было уже извѣстно въ Стамбулѣ. У шлагбаума мы были встрѣчены вновь присланными для конвоя янычарами, а старые должны были сдать насъ у воротъ. Принявъ насъ, они по обычаю осмотрѣли наши карманы, и что осталось не взятаго старыми, отнято было новыми, даже и платки съ шеи не постыдились стащить, варвары. Представьте теперь наше положеніе! Въ изорванномъ платьѣ, босикомъ, на то?ловѣ тряпки, оброслыя бороды, *блѣдныя*, сухощавыя лица, неизвѣстность будущаго.... Народъ по улицамъ дожидался нашего шествія; насъ раздѣлили попарно; къ каждой парѣ приставили по четыре янычара и одного впереди адабаша, т. е. сержанта; такимъ образомъ растянули линію, дабы увѣрить народъ, что взято много, и даже старались разглашать, что взяли насъ сопротивляющимися въ Албаніи, которую хотѣли мы покорить! Одна Турчанка, старая вѣдьма, сопровождая насъ по всѣмъ улицамъ, немилосердымъ образомъ поносила насъ по-русски, выговаривая

самымъ чистымъ языкомъ всѣ площадныя ругательства; наконецъ привели насъ на дворъ къ Визирю, и поставили попарно. Такимъ образомъ дожидались мы около часа. *Дворъ* и домъ преогромные; народу вокругъ насъ собралось множество; караульные наши стояли съ дубинами и съ ятаганами, а нѣкоторые изъ чиновниковъ и съ плетми; признаться, не безъ ужаса посматривали мы на нихъ -- вдругъ шумъ въ толпѣ утихаетъ, является на балконѣ Визирь. Посмотрѣвъ на насъ, и не спрося ни слова, сдѣлалъ онъ знакъ чубукомъ, и насъ повели на приготовленные баркасы для переезда чрезъ заливъ мимо Перы и Галаты. Вскорѣ привезли насъ на каторжный дворъ, называемый курень или банья. Пройдя нѣсколько воротъ за карауломъ, дошли до послѣднихъ; тамъ заковали насъ въ желѣза попарно; но какъ я по жребію остался одинъ въ нечехахъ, то припади лежащія двумъ кандалы, долженъ былъ принять одинъ; наконецъ отворились и послѣднія желѣзныя ворота; тюремщикъ, сосчитавъ насъ, закричалъ -- гайда! указывая на тюрьму... Боже мой! какое зрѣлище представилось намъ темнота, смрадъ, грязь -- и по угламъ слышались стенанія и вздохи. То были бѣдные Русскіе больные и израненные. Немедленно бросились мы къ нимъ съ вопросами: откуда они и какимъ образомъ попались въ адское сіе мѣсто? Потомъ потушили вмѣстѣ, порадовались и посмѣялись... На другой день меня сковали съ донскимъ казакомъ Ивановымъ, предобрымъ человѣкомъ, и въ такомъ положеніи болѣе мѣсяца щеголяли мы съ нимъ въ желѣзахъ. Наконецъ узнавши, что мы офицеры, чрезъ разныя постороннія доказательства, а не по одеждѣ, ибо мы были въ совершенномъ рубищѣ и обросли бородами, Турки заковали насъ поодиначкѣ.

Тюрьма представляетъ большое четырехугольное каменное зданіе; оно выстроено нарочно для государственныхъ преступниковъ и раздѣлено на два

этажа, изъ коихъ верхній, родъ палатей, поддерживаемыхъ столбами, съ прибитыми къ нимъ цѣпями, на кои сажаютъ самыхъ важныхъ преступниковъ, а прочіе всѣ до единого человѣка скованы попарно. Въ наше время преступниковъ находилось до шести сотъ человѣкъ, да плѣнныхъ Русскихъ, болѣе изъ драгунъ, 200. Свѣтъ въ тюрьму проходитъ изъ слуховыхъ окошекъ и изъ дверей, а по стѣнамъ окошекъ нѣтъ; противъ дверей отгороженъ небольшой уголокъ для Греческой Церкви. Говорятъ, что Императрица Екатерина Великая была виновницею сего спасительнаго для Христіанъ утѣшенія.-- Гдѣ отрада Богъ, тамъ можно еще переносить несчастія! Каждое воскресенье для службы приходитъ греческій священникъ, которому строго воспрещено впрочемъ имѣть какія либо сношенія съ узниками. Въ другомъ углу въ стѣнѣ находятся два крана съ водою для питья съ двумя мѣдными кувшинами на цѣпочкѣ. Всего несноснѣе, что тутъ же немного въ сторону отведено мѣсто для всякой нечистоты, которая не прежде какъ чрезъ недѣлю очищается: ужасное зловоніе исходитъ изъ сего мѣста. Каждое утро въ шесть часовъ узники ходили на работу въ адмиралтейство, не снимая желѣзъ, кромѣ насъ офицеровъ, и ввечеру въ семь часовъ возвращались въ тюрьму, и получали по два небольшихъ хлѣбца и кашу, изъ крупъ и воли. Тюремщики въ это время считаютъ число людей, потомъ еще выгоняютъ вонъ и опять пересчитываютъ, и наконецъ запираютъ желѣзныя двери. Одинъ изъ каторжныхъ опредѣленъ старшиною -- смотрѣть за внутреннимъ спокойствіемъ; чрезъ каждые три часа къ дверямъ подходитъ дозоръ, человѣкъ изъ двадцати находящихся при тюремщикѣ янычаръ, и переставъ бить въ барабанъ, тюремщикъ спрашиваетъ Кириаки (имя внутренняго старшины) хорошо ли все? онъ отвѣчаетъ: хорошо; и всѣ закричатъ: ишалла! Всю ночь

продолжаютъ ходить кругомъ тюрьмы, и бить въ барабанъ; поутру пересчитываютъ вновь и выгоняютъ на работу.-- Здѣсь также производится казнь надъ преступниками: имъ рубятъ головы и удавливаютъ; наканунѣ роковаго дня заковываютъ ихъ кругомъ; нѣкоторые остаются здѣсь въ заключеніи вѣчно.-- Въ то время какъ бунтъ въ Константинополь возгорѣлся противъ Султана Селима, мы были еще въ тюрьмѣ. Можно представить себѣ, въ какой опасности мы тогда находились: ожидали каждую минуту, что бунтовщики, возставшіе противъ всего европейскаго, вломятся къ намъ въ тюрьму и перерубятъ насъ всѣхъ. Каждый выстрѣлъ, глухо отдававшійся въ сводахъ нашей преисподней, казался намъ предтечею нашей гибели; три дня не смыкали мы глазъ отъ страха. Но Богъ помиловалъ -- буря обошла насъ, и рушилась надъ визиремъ и вельможами; они были изрублены въ куски и не могли спастись ни коимъ образомъ; одного жиды хотѣли вынести въ гробу за городъ, но онъ*быль найдемъ и также изрубленъ.

Нѣжное отеческое сердце Государя Императора Александра проникло и въ это адское мѣсто, и въ эту преисподнюю. Онъ не забылъ о несчастныхъ и повелѣлъ чрезъ датскаго агента давать намъ содержаніе, которое и производилось офицерамъ по піастру, а рядовымъ вполовину. До сего совершенно терпѣли мы голодъ, получая одинъ маленькій хлѣбецъ, и будучи изнурены побоями и усталостью. Подъ конецъ, сверхъ того, я нечаянно открылъ еще способъ помогать себѣ и любезнѣйшимъ моимъ товарищамъ: выпросивъ красокъ и бумаги, нарисовалъ я однажды маленькой морской эстампецъ для Турка, которому чрезвычайно онъ понравился; послѣ сего многіе Турки приходили меня видѣть и просили рисовать, задавая мнѣ свои мысли. Но я рисовалъ всегда, что турецкій корабль разбилъ трехъ англійскихъ и нѣсколько французскихъ;

за это получалъ деньги, а иногда и съѣстное, которое дѣлилъ съ товарищами; сверхъ сихъ выгодъ для рисовки выводило меня изъ тюрьмы -- и я пользовался еще чистымъ воздухомъ. Такимъ образомъ напоследокъ не только жили мы безнужно, но и довольно весело....

Гибель Россійско-Американской Компаніи корабля Невы (*), на сѣверозападномъ берегу Америки, у Мыса Эджкома (**), въ широтѣ 57° 11', 9-го Января 1813 года.

(*) Сей корабль знаменитъ въ лѣтописяхъ Россійскаго мореплаванія: на немъ, подъ командою Капитана Лисянскаго, а подъ главнымъ начальствомъ Командора И. Ѳ. Крузенштерна, Русскіе совершили первое путешествіе вокругъ свѣта. Онъ же былъ употребленъ къ содѣйствію компанейской рати, подъ предводительствомъ Коллежскаго Совѣтника А. А. Баранова, при покореніи Колюжинской крѣпости, на островѣ Ситхѣ.

(**) Cape Edgesurabe: такъ сей мысъ названъ Англичанами и подъ симъ именемъ стоитъ на ихъ картахъ; но Русскіе, въ Америкѣ живущіе, дали ему имя Трубицына, въ память ботсмана, служившаго съ Чириковымъ и умершаго у здѣшнихъ береговъ.

Въ Ноябрь 1813 года, возвратясь изъ Японіи въ Камчатку, нашель я въ Петропавловской Гавани флота Лейтенанта Подушкина и нѣкоторыхъ другихъ чиновниковъ, бывшихъ въ службѣ Россійско-Американской Компаніи, и находившихся на кораблѣ "Нева" во время крушенія онаго. Отъ нихъ получилъ я свѣдѣнія касательно несчастнаго сего кораблекрушенія, и по обыкновенію моему записалъ оно со всѣми подробностями въ журналъ свой. Слѣдующее

повѣствованіе взялъ я изъ моихъ записокъ, и при составленіи онаго воспользовался также замѣчаніями Василя Николаевича Берга {Имя Г. Берга хорошо извѣстно публикѣ по разнымъ его любопытнымъ и общеплезнымъ сочиненіямъ. Описаніе сего кораблекрушенія напечатано имъ особою книжкою подъ заглавіемъ: *Описаніе несчастнаго кораблекрушенія фрегата Россійской Американской Компаніи Нева.*}, нѣкогда служившаго во флотѣ, и совершившаго путешествіе вокругъ свѣта. Впрочемъ не всѣ происшествія, случившіеся въ плаваніи корабля "Нева" изъ Охотска до Америки и при самомъ кораблекрушеніи, я описалъ такъ, какъ онѣ помѣщены у сего почтеннаго человѣка; онъ писалъ съ показанія, какъ и самъ говоритъ, Г. Терпигорева, который былъ тогда отставнымъ кадетомъ изъ Морскаго Корпуса, и ѣхалъ въ Америку съ дядею своимъ Коллежскимъ Совѣтникомъ Борноволокнымъ. Ни по званію его, ни по лѣтамъ, не могъ онъ пріобрѣсти той опытности, которую нужно имѣть, чтобъ безошибочно судить о морскихъ происшествіяхъ, а особливо при кораблекрушеніяхъ; бывали примѣры, что и людямъ совершенныхъ лѣтъ, носъ корабля казался кормою, и потому-то я думаю, что мое описаніе, составленное со словъ не одного лица, а многихъ, рассказывавшихъ въ присутствіи другъ друга, будетъ ближе къ истинѣ.

Главный Правитель Компанейскихъ Колоній, Коллежскій Совѣтникъ Барановъ, проведя въ Америкѣ безпрерывно двадцать лѣтъ, желалъ подъ старость возвратиться въ отечество, чтобъ остатокъ жизни провести въ кругу родственниковъ и друзей; на сей конецъ просилъ о назначеніи ему преемника. Сначала выборъ Компаніи палъ на Коллежскаго Ассессора И. Г. Коха, человѣка пожилаго, умнаго и въ дѣлахъ свѣдущаго; онъ могъ быть особенно для нея полезенъ, потому что долговременное его служеніе въ Сибири, и

болѣе въ Охотскѣ, доставили ему случай совершенно узнать производство дѣлъ промышленническихъ и научиться какъ управлять людьми сего разбора; но судьба не опредѣлила ему быть въ Америкѣ: на пути туда онъ остался въ Камчаткѣ зимовать, и въ Январѣ 1811 года скоропостижно умеръ. Тогда предложилъ Компаніи свои услуги Коллежскій Совѣтникъ Тертій Степановичъ Борноволокъ, котораго лично я не зналъ, но по отзыву другихъ онъ былъ человекъ съ большими достоинствами" Лѣтомъ 1812 года прибылъ онъ въ Охотскъ, чтобъ оттуда ѣхать въ Америку.

Для доставленія Г. Борноволокъ въ Америку, директоры назначили корабль "Нева", надъ коимъ начальство поручили флота Лейтенанту Подушкину. Офицеръ сей служилъ съ похвалою въ Средиземномъ Морѣ, во флотѣ, бывшемъ подъ главнымъ начальствомъ Вице-Адмирала Д. Н. Сенявина, приобрѣлъ одобреніе своихъ начальниковъ, и репутацію хорошаго морскаго Офицера. Похвальные о немъ отзывы обратили на него вниманіе и довѣренность Компаніи. Помощникомъ у него былъ штурманъ 9-го класса Калининъ, совершившій на томъ же кораблѣ путешествіе вокругъ свѣта; онъ былъ весьма искусный мореходецъ и самый прилежный къ своей должности, неутомимый офицеръ; будучи еще младшимъ штурманомъ, онъ удостоился служить на кораблѣ главнокомандующаго флота, находившагося по союзному договору въ Англіи {Въ 1798, 1799 и 1800 годахъ на кораблѣ "Елисавета" подъ флагомъ Вице-Адмирала Макарова, у котораго я служилъ тогда флагъ-офицеромъ, и зналъ Г. Калинина.}. Я слышалъ отъ всѣхъ офицеровъ корабля "Нева" о Г. Калининѣ то же самое, что Г. Бергъ напечаталъ въ описаніи крушенія Невы: *Достойно сожалѣнія, что издателемъ журнала корабля Невы имя его (Калинина) упоминается рѣдко, и не такъ, какъ бы должно было!* Сверхъ вышеупомянутыхъ чиновниковъ,

на корабль "Нева" находилось состоявшихъ въ компанейской службѣ разночинцевъ {Подпоручикъ Шиллингъ, штурманъ 14-го класса Неродовъ, кадетъ Терпигоревъ, ученики Травинъ и Мальцовъ, прикагцики Колобовъ и Сорокинъ, флотскій ботсманъ Григорьевъ, канониръ Волковъ; наемныхъ служителей въ разныхъ званіяхъ пятеро.} четырнадцать человѣкъ и промышленниковъ пятьдесятъ шесть человѣкъ, да четыре женщины: жены и дочери компанейскихъ служителей.

Въ послѣднихъ числахъ Августа 1812 года корабль "Нева" отправился съ охотскаго рейда въ путь при сѣверозападномъ попутномъ вѣтрѣ, который однако жъ не долго ему благопріятствовалъ. Вскорѣ наступили противные вѣтры; съ небольшою переменою дую отъ разныхъ румбовъ компаса, они препятствовали успѣшному плаванію несчастнаго корабля, и въ послѣдствіи были главною причиною его крушенія и гибели многихъ изъ экипажа. Лейтенантъ Подушкинъ плыль по близости Алеутскихъ Острововъ, по южную ихъ сторону, но такъ неудачно, что не прежде какъ 6-го Ноября увидѣлъ американскій берегъ въ окружностяхъ залива Якутата {Въ широтѣ 59 1/4 град.; на Англійскихъ картахъ Капитана Ванкувера онъ стоитъ подъ именемъ Берингова Залива; Лаперузъ назвалъ его Baye de Monti, а Диксонъ Port Mulgrave; большой же заливъ, въ коемъ онъ находится, Admiralty Bay.}. Впрочемъ, хотя плаваніе ихъ отъ Охотска было необыкновенно продолжительно, судя по времени года, когда въ высокихъ широтахъ господствуютъ большею частію вѣтры западные; но по крайней мѣрѣ не случилось съ ними ни какого несчастія, а съ прибытіемъ на видъ американскихъ береговъ, во-первыхъ оказался недостатокъ въ прѣсной водѣ, а потомъ, 8-го Ноября ночью, при жестокомъ вѣтрѣ съ восточной стороны, сломило гротъ-стенъгу и изорвало фокъ, гротъ и гротъ-марсель. Доселѣ они

старались войти въ какую нибудь изъ гаваней острововъ Кадьяка, или Уналашки; но теперь рѣшились уже спуститься въ первый способный портъ, гдѣ бы онъ ни находился, и куда только вѣтеръ допуститъ. Лейтенантъ Подушкинъ, никогда прежде не служившій на Сѣверовосточномъ Океанѣ и вовсе незнакомый съ американскими берегами, далъ полную свободу Штурману Калинину, какъ мореходцу, коему здѣшній край хорошо былъ извѣстенъ по прежнимъ его плаваніямъ и опытамъ, вести корабль, куда онъ заблагоразсудитъ для общей ихъ безопасности. Г. Калининъ принялъ "Неву" въ свое управленіе, воспользовался вѣтрами, и привелъ корабль въ небольшую безопасную гавань {Извѣстную на англійскихъ картахъ подъ именемъ Snug-corner-cove и Port Etches; а наши промышленники называютъ ее губою Нучекъ и Воскресенскою; въ широтѣ 60 град., долготѣ 147 град. 48' западной.} Чучатской Губы. Къ несчастію экипажа, раздоры и несогласія, возникшіе между старшими офицерами на пути ихъ до сего мѣста, здѣсь еще болѣе усилились. Не станемъ много говорить о ссорахъ и распряхъ, которыя надлежало бы предать вѣчному забвенію, если бъ онѣ не служили урокомъ неопытнымъ еще молодымъ офицерамъ, сколь пагубны бываютъ слѣдствія несогласій между начальниками въ опасныхъ и критическихъ положеніяхъ. Довольно сказать, что Г. Подушкинъ предлагалъ прозимовать въ семь портъ, представляя неизбѣжную опасность сопряженную съ плаваніемъ въ зимнее время по морямъ бурнымъ, на старомъ, худомъ кораблѣ, съ поврежденными снастями, неполнымъ комплектомъ парусовъ и съ неопытнымъ экипажемъ, между коимъ начали уже показываться разныя болѣзни. Но Г. Калининъ былъ противнаго мнѣнія: онъ думалъ, что зимованіе въ толь свирѣпомъ климатѣ, не имѣя удобнаго жилья, достаточной пищи и занятія для

служителей, повергнетъ ихъ въ пагубную недѣятельность и распространить между ими цынготную болѣзнь, которая, можетъ быть, истребитъ большую часть экипажа, а вѣроятно лишитъ столь многихъ изъ нихъ жизни, что корабль будетъ приведенъ въ невозможность достигъ какого либо порта, обитаемаго Русскими. По симъ причинамъ Калининъ думалъ, что имъ надлежитъ непременно выйти въ море, и стараться достигъ Ново-Архангельской Крѣпости, на островѣ Ситхѣ; господствующіе при здѣшнихъ берегахъ въ сіе время года сѣверные и сѣверозападные вѣтры обѣщали ему успѣхъ. Оба они отчасти были правы: каждый изъ нихъ имѣлъ на своей сторонѣ сильные и убѣдительные доводы; но какъ бы хороши предположенія ни были, изъ двухъ одно всегда должно быть лучше другаго. Въ званіи будущаго Главнаго Правителя Компанейскихъ Колоній и начальника морскихъ и сухопутныхъ ея силъ, Г. Борноволоковъ долженъ былъ рѣшить споръ между двумя мореходцами: страхъ пуститься зимою въ море сильно располагалъ правителя въ пользу плана Г. Подушкина, а дознанная опытность Г. Калинина убѣждала его принять мнѣніе послѣдняго: онъ долго колебался, наконецъ рѣшился послѣдовать совѣту Калинина. Послѣдствія не оправдали его выбора; но выборъ былъ, по мнѣнію моему, хорошъ; на мѣстѣ Г. Борноволокова я самъ сдѣлалъ бы то же. Г. Калинину, конечно, былъ извѣстенъ примѣръ англійскаго мореплавателя Мирса {Мирсъ (Mears), командуя купеческимъ судномъ, остался для торговыхъ выгодъ зимовать въ гавани Нучекъ Чугатской Губы. Въ продолженіе зимы лишился онъ почти всѣхъ своихъ людей, умершихъ въ цынготной болѣзни, о тѣмъ былъ доведенъ до такой крайности, что не могъ оставить пагубнаго ему мѣста. Къ счастію, весною пришелъ въ губу англійскій торговый корабль, капитанъ коего

удѣлилъ ему нѣсколько матросовъ и потомъ возвратился въ Кантонъ.}, зимовавшаго въ той же самой губѣ, гдѣ находилась "Нева," а сего примѣра слишкомъ было достаточно, чтобъ отвлечь всякаго мореходца отъ послѣдованія ему.

Вмѣстѣ съ утвержденіемъ плана Г. Калинина поручено ему было и начальство надъ кораблемъ, ибо Лейтенантъ Подушкинъ отказался отъ командованія онымъ. Исправивъ корабль, сколько возможность и обстоятельства позволяли, Г. Калининъ, около 1-го Декабря вышелъ въ море, и направилъ путь къ мысу Эджкому, лежащему при самомъ входѣ въ Ситхинскій Заливъ, гдѣ находится Крѣпость Ново-Архангельская. Чрезъ три или четыре дня пришли они на видъ высокой горы на семь мысу; казалось, что конецъ ихъ бѣдствіямъ приблизился, и они уже поздравляли другъ друга съ скорымъ прибытіемъ въ безопасную, давно желанную пристань; но Провидѣніе шествуетъ своей стезей, съ которой никто изъ смертныхъ еще не возвращалъ его. Въ первыхъ числахъ Декабря начались жестокіе противные вѣтры, которые скоро удалили корабль отъ береговъ, и потомъ, перемѣняясь носили его по волнамъ моря около мѣсяца. Въ продолженіе сего времени несчастный экипажъ не столько страдалъ отъ холода, ненастья, свирѣпыхъ бурь и недостатка пищи и воды, сколько отъ несогласія управлявшихъ имъ; ибо раздоры и безпорядокъ на кораблѣ между офицерами вселяли въ нижнихъ чиновъ недоувѣрчивость къ своимъ начальникамъ, и служители имѣли причину полагать, что офицеры не были увѣрены въ своемъ искусствѣ и сами не знали, что дѣлали. Я не думаю, чтобъ Терпигоревъ былъ правъ, когда увѣрялъ Г. Берга, что "въ иной день перемѣняли они пять разъ курсъ свой: то шли въ Ситху, то въ Кадьякъ, Уналашку или Якутатъ." Едва ли сыщется нынѣ въ нашемъ флотѣ офицеръ, столь малодушный, который бы съ каждою

перемѣною вѣтра перемѣняль и портъ своего назначенія, чтобъ только плыть съ попутнымъ вѣтромъ! Но мнѣ извѣстно, что на корабль "Нева" въ это время господствовалъ совершенный беспорядокъ. Г. Борноволоковъ не зная науки мореплаванія, со всѣмъ своимъ умомъ, не могъ рѣшительно приказывать, что дѣлать надлежало, и но необходимости слѣдовалъ внушеніямъ другихъ; а посему повелѣнія его часто перемѣнялись. Однажды велѣль онъ править къ Сандвичевымъ Островамъ, о которыхъ читалъ въ одномъ путешествіи, и плѣнился ими; мысль его была весьма основательна, но морскіе офицеры объявили ему, что на переходъ туда нѣтъ у нихъ ни съѣстныхъ припасовъ, ни прѣсной воды, о чемъ прежде, какъ человекъ не морской, онъ не догадался справиться. Экипажъ и пассажиры, глядя на своихъ старшинъ, также раздѣлились на партіи, которыя между собою враждовали. Недоброжелатели прежняго командира, каковыхъ всякій начальникъ болѣе или менѣе имѣетъ между своими подчиненными, старались даже распространить молву будто бы онъ, на зло Г. Калинину, научалъ рулевыхъ сбиваться непримѣтнымъ образомъ съ опредѣленнаго курса, чтобъ только запутать его въ счисленіи пути. Но я, съ моей стороны, ни какъ этому не могу повѣрить: не говоря уже о такомъ поступкѣ въ отношеніи къ крайней его подлости, собственная безопасность заставила бы каждого воздержаться отъ онаго; да и рулевые, зная, что цѣлость корабля и собственная ихъ жизнь зависятъ отъ вѣрности счисленія, ни какъ не согласились бы исполнить столь пагубное приказаніе. Надобно сказать, что корабль въ морѣ нѣкоторымъ образомъ уподобляется маленькому государству, независимому отъ посторонняго вліянія. Если на немъ, отъ слабости и неблагоразумія управляющихъ, прекратится повиновеніе одному, тотчасъ обнаружатся характеры, которые въ подобныхъ

обстоятельствахъ мы видимъ на большомъ театръ свѣта. Дѣла на кораблѣ находились въ такомъ горестномъ положеніи, пока судьба не положила конца имъ самымъ ужаснымъ кораблекрушеніемъ!

8-го Января 1813 года, вскорѣ по захожденіи солнца, увидѣли влѣво высокій берегъ, по счисленію и заключеніямъ Г. Калинина, основаннымъ на астрономическихъ наблюденіяхъ въ полдень сего числа взятыхъ, долженствовавшей быть мысъ Эджкомъ. Берегъ открылся точно такимъ образомъ и въ самое то время, какъ ожидалъ Г. Калининъ, и потому онъ, въ полной увѣренности, что наблюденія его были вѣрны, не хотѣлъ упустить тихаго, попутнаго вѣтра, и рѣшился, пользуясь онымъ, плыть въ продолженіе ночи въ Ситхинскій Заливъ, чтобъ быть готовымъ тотчасъ по разсвѣтѣ войти въ Портъ Ново-Архангельск ъ. Наружный видъ берега, знакомый Г. Калининъ по прежнему его здѣсь плаванію, увѣрилъ его еще болѣе въ точности счисленія; онъ ни мало не сомнѣвался, что видитъ гору Эджкомъ, по положенію коей опредѣливъ курсъ, оставался покойнымъ. Вѣтеръ дулъ умѣренно, и корабль шелъ отъ трехъ до четырехъ миль въ часъ. Ночь была довольно темна, но позволяла увидѣть берегъ въ такомъ разстояніи, что безъ всякой опасности можно было отъ него отворотить, ибо онъ въ семь мѣстѣ чистъ и приглубъ.

Въ полночь они видѣли берегъ, и продолжали итти тѣмъ же курсомъ; наконецъ, когда нашла пасмурность съ дождемъ и закрыла берега, Кали ни въ и тогда велѣлъ продолжать тотъ же курсъ. Трудно изъяснить причину, которая въ это время руководствовала Г. Калининымъ. Онъ поступилъ противъ всѣхъ правилъ морскаго искусства и тѣмъ болѣе, что въ Ситхинскомъ Заливѣ находится много камней наравнѣ съ водою и подводныхъ, и есть довольно сильный приливъ, дѣйствующій неправильно; слѣдовательно одни только

опытные, мѣстные лоцманы, коихъ здѣсь вовсе нѣтъ, могутъ принимать въ соображеніе дѣйствіе теченій. Всѣ сіи обстоятельства, конечно, были извѣстны Г. Калинину, и потому я думаю, что весьма худое состояніе, въ которомъ находился корабль, заставило его отважиться на столь опасный и при лучшихъ обстоятельствахъ неблагоприятный поступокъ; онъ боялся, что если крѣпкимъ вѣтромъ отнесетъ ихъ опять отъ береговъ, то они должны будутъ погибнуть въ морѣ, и для того рѣшился, во чтобы ни стало, не упускать благопріятнаго вѣтра, позволявшаго ему войти въ желанный портъ. Что же принадлежитъ до объявленія кадета Терпигорева, будто бы когда нашла уже и пасмурность, и корабль приближался къ берегу, Калининъ находился внизу, то ни какъ нельзя ожидать такого небреженія отъ опытнаго, извѣстнаго своимъ усердіемъ къ должности офицера, а особливо въ такомъ случаѣ, когда не было у него помощниковъ, на которыхъ бы онъ могъ съ довѣренностью положиться. Впрочемъ: *безъ суда никто да не накажется!* Калининъ заплатилъ за свой поступокъ жизнью, и болѣе уже отвѣчать не можетъ; но если бъ сей мореплаватель остался въ живыхъ, то вѣроятно оправдалъ бы свои мѣры -- не правилами мореплавательнаго искусства, коему онъ были совершенно противны, но положеніемъ, въ какомъ находился экипажъ!

Часа за два до разсвѣта (9-го Января) отчаянный голосъ съ бака: *земля вплоть передъ носомъ!* сначала произвелъ страхъ, а потомъ замѣшательство по всему кораблю. Всѣ кричали, бѣгали, суетились; всѣ хотѣли управлять, совѣтовать! Словомъ произошелъ величайшій беспорядокъ, какой обыкновенно при опасныхъ случаяхъ бываетъ въ обществахъ, гдѣ нѣтъ единоначалія и подчиненности. Сперва хотѣли отворотить, но не знали въ которую сторону, и потому рѣшились бросить якорь, котораго канатъ въ нѣсколько

минуть весь высучило, ибо въ испугѣ и торопяхъ позабыли пристопорить его какъ должно. Послѣ сего несчастія понесло корабль къ берегу; экипажъ пытался поворотить его, чтобъ отлавировать отъ опасности, однако жъ безъ успѣха: онъ сталъ на каменья вблизи огромнаго, неприступнаго утеса. Когда это случилось, вѣтеръ дулъ отъ запада очень умѣренно; но вскорѣ послѣ того, на самомъ разсвѣтѣ, отойдя къ SW, началъ усиливаться, и въ самое короткое время разсвирѣпѣлъ чрезвычайно.

Между тѣмъ на кораблѣ какъ офицеры, такъ и изъ нижнихъ чиновъ тѣ, которые были посмѣлѣе и побойчѣе другихъ, *умничали* и хотѣли повелѣвать, всякій по своимъ понятіямъ и на свой ладъ. Срубили мачты: это было нужно и сдѣлано по морскому. Насажали людей въ барказъ и хотѣли спустить оный на воду: это также иногда удается, когда дѣлается порядкомъ, безъ замѣшательства и при умѣренномъ волненіи; но теперъ, на несчастіе экипажа корабля "Нева", волненіемъ барказъ былъ залитъ, и нѣсколько человекъ на немъ потонуло, въ томъ числѣ женщины и дѣти. Сдѣлали плоты изъ запасныхъ стѣнгъ, реевъ и другихъ деревъ, и хотѣли на нихъ искать своего спасенія; но плоты сіи разбило и разнесло волненіемъ. Другихъ средствъ экипажъ не испытывалъ, доколѣ около полудня волны не стали ломать корабля на части, а вскорѣ и совсѣмъ сокрушивъ его, поглотили. Тогда всякій ухватился, кому за что случилось, и искалъ своего спасенія на корабельныхъ обломкахъ. Но бурунь или прибой у берега былъ столь великъ, что многіе изъ бѣдствующихъ, приплывъ благополучно къ берегу, были избиты волнами объ утесъ и каменья, или ушибены членами корабля и замертво выкинуты на берегъ, а нѣкоторые отъ сильныхъ ушибовъ и ранъ даже лишились жизни. Въ числѣ сихъ послѣднихъ находились Гг. Борноволокъ и Калининъ; но прежній

командиръ корабля Лейтенантъ Подушкинъ спасся: онъ замертво былъ выкинутъ на берегъ и приведенъ въ чувство попеченіемъ своихъ товарищей; нѣкоторые же, спасшись ори кораблекрушеніи, померли уже на берегу. Изъ числа служителей и пассажировъ корабля "Нева" остались въ живыхъ только двадцать пять человѣкъ; около пятнадцати померли во время пути; всѣ же остальные погибли при кораблекрушеніи.

Но съ разбитіемъ корабля ее кончились бѣдствія спасшихся: имъ надлежало еще испытать голодъ и суровость зимней стужи сыраго, холоднаго климата. Сверхъ того они пребывали въ ежеминутной опасности, что дикіе ихъ увидятъ, нападуть и всѣхъ умертвятъ, съ намѣреніемъ скрыть отъ Русскихъ гибель корабля, случившуюся у ихъ береговъ, чтобъ безпрепятственно воспользоваться остатками корабля и груза, кои безпрестанно выкидывало на берегъ. По свойствамъ и варварскому расположенію природныхъ жителей сѣверозападнаго берега Америки, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что они не оставили бы въ живыхъ ни одного человѣка изъ сихъ несчастныхъ, если бъ только они имъ попались: но праведный и милосердый Богъ наказалъ ихъ и помиловалъ: имъ попалась небольшая лодка, на которой двое промыслениковъ достигли Ново-Архангельской Крѣпости; тогда Г. Барановъ отправилъ къ нимъ вооруженную помощь, которая ихъ спасла и доставила въ крѣпость.

Спасшіеся рассказывали о многихъ чудесахъ, случившихся при семъ кораблекрушеніи, которыя впрочемъ не заслуживаютъ большаго вѣроятія, во-первыхъ потому, что самыя происшествія не сбыточны, а во-вторыхъ, что не всѣ они объ нихъ рассказывали одинакова; напримѣръ: будто бы тѣ, которые при разбитіи корабля имѣли на себѣ платье, были выкинуты на берегъ совсѣмъ нагіе, и что они не помнятъ, какъ лишились одежды. Между тѣмъ я знаю, что Лейтенантъ

Подушкинъ, когда надобно было спастись вплавь, для легкости надѣлъ на себя китайчатую фуфайку и панталоны; его выбросило на берегъ, какъ выше сказано; замертво; но платье уцѣлѣло; странно только то, что оно хотя нигдѣ не было изорвано, но между верхомъ и подкладкою набилось большое количество самага мелкаго песку. Еще увѣряли, что обшивная мѣдь корабля волненіемъ была такъ избита и смѣшана съ пескомъ и другими веществами, что превратилась въ нѣкоторый родъ руды, и показывали образцы оной; но я за три года до разбитія корабля "Нева" имѣлъ у себя такой же точно кусокъ, подаренный мнѣ Г. Барановымъ; кусокъ сей, въ числѣ многихъ, найденъ на американскомъ берегу у мыса Св. Іліи, и былъ не что иное, какъ обыкновенная желѣзная руда, округленная и сглаженная волненіемъ.

Описаніе это кончу замѣчаніемъ Г. Берга, потому, что оно полезно мореплавателямъ. Онъ говоритъ: "За нѣсколько дней до отъѣзда Г. Калинина изъ Перми {Г. Бергъ въ это время служилъ въ Пермской Казенной Палатѣ Совѣтникомъ, и видѣлся съ Г. Калининымъ въ проѣздъ его въ Охотскъ. Оба они совершили путешествіе вокругъ свѣта на кораблѣ "Нева" въ 1803--6 годахъ.}, имѣлъ я съ нимъ самый подробный разговоръ на счетъ его плаванія въ Америку: мы заключили тѣмъ, что онъ выйдетъ изъ Охотскаго Моря четвертымъ Курильскимъ Проливомъ {Между островами Онекотаномъ и Харимкотаномъ.}, пойдетъ до 150° западной долготы отъ Гринича, между 46° и 50° широты, а отъ сего мѣста начнетъ подниматься къ Ново-Архангельску. Отъ пути сего была бы во-первыхъ та выгода, что крѣпкіе NW вѣтры, дующіе въ сихъ предѣлахъ Океана весь Сентябрь, весьма сократили бы ихъ плаваніе. Путь отъ мѣста сего доставилъ бы еще и ту выгоду, что въ Заливъ Ситхинскій вошли бы они безпрепятственно съ южной стороны. Съ сѣверной же

отъ большой высоты горъ подвергаются вѣтры частымъ измѣненіямъ; большею частію дуютъ они по направленію отъ NO. Г. Джонсъ, гражданинъ Американскихъ Штатовъ, находившійся въ службѣ Компаніи, шель въ Декабрѣ изъ Якутата въ Ситху, и былъ три раза отбиваемъ, сѣверовосточными вѣтрами отъ горы Эджкомъ; ибо долженъ былъ заходить въ проливъ съ сѣверной стороны. Всякій, кому случилось читать или замѣтить, какое вліяніе производятъ горы на атмосферу, согласится, что если сказанное мною только теорія, то теорія самая близкая къ истинѣ.

"Извѣстный мореплаватель нашъ, флота Капитанъ Л. А. Гагемейстеръ, которому я читалъ записки сіи, согласился со мною, что положеніе горы Эджкома и прилежащихъ къ ней горъ, всегда затрудняютъ входъ отъ сѣвера, который, по мнѣнію его, еще тѣмъ неудобнѣе, что теченіе, какъ онъ нѣсколько разъ испыталъ, бываетъ почти всегда отъ юга.

"Г. Борноволоковъ, о свѣдѣніяхъ котораго по сей части, говорилъ я выше, былъ со мною также согласенъ, и не знаю, какъ онъ рѣшился вдругъ перемѣнить мысли свои по совѣту неопытнаго офицера....."

Это замѣчаніе весьма справедливо: вообще должно взять за правило, что гдѣ нѣтъ особливыхъ причинъ держаться близъ береговъ, тамъ должно итти далѣе отъ нихъ открытымъ моремъ, потому что, будучи на просторѣ, можно и при противныхъ вѣтрахъ выбирать выгодные галсы, и всегда править тѣмъ изъ нихъ, который приближаетъ къ настоящему курсу, что не всегда можно сдѣлать идучи возлѣ береговъ, гдѣ, напротивъ, часто случается, что надобно итти тѣмъ галсомъ, который удаляетъ отъ надлежащаго пути, потому что берегъ не позволяетъ править на выгодный галсъ.

Гибель Россійскаго Императорскаго фрегата Поллюкса, подъ начальствомъ Капитанъ-Лейтенанта Тротскевича, близъ острова Унаса, 25-го Октября 1809 года.

Изъ многихъ кораблекрушеній, при всѣхъ возможныхъ обстоятельствахъ случающихся, нѣтъ ужаснѣе и достойнѣе большаго сожалѣнія тѣхъ, которыя происходятъ отъ неизвѣстныхъ мелей и подводныхъ камней. Мореходцы, ожидающіе или предвидящіе опасность, заблаговременно приготавливаются къ отвращенію оной, для чего на свободѣ придумываютъ и изобрѣтаютъ способы для избавленія себя отъ гибели; слѣдовательно когда уже опасность или даже самое бѣдствіе приблизится и наступитъ, встрѣчаютъ оное съ твердостью и съ полнымъ присутствіемъ духа. Напротивъ, когда корабль плыветъ на водахъ, по-видимому не представляющихъ ему ни какой опасности, тогда, по большей части, мореплаватели поднимаютъ всѣ паруса, и давъ ему самый большой, возможный ходъ, пребываютъ въ безпечности и покоѣ; часто проводятъ время въ веселіи и забавахъ, и если тогда корабль набѣгаетъ на камень или на мель, неожиданное это происшествіе, сопровождаемое всегда страшнымъ трескомъ мачтъ и всѣхъ его членовъ, приводитъ экипажъ въ неизъяснимый ужасъ! Страхъ и отчаяніе объемлютъ самыя твердыя сердца, и замѣшательство бываетъ необходимымъ слѣдствіемъ столь пагубныхъ приключеній, а особливо когда гибель сдѣлается уже очевидною. Въ нашемъ флотѣ экипажу фрегата Поллюкса опредѣлено было судьбою испытать всю жестокость такого кораблекрушенія. Безъ ужаса и величайшаго сожалѣнія нельзя помыслить о несчастныхъ, погибшихъ на семь фрегатъ,

мореходцахъ! Военный фрегатъ, управляемый искусными офицерами, подъ руководствомъ опытнаго лоцмана, при благопріятномъ вѣтрѣ плыветъ у береговъ своего отечества, по извѣстнымъ водамъ, которыя однако жъ покрывали гибельную гряду камней, утаившуюся отъ поисковъ прозорливыхъ, свѣдующихъ, неутомимыхъ гидрографовъ! На эту ужасную гряду набѣгаетъ онъ среди дня, и чрезъ нѣсколько часовъ, сошедши съ оной, погружается на дно морское; а вмѣстѣ съ нимъ изъ двухъ сотъ тридцати двухъ человекъ экипажа, сто сорокъ утопаютъ, въ томъ числѣ всѣ офицеры, кромѣ двухъ, дѣлаются {Спаслись Шкиперъ Шестаковъ и Подпоручикъ Корзунъ, а погибли Капитанъ-Лейтенантъ Петръ Ѳедоровичъ Тротскевичъ, Мичманы Графъ Толстой и Хрущовъ; Штурманъ Симановъ, констапель Савинъ и Штабъ-Лекарь Мартыновъ. Прольемъ слезы объ участи несчастныхъ и хотя воспоминаніемъ почтимъ ихъ память, которая должна быть отечеству столь же дорога, какъ и память воиновъ, на брани убіенныхъ. Если мореходецъ, находясь на службѣ своего Государя, претерпѣваетъ кораблекрушеніе и погибаетъ, онъ умираетъ за отечество, обороняясь противъ стихій, и имѣетъ полное право наравнѣ съ падшими въ бою на соболѣзнованіе и почтеніе къ его памяти отъ соотчичей.} жертвою морскихъ волнъ!

Описаніе сего кораблекрушенія составлено мною изъ офиціальныхъ донесеній, которыя, по повелѣнію Г. Начальника Морскаго Его Императорскаго Величества Штаба, даны мнѣ были изъ Министерскаго Департамента.

Осенью 1809 года Командиру фрегата Поллюкса, Капитанъ-Лейтенанту Тротскевичу, предписано было отъ высшаго начальства, принять подъ свой конвой осьмнадцать транспортныхъ и купеческихъ судовъ, нагруженныхъ провіантовъ для финляндскихъ

крѣпостей и портовъ, и итти съ ними въ Свеаборгъ. Конвой, по причинѣ противнаго вѣтра, попути зашелъ въ портъ Роченсальмъ, и оттуда отправился на разсвѣтъ 25-го Октября, при свѣжемъ благополучномъ вѣтрѣ. До острова Лехты фрегатъ прошелъ подъ препровожденіемъ лоцмановъ весьма хорошо, и, оставивъ тутъ конвой, долженствовавшій итти шхерами, самъ пошелъ въ открытое море замая къ Лакруне большимъ проходомъ и также подъ руководствомъ лоцмана {Имя его Петръ Ивановъ.}; но въ два часа пополудни, пройдя отъ маяка къ западу около осьми миль италіянскихъ, сталъ на мель. Фрегатъ имѣлъ тогда марсели, фокъ, гротъ и брамсели, и шелъ по семи миль въ часъ. Первый ударъ о каменя былъ столь жестокъ, что онъ лишился руля, и отбило часть кия отъ самага стема до гротъ-мачты. Весьма естественно, что неожиданное это происшествіе сначала распространило въ экипажѣ страхъ и безпорядокъ, которые однако жъ присутствіемъ духа и благоразуміемъ капитана и офицеровъ были тотчасъ прекращены, и команда пришла въ полное повиновеніе. Капитанъ немедленно приказалъ спускать гребныя суда и завозить верпы. Между тѣмъ со всѣхъ сторонъ сыпались угрозы и укоризны на бѣднаго лоцмана, который однако жъ оправдывался, что несчастіе это случилось на грядѣ камней, до того времени никому неизвѣстныхъ: онъ былъ совершенно невиненъ, ибо опасной сей гряды не было означено ни на одной картѣ.

Когда два верпа были готовы, на фрегатѣ, бросивъ въ воду нѣсколько пушекъ, начали вертѣть шпилями завозы, и симъ средствомъ скоро стащили его на глубину. Но избѣжавъ одной бѣды, несчастные мореходцы подверглись другой, несравненно опаснѣйшей: фрегатъ началъ сильно течь; не было другаго средства спасти его, какъ только поставивъ у берега на мягкую мель. На сей конецъ капитанъ съ

безпримѣрною рѣшительностью приказалъ отрубить кабельтовы и поставить форъ-марсель, кливеръ и гротъ-стеньги-стаксель, приказалъ лоцману править къ такому берегу, у котораго есть песчаный грунтъ; но малодушный лоцманъ до того оробѣлъ, что почти себя не помнилъ и не въ силахъ былъ ни за что взяться; а потохчу Капитанъ Тротскевичъ самъ сталъ править къ острову Унасу. Не дошедши однако жъ до него, въ темнотѣ фрегатъ вторично набѣжалъ на камень, и хотя въ ту же минуту были закрѣплены паруса и брошень якорь, но фрегатъ вскорѣ волненіемъ снесло съ камней, и онъ очутился на глубинѣ двѣнадцати сажень. Въ это время оказалась въ немъ страшная течь: воду стали отливать помпами, ведрами, котлами; подвели подъ него паруса, но все было тщетно: фрегатъ началъ опускаться на дно! Тогда капитанъ далъ, повелѣніе людямъ оставить внизу работу, и спѣшить наверхъ, а гребныя суда приказалъ подтягивать съ багштова къ борту. Вѣтеръ между тѣмъ усилился и дулъ отмѣнно крѣпко; а течь во фрегатѣ до того увеличилась, что не успѣли еще подтянуть къ нему гребныхъ судовъ, какъ онъ столько погрузился, что порты сравнялись съ поверхностью моря. Тогда-то наступила страшная роковая минута! Вода съ ужаснымъ стремленіемъ хлынула во всѣ порты, и въ самое короткое время наполнила фрегатъ, который въ девять часовъ вечера вдругъ пошелъ, какъ камень, ко дну! Служители въ это время, со слезами и воплемъ принося послѣднія мольбы и покаяніе Богу, бросались во всѣ стороны: одни успѣли вскочить на гребныя суда, другіе въ отчаяніи хватались за что ни попало и кидаясь въ море, утопали, а нѣкоторые, будучи расторопнѣе и легче прочихъ, пустились на верхи мачтъ, и успѣли уйти отъ воды добравшись до стеньгъ-вантъ, которыя, когда фрегатъ сталъ на дно, были выше морской поверхности. Число сихъ послѣднихъ простиралось до пятидесяти четырехъ

человѣкъ, между коими находились повѣствователь злосчастнаго сего кораблекрушенія Шхиперь Шестаковъ, 3-го Морскаго Полка Подноручикъ Корзунъ, Мичманъ Графъ Толстой и Констапель Савинъ; но Графъ Толстой недолго держался: онъ потерялъ силы, упалъ и утонулъ. Изъ гребныхъ судовъ барказъ и два яла, будучи волненіемъ отбиты отъ фрегата, были столь счастливы, что достигли благополучно дальнихъ подвѣтренныхъ острововъ, а катеръ во всю ночь держался противъ волненія на веслахъ.

Часа черезъ два послѣ разсвѣта 26-го числа, катеръ, усмотрѣвъ, что на стеньгъ-вантахъ находились люди, приблизился къ фрегату и своимъ появленіемъ, такъ сказать, далъ новую жизнь бѣдствующимъ мореплавателямъ, которые, сидя по вантамъ, переносили ужасный холодъ, и каждую минуту ожидали, что вѣтеръ еще усилится и подниметъ большіе валы, которые сорвутъ ихъ съ вантъ и унесутъ въ море. Къ большому еще несчастію бывшихъ на крюсь-стенгъ-вантахъ, имѣли они съ собою весьма непріятнаго и опаснаго сосѣда: медвѣдь, служившій прежде имъ забавою, взошедши теперь на крюсь-салингъ, нѣсколько времени сидѣлъ смирно; но отъ того ли что озябъ, или отъ голода, началъ спускаться и садиться людямъ на головы, прижимаясь къ нимъ, отъ чего они были въ безпрестанномъ движеніи и страхѣ.

Хотя катеръ подѣхалъ къ потонувшему фрегату весьма близко, но долго не находилъ средствъ спасти бѣдствующихъ, ибо большое волненіе и бившіяся отъ него реи препятствовали ему подойти вплотъ къ стеньгъ-вантамъ, чтобъ забирать съ нихъ людей. Наконецъ Шхиперь Шестаковъ рѣшился кое-какъ, посредствомъ леера, протянутаго отъ гротъ до крюсь-стенгъ-вантъ, сѣсть на катеръ, и взявъ съ такою же осторожностью около десяти или двѣнадцати человѣкъ, отвезъ ихъ на ближайшій островъ Питколодь, и

возвратился къ фрегату за другимъ отрядомъ. Такимъ образомъ перевезъ онъ всѣхъ остававшихся на вантахъ въ пять разъ. Подпоручикъ при семъ случаѣ совершенно исполнилъ свой долгъ, ибо онъ оставался со служителями до конца, и переѣхалъ съ послѣднимъ отрядомъ, При выходѣ на берегъ, также встрѣтили они затрудненіе и даже опасность отъ волненія, разливавшася сильно по каменьямъ; для сохраненія катера люди должны были входить по-поясъ въ воду и поддерживать его на рукахъ. Шестаковъ, для примѣра нижнимъ чинамъ, самъ находился съ ними въ водѣ и работалъ. Вскорѣ по прибытіи на берегъ умеръ констапель, который привезенъ былъ уже безъ памяти.

Съ острова Питколода спасшійся остатокъ экипажа переѣхалъ на маякъ Лакруне, гдѣ оставался одни сутки безъ пищи, и лишился трехъ человекъ, умершихъ отъ холода и изнуренія. Потомъ, на своихъ гребныхъ судахъ переѣхали они на островъ Лехту, и получили тамъ помощь съѣстными припасами съ галета Пчелы. На Лехтѣ пробыли они, по причинѣ крѣпкаго вѣтра, трое сутокъ, а на послѣдокъ, 30-го Октября, доставлены были въ Роченсальмъ, гдѣ по справкамъ опредѣлено было число погибшихъ (140) и спасшихся (92).

Если бъ Капитанъ Тротскевичъ помышлялъ только о спасеніи людей, то когда, при первомъ ударѣ фрегата о каменья, увидѣлъ онъ, что часть киля была оторвана, и что онъ не могъ уже долго держаться на водѣ, надлежало бы ему положить якоря и срубить мачты, чтобъ фрегатъ не снесло на глубину, и перевозить людей на гребныхъ судахъ; но онъ въ семъ случаѣ заботился болѣе о своей чести, нежели о жизни, и поступилъ какъ должно искусному и неустрашимому морскому офицеру: онъ не хотѣлъ вдругъ оставить ввѣреннаго ему фрегата, а желалъ испытать все, что было можно и должно, для спасенія его. Опытъ имѣлъ пагубныя слѣдствія, но капитанъ не былъ виноватъ, а

напротивъ, поступокъ его достоинъ удивленія и подражанія.

Крушеніе 74-хъ-пушейнаго корабля "Тольская Богородица", на Черномъ Морѣ, у береговъ Мингреліи, при устьи рѣки Копи, 8-го Декабря 1804 года.

Гибель корабля "Тольская Богородица", въ числѣ многихъ другихъ подобныхъ кораблекрушеній, служитъ къ убѣжденію мореплавателей, что на открытыхъ рейдахъ большихъ морей никогда не должно полагаться на якоря, нб всегда надлежитъ ставить корабль, если мѣсто и обстоятельства позволяютъ, въ такое положеніе и держать его въ такой готовности, чтобъ при наступленіи бури съ открытаго моря, тотчасъ можно было вступить подъ паруса, и удалиться отъ береговъ. эта осторожность особенно нужна осенью и зимою, когда бури бывають чаще, сильнѣе и продолжительнѣе.

Столь ужасныя слѣдствія сопровождали разбитіе корабля сего, что изъ двухъ сотъ пятидесяти пяти человекъ, составлявшихъ экипажъ его, погибли восемь офицеровъ {Капитанъ 1-го ранга Шостакъ, Капитанъ-Лейтенантъ Паніоти, Лейтенантъ Студенцовъ, Мичманы Плетеневъ и Польской 2-й, Шкиперъ Карповъ, Коммиссаръ Рябыхинъ и Лекаръ Чорба.} и сто пятьдесятъ нижнихъ чиновъ, сверхъ коихъ потонули еще шесть человекъ солдатъ изъ числа сухопутныхъ войскъ, на семь кораблѣ привезенныхъ; а остались въ живыхъ пять офицеровъ и девяносто два нижнихъ чиновъ; изъ нихъ однако жъ только двадцать восемь человекъ спаслись при Кораблекрушеніи, прочіе же были столь счастливы, что съѣхали на берегъ до наступленія бури. Это пагубное происшествіе

показываетъ, что экипажу невозможно было при ономъ помышлять о спасеніи журналовъ и другихъ корабельныхъ бумагъ, и потому нельзя было составить подробнаго описанія сему кораблекрушенію, а извѣстіе о немъ взято съ рапорта Лейтенанта Викорста, одного изъ спасшихся офицеровъ.

2-го Октября 1804 года корабль "Тольская Богородица", подъ начальствомъ Капитана 1-го ранга Шостака, отправился съ отрядомъ сухопутныхъ войскъ и съ провіантомъ къ берегамъ Мингреліи, гдѣ правительство предполагало производить вырубку корабельныхъ лѣсовъ для черноморскихъ портовъ. Плаваніе корабля, по причинѣ неблагопріятныхъ вѣтровъ, было очень медленно, и онъ принужденъ былъ, для полученія съѣстныхъ припасовъ и прѣсной воды, зайти въ мѣстечко Платану, на берегахъ Анатолія, которое Г. Викорстъ представляетъ мѣстомъ для якорнаго стоянія безопаснымъ и изобильнымъ во всѣхъ нужныхъ для мореплавателей припасахъ. "Тольская Богородица" въ Платанѣ простояла тринадцать дней, и 24-го Ноября отправилась въ путь, а 2-го Декабря прибыла къ берегамъ Мингреліи и стала на якорь противъ устья рѣки Копи, на глубинѣ осьми съ половиною сажень, въ двухъ верстахъ отъ берега.

Шесть дней корабль стоялъ очень покойно; въ это время главною заботою капитана было отправленіе на берегъ солдатъ и провіанта, и онъ успѣлъ высадить весь привезенный имъ отрядъ и перевести 600 четвертей муки и 32 четверти крупъ. Но 8-го Декабря съ полуночи, вѣтеръ, дувшій отъ запада, началъ усиливаться, и въ самое короткое время превратился въ жестокою бурю. Въ шесть часовъ утра корабль подрейфовало на разстояніи трехъ кабельтововъ, и онъ очутился на глубинѣ четырехъ съ половиною сажень. Тогда стало его бить о дно страшнымъ образомъ; выбило руль и пять портовъ нижняго дека съ лѣвой

стороны; въ то же время посрединѣ корабля сдѣлался переломъ, а чрезъ нѣсколько минутъ послѣ того разсыпало по мелкимъ штукамъ всю часть корабля до нижней палубы и только барказъ и два катера находятся въ цѣлости на берегу, а изъ остатковъ корабельныхъ вынута на берегъ 175 пудъ желѣза.

Вотъ все, что находится въ выпискѣ изъ рапорта Лейтенанта Викорста, присланной къ Морскому Министру, касательно сего крайне гибельнаго кораблекрушенія. Не сказано въ ней, какія мѣры употреблены, были экипажемъ для удержанія корабля на якоряхъ, какъ, напримѣръ: сколько якорей было положено, сколько каната отдали и когда, срубили ли мачты, и проч. Также не изъяснено, старался ли экипажъ облегчить корабль для уменьшенія силы ударовъ, когда его начало бить о дно; равнымъ образомъ ни слова не упомянуто о средствахъ, употребленныхъ экипажемъ для своего спасенія, когда уже не осталось надежды на сохраненіе корабля въ цѣлости. Безъ сихъ свѣдѣній нельзя судить о поступкахъ капитана, офицеровъ и нижнихъ чиновъ: все ли они сдѣлали, что морское искусство, долгъ службы и честь намъ предписываютъ, или при первомъ появленіи опасности думали только о себѣ.

Въ это же самое время и на томъ же рейдѣ разбился военный бригъ "Александръ," съ котораго погибло только семь человѣкъ, въ томъ числѣ командиръ онаго Капитанъ-Лейтенантъ Влито, а спаслись семьдесятъ одинъ человѣкъ. Экипажъ брига былъ счастливѣе вѣроятно потому, что бригъ, но малому его углубленію, разбило ближе къ берегу.

Крушеніе Россійскаго военнаго брига "Фалькъ," погибшаго у Толбухина Маяка, въ семи верстахъ отъ Кронштадта, 20-го Октября 1818 года.

Страшна и жестока должна быть участь странника, погибающаго среди снѣговъ отдаленной пустыни, гдѣ нѣтъ ни какого для него убѣжища, ниже селеній, откуда могъ бы онъ надѣяться получить помощь; но стократно ужаснѣе и мучительнѣе гибель несчастнаго, который замерзаетъ такъ сказать, на порогѣ собственнаго своего дома и для спасенія котораго стоило бы только отворить двери, если бѣ домашніе его, покоящіеся въ сладкомъ снѣ, знали о мѣстѣ его пребыванія. Подобную сей, горькую чашу суждено было испить злосчастному экипажу брига "Фалькъ," разбившагося при самомъ входѣ въ главный нашъ портъ Кронштадтъ. Крушеніе брига описано въ журналѣ *Сынъ Отечества*, изъ коего я взялъ это описаніе и помѣщаю здѣсь отъ слова до слова.

"Жизнь человѣческая исполнена сама по себѣ опасностей; военная служба умножаетъ ихъ; но опасности сухопутной службы ограничиваются одними ужасами войны; въ морской же, напротивъ, сверхъ военныхъ случаевъ, человѣкъ подвергается часто большей гибели отъ стихій, устроенныхъ природою на благо и пользу его, нежели въ самымъ жестокихъ сраженіяхъ.-- Спѣшу представить тому разительный примѣръ.

"Цѣлое лѣто нынѣшняго 1818 года не было жестокихъ вѣтровъ: первая буря случилась 20-го Октября, и начавшись рано поутру отъ сѣверо-запада съ морозомъ въ 3 1/2 градуса, продолжалась почти до полудня 21-го числа. Въ продолженіе сей бури, по извѣстіямъ, дошедшимъ доселѣ, разбило англійскій купеческій корабль Индастри, шедшій изъ Бергена съ сельдями, у мыса Стирсудена, лежащаго верстахъ въ тридцати отъ Кронштадта по правую сторону финскаго Залива; люди съ сего корабля съ трудомъ спаслись на

берегъ. Любекское судно Гофнунгъ, ушедшее съ грузомъ изъ Кронштадта, близъ Гогланда брошено было на мель, и едва спаслось раченіемъ шкипера, который со всѣмъ тѣмъ принужденъ *быль* воротиться въ Кронштадтъ по причинѣ великой течи.-- Два галіота російскіе потеряли мачты, и одинъ выбросило на берегъ на кронштадтскомъ рейдѣ.-- Россійское судно Магдалена, шедшее изъ Ливерпуля съ солью, кинуло на мель на кронштадтскомъ же рейдѣ, сорвавъ оное съ якорей. Это самое, будучи снято съ мели, оказало такія поврежденія и течь, что принужденнымъ нашлось войти въ гавань и остаться тамъ на зиму для починокъ.-- Четыре лодки съ зеленью и съѣстными припасами, и одинъ плотъ изъ бревенъ разбило на берегахъ; многія суда потеряли свои якоря.

"Теперь приступаю къ описанію важнѣйшаго изъ всѣхъ сихъ несчастныхъ приключеній. Все мною изочтенное до сихъ поръ состоитъ изъ обыкновенныхъ только случаевъ, встрѣчающихся съ мореплавателями весьма часто.

"22-го числа, по утишеніи немного сей бури и по прочишеніи пасмурности, съ Толбухина Маяка, отстоящаго отъ Кронштадта верстъ на четырнадцать, сдѣланъ былъ телеграфомъ сигналъ, что отъ него къ западу *военное судно терпитъ бѣдствіе*. Въ слѣдствіе сего сигнала приказано было отъ Военнаго Губернатора и Главнаго въ Кронштадтѣ Командира, Вице-Адмирала фонъ Моллера, отправить съ дальней брантвахты гребное судно съ офицеромъ, чтобъ развѣдать, гдѣ стоитъ это судно и для поданія ему помощи. Я былъ посланъ съ потребными орудіями и достаточнымъ числомъ людей. Пріѣхавъ уже къ самому маяку, увидѣлъ я судно по близости отъ него вовсе затонувшее, у коего мачты были срублены, а надъ водою оставалась одна только кормовая часть. Подъѣзжая ближе, мнѣ казалось, что люди на немъ

находящієся, протягивали руки и просили о скорѣйшей помощи, и потому я поспѣшилъ перегрести разстояніе ста сажень или немного болѣе, отъ маяка до судна, удивляясь однако жъ, какимъ образомъ маякъ, давъ знать сигналомъ о суднѣ, самъ не подаетъ доселѣ помощи, видя людей сихъ въ такомъ положеніи. Но какой ужасъ объялъ меня, когда, приблизясь къ судну, увидѣлъ я множество людей замерзшихъ и обледенѣлыхъ въ разныхъ положеніяхъ: одни лежали свернувшись, другіе въ кучахъ, третьи держались за борты, какъ бы прося о спасеніи.-- Первый предметъ, поразившій меня, былъ Лейтенантъ Щочкинъ, товарищъ и пріятель мой съ самага малолѣтства, коего узналъ я въ ту же минуту, распростертый навзничъ съ обмерзлыми волосами и одеждой; за руку его держался денщикъ, и казалось желалъ согрѣть оную своими руками; прочіе люди лежали кучами, какъ бы въ намѣреніи согрѣть другъ друга взаимною теплотою; подъ одною кучею лежащихъ людей, узналъ я молодаго Офицера Абрютина, коего вѣроятно матросы хотѣли согрѣть собою; унтеръ-офицеръ былъ обложенъ подобнымъ же образомъ; другой офицеръ, облокотясь на бортъ, казался спящимъ. Всѣ вообще имѣли видъ спящихъ, или умоляющихъ небо о своемъ спасеніи; одна мертвенная оцѣпенѣлость удостовѣряла меня, что люди эти уже умерли, и я едва могъ опомниться отъ новаго мнѣ чувства -- большаго нежели страхъ и сильнѣйшаго жалости. Скрѣпивъ однако же, сердце, я думалъ было осматривать, нѣтъ ли еще живыхъ людей, какъ пріѣхала съ маяка лодка, съ коей меня извѣстили, что старанія мои будутъ бесполезны, и что двое изъ сихъ несчастныхъ, найденные въ живыхъ, давно уже сняты съ судна. Осмотрѣвъ однако же хорошенько, и не нашедъ ничего, я вышелъ на маякъ, чтобы развѣдать о семъ приключеніи, и нашель тамъ двоихъ спасенныхъ: комиссара Богданова и унтеръ-офицера Изотова,

столь слабыхъ, что они едва были въ состояніи отвѣчать на мои вопросы. Они объявили слѣдующее:

"Военный бригъ "Фалькъ", нагруженный мукою, отправился 25-го Сентября изъ Кронштадта въ Свеаборгъ подъ управленіемъ Лейтенанта Щочкина 1-го. съ Мичманами Жоховымъ, Абрютиными 2-мъ и 3-мъ, вышесказаннымъ комиссаромъ Богдановымъ, Штурманомъ Калашниковымъ, тридцатью пятью человѣками команды и пассажиркою, пожилую женщиною съ двѣнадцати-лѣтнимъ ея сыномъ. Вышелъ изъ Кронштадта съ благополучнымъ вѣтромъ, вскорѣ получили противный. Дувшіе безпрерывно западные вѣтры, заставляли бригъ нѣсколько разъ спускаться въ разныя мѣста и останавливаться тамъ на якорѣ. Дважды онъ стоялъ за Гогландомъ, дважды въ Біоркѣ. Разъ за Сескаромъ и разъ за мысомъ Стирсуденомъ. Къ сему послѣднему подошли они 12-го или 13-го сего мѣсяца. Лейтенантъ Щочкинъ, желая по назначенію попасть скорѣе въ Свеаборгъ, и выполнить во всей мѣрѣ долгъ свой, ни какъ не хотѣлъ итти назадъ въ Кронштадтъ, рассчитывая, что съ первымъ, хотя немного благопріятнымъ вѣтромъ, онъ гораздо легче можетъ сняться съ якоря отъ Стирсудена, нежели изъ Кронштадта, изъ коего не при всякомъ вѣтрѣ удобно выходить. Въ семъ положеніи онъ стоялъ около шести или семи дней.

"20-го числа началась буря; въ семь часовъ по полудни порывъ сѣверо-западнаго вѣтра, дувшаго со снѣгомъ и морозомъ, былъ столь великъ, что судно, стоявшее на одномъ якорѣ, потащило. Мичманъ Жоховъ, бывшій на вахтѣ, видя, что при достаточномъ количествѣ выпускаемаго каната: судно не перестаетъ тащить, хотѣлъ бросить другой якорь на помощь первому, и для сего якорь сей, обыкновенно привязываемый горизонтально вдоль судоваго борта, былъ отвязанъ и оставленъ вертикально въ висячемъ

положеніи, подвѣшеннымъ къ кокорѣ, называемой кранбалкою {"Якорь подвѣшивается на эту кранбалку посредствомъ особенной веревки, продѣтой сверхъ каната въ якорное кольцо. Когда веревку эту развяжутъ, якорь падаетъ въ воду и тащитъ за собою канатъ, который выдають смотря по силѣ вѣтра."}.

"Лейтенантъ Щочкинъ, увѣдомленный о семъ въ ту же минуту, вышедъ наверхъ, отмѣнилъ было кидать другой якорь, но узнавъ, что оный виситъ уже на кранбалкѣ, и зная опасность сего положенія при качкѣ, тотчасъ велѣлъ бросить.

"Не напрасно было опасеніе Щочкина, въ слѣдствіе коего онъ велѣлъ отдать якорь: обледенѣвшая веревка, на коей онъ висѣлъ, не могла въ скорости быть развязана; надлежало ее рубить, и въ это время якорь, раскачиваемый жестокимъ волненіемъ, ударяя безпрестанно однимъ изъ своихъ роговъ въ судно, пробилъ обшивку -- и вода хлынула въ большомъ количествѣ по всему трюму.

"Спустить якорь на кранбалку, обрубить мерзлую веревку и въ это время получить отъ якорной лапы проломъ, было дѣло одной минуты. Шхиперскій помощникъ первый увидѣлъ течь, и извѣстилъ о томъ начальника. Всѣ мѣры противу оной остались тщетными; наконецъ, послѣ многихъ бесполезныхъ усилій, рѣшено было отрубивъ якорь спуститься прямо на Толбухинскій Маякъ, видимый отъ Стирсудена, и стать тамъ на мель, чтобы по крайней мѣрѣ можно было по близости къ берегу спасти людей. Отрубили канаты, распустили паруса, пошли; течь начала усиливаться; отчаяніе овладѣло всѣми.-- Увѣщанія начальника не дѣйствовали: близкая смерть к неизвѣстности, въ состояніи ли будетъ судно дойти, не затонувъ, до маяка, сдѣлала всѣхъ глухими къ приказаніямъ.-- Начали прощаться между собою; всѣ побѣжали перемянуть на себѣ бѣлье по старинному русскому

обычаю {"Между простымъ народомъ господствуетъ мнѣніе, что перемѣнивъ предъ смертію бѣлье, онъ совершилъ свою исповѣдь, очистился отъ грѣховъ и готовъ предстать чистымъ на Судъ Божій."}; наконецъ вода въ суднѣ такъ распространилась, что перемѣнявшіе внизу бѣлье, иные, не успѣвъ выскочить, остались тамъ, другіе выбѣжали въ однихъ рубахахъ, и судно, не дошедъ саженой ста до маяка, сѣло на дно, такъ однако жъ, что вода не покрывала верха судна. Со всѣмъ тѣмъ, волненіе столь было жестоко, что бригъ начало сносить съ мели. Щочкинъ, опасаясь, чтобъ судно не потонуло на глубинѣ, велѣлъ бросить остальной якорь и верпъ (или якорь меньшаго разбора) чтобы удержаться ими на мелкомъ мѣстѣ; -- велѣлъ срубить мачты, на коихъ незакрѣпленные паруса болѣе и болѣе сдвигали судно съ мѣста. Повторяемые удары о каменя отбили руль, киль, и наконецъ нижняя часть судна начала разбиваться въ щепы; бочки и прочія вещи выносило изъ люковъ или выходовъ наверхъ; судно погрузилось совсѣмъ, одна только задняя часть оставалась сверхъ воды.-- Барказъ или большое судно, стоявшее на верху палубы, мгновенно было оторвано стремившимися уже черезъ верхъ волнами и оными поднимаясь, перебило многихъ людей, собравшихся на кормѣ. Въ семь положеніи во стѣ саженьяхъ отъ маяка, вблизи возможнаго спасенія, должны они были оставаться около двѣнадцати часовъ подверженными яростнымъ волнамъ. Всѣ гребныя ихъ суда и барказъ оторвало, прежде нежели могли приступить къ ихъ употребленію; спастись вплавъ, значило ускорить свою смерть.-- Ни какого знака не можно было подать на маякъ: пушки, порохъ были въ водѣ; огня достать было невозможно; -- крикъ не помогаль; тщетны были всѣ усилія, чтобъ ихъ услышали на маякѣ;-- ревъ волнъ, разбиваемыхъ о каменя, окружающіе маякъ, и свистъ вѣтра въ снасти телеграфа, стоящаго при маякѣ,

препятствовали имъ быть услышанными. Темнота осенней ночи, увеличиваемая снѣгомъ и свѣтомъ самого маяка, препятствовали часовымъ съ онаго видѣть на нѣсколько сажень вдаль. Такимъ образомъ несчастные страдальцы принужденными нашлись изъ боязни быть снесенными волнами, держаться другъ за друга, оставаясь такъ безъ всякаго движенія, могшаго ихъ сколько нибудь разогрѣть и избавить отъ холодной смерти.-- Съ девяти часовъ вечера до самаго разсвѣта, оставались онѣ въ семь положеніи; холодъ увеличился почти до 5°; многіе изъ нихъ уже замерзли, многіе снесены были волнами* остальные едва дышали, оцѣпенѣвъ отъ холода. Въ исходѣ седьмаго часа, лишь только можно было различать предметы, съ маяка усмотрѣли несчастныхъ и поспѣшили отправить небольшую лодку съ семью человѣками. Другаго судна не можно было послать по чрезмѣрности волненія, о камни разбивающагося. Со и?ею предосторожностью, лодка опрокинулась на каменьяхъ, и семь человѣкъ вбродъ едва спаслись сами; однако жъ поймавъ лодку и исправивъ оную по возможности, пустились опять. Часа два или болѣе прошло, пока лодка могла добиться до судна, такъ, что подѣхавъ туда, нашли уже только двоихъ живыми, и то безъ всякаго движенія съ едва замѣтными знаками жизни; прочіе по одиначкѣ умирали прежде нежели могли дождаться спасенія. Искавъ долго между мертвыми и не находя ни одного человѣка въ живыхъ, люди сіи съ великою трудностью возвратились на маякъ, гдѣ подавъ возможную помощь двумъ несчастнымъ, къ исходу только дня привели ихъ въ состояніе рассказать всѣ обстоятельства сего пагубнаго случая.

"Коммиссаръ обязанъ спасеніемъ своимъ двумъ шубамъ, а унтеръ-офицеръ былъ накрытъ тремя матросами.-- Какой примѣръ любви къ начальству въ людяхъ нашихъ!

"Люди съ судна были сняты. Въ число всей команды недоставало девяти челоуѣкъ и одного Офицера.-- Одни осталась внизу, гдѣ старая пассажирка также окончила жизнь свою съ сыномъ; другихъ смыло волнами.

"У Щочкина въ Свеаборгѣ осталась жена; двое Абрютиныхъ, съ нимъ бывшіе, ея родные братья: отецъ ея плацъ-маіоромъ въ Свеаборгѣ. Ударъ слишкомъ жестокой для отца и матери въ одинъ разъ потерять двухъ сыновей и зятя! Старшій сынъ былъ осмнадцати, младшій семнадцати, а самому Щочкину было не болѣе тридцати лѣтъ.

"Представляя вѣрное описаніе сего происшествія, не хочу ни увеличивать ужасовъ, ни уменьшать ихъ. Пусть каждый, носящій въ сердцѣ искру чувствительности, пожалѣетъ о несчастныхъ, и иногда въ молитвахъ своихъ попроситъ Бога, чтобъ сохранилъ насъ, бѣдныхъ мореплавателей; отъ подобныхъ случаевъ, грозящихъ намъ въ море ежечасно."

Изъ сего описанія видно, что крушеніе брига "Фалькъ" послѣдовало отъ течи, а течь произошла отъ якоря на кранбаль отданнаго, и пробившаго лапою на волненіи обшивныя доски. Съ трудомъ можно повѣрить, чтобъ при нынѣшнемъ состояніи мореплаванія, сыскался еще морской офицеръ, который бы не зналъ, что на ходу или при волненіи непременно якорь должно отдавать съ рустова и кранбала вдругъ: опытные мореплаватели во всякомъ случаѣ такъ поступаютъ. Челоуѣкъ, вовсе незнакомый съ морскою службою, взглянувъ на якорь, отданный на кранбаль во время волненія или при большемъ ходѣ, подумалъ бы, что это острое орудіе свѣшено нарочно для пробитія корабельнаго дна. Въ грубыхъ ошибкахъ по службѣ молодость извинить не можетъ: для неопытныхъ офицеровъ есть книги; надобно только имѣть охоту ими пользоваться.

Разбитіе Русскаго военнаго корабля у береговъ Швеціи въ 1771 году. (*)

(Соч. А. С. Шишкова.)

(*) По дѣламъ Морскаго Вѣдомства видно, что корабль сей назывался *Вячеславъ* и состоялъ подъ начальствомъ капитана 1-го ранга.

Подъ симъ заглавіемъ въ журналъ *Отечественныя Записки* {Въ книжкахъ на Декабрь 1821, и на Январь и Февраль 1822 года.}, напечатано описаніе бѣдствій, претерпѣнныхъ однимъ русскимъ линѣйнымъ кораблемъ. Описаніе это, съ позволенія почтеннаго издателя {Павель Петровичъ Свиньинъ.}, я помѣщаю здѣсь отъ слова до слова, пополнивъ оное нѣкоторыми моими собственными замѣчаніями.

"Въ началѣ 1771 года посланы мы {Кадеты Морскаго Кадетскаго Корпуса.-- *Изд.*} были сухимъ путемъ, подъ начальствомъ кадетскаго капитана, къ городу Архангельску съ тѣмъ, чтобъ оттуда моремъ возвратиться на построенныхъ тамъ корабляхъ. Насъ было слишкомъ тридцать человекъ.

"Мы жили въ прилежащей къ городу слободѣ, называемой Соломбола, въ обнесенныхъ тыномъ казармахъ. По вскрытіи Двины и по спускѣ на воду трехъ шестидесяти-шести-пушечныхъ кораблей, расписали насъ по онымъ. Я написанъ былъ на корабль N {Вячеславъ.}. Прежде нежели приступлю къ описанію нашего путешествія, нужно читателю узнать свойства и нравы бывшихъ на семъ кораблѣ офицеровъ.

Начальствовавшій надъ онымъ капитанъ 1-го ранга N. былъ человекъ довольно добрый, но властолюбивый, пылкій и не совсѣмъ трезвый. Второй по немъ, нашъ кадетскій капитанъ, также человекъ весьма добрый, услужливый, усердный къ службѣ и довольно неглупый, но часто заблуждавшійся отъ излишнихъ умствованій, и притомъ предъ старшими себя до крайности робкій. Два лейтенанта, изъ коихъ одинъ M.... видный собою, искусный въ дѣлѣ своемъ и дружный съ кадетскимъ капитаномъ; W.... человекъ простой во всемъ пространствѣ слова; два мичмана, одинъ констапель (артиллерійскій офицеръ) и насъ восемь человекъ гардемаринъ, да при солдатской командѣ капитанъ D. человекъ дородный, толстый, грубый и свирѣпый. О нравахъ двухъ первыхъ начальниковъ моихъ можно посудить изъ слѣдующаго со мною приключенія: перейдя чрезъ находящійся при устьѣ Двины баръ (мелководье, которое съ пустыми безъ груза кораблями переходятъ въ полную воду), мы стояли на якоряхъ и грузились, въ разстояніи около тридцати верстъ отъ гавани и крѣпости, называемой Лопоминка, и столько же еще отъ города Архангельска. Въ одинъ день одному изъ мичмановъ даютъ подъ начальство ботъ (судно) и посылаютъ его въ Лопоминку, чтобъ тамъ налить нѣсколько бочекъ свѣжей воды и привезть на корабль. Погода была прекрасная. Я былъ праздненъ; нѣкоторые изъ моихъ товарищей отпросились и поѣхали въ городъ Архангельскъ; мнѣ также захотѣлось погулять. Я просилъ отпустить меня съ посылаемымъ въ Лопоминку мичманомъ: меня отпустили. Мичману вздумалось, пока ботъ будетъ наливаться водою, съѣздить на шлюпкѣ въ городъ Архангельскъ. Не желая одинъ безъ него остаться въ Лопоминкѣ, я поѣхалъ съ нимъ. Пробывъ тамъ нѣсколько времени, мы возвратились, но бота уже не нашли: онъ, налившись водою, къ великому удивленію и

досадѣ мичмана, ушелъ къ кораблю. Мы поѣхали за нимъ. По несчастію, ботъ пришелъ за часъ или за два передъ нами. Капитанъ нашъ въ это самое время былъ у другаго капитана въ гостяхъ и, обременивъ себя излишне напитками, возвращался на свой корабль. Увидѣвъ пришедшій ботъ, подѣхалъ къ нему и спросилъ: гдѣ мичманъ? сказали, что онъ уѣхалъ въ городъ. Поднялась тревога! "Какъ смѣлъ онъ оставить порученное ему судно и отъ него отлучиться!" Разгнѣванный капитанъ, услышавъ обо мнѣ, что я съ нимъ уѣхалъ, приказываетъ, какъ скоро мы возвратимся, мичмана запереть на хлѣбъ и на воду въ каюту, а меня поставить на цѣлую ночь подъ лоты {Это жестокое наказаніе давно уже вывелось изъ нашего флота, и нынѣ большая часть офицеровъ не знаютъ даже, что оно существовало. *Прим. В. М. Головнина.*}! Наказаніе тяжкое, особливо въ мои лѣта: продержатъ всю ночь на плечахъ двѣ свинцовыя гири, болѣе пуда вѣсомъ! Когда мы возвратились съ мичманомъ на корабль -- капитанъ спалъ. Намъ объявляютъ приговоръ: его запираютъ, а меня хотятъ ставить подъ лоты. Я бросаюсь къ кадетскому, собственно нашему, капитану, и прошу его защитить меня, говоря, что я ничѣмъ не виноватъ, потому что не по должности посланъ былъ на ботъ, не самовольно отъ него отлучился, а отпущенный, куда мнѣ хотѣлось, погулять, возвратился съ тѣмъ, съ кѣмъ поѣхалъ. Кадетскій капитанъ, признавая мою невинность, сожалѣетъ обо мнѣ, однако приказываетъ класть на меня лоты. Я въ отчаяніи! обливаюсь горькими слезами, умоляю, убѣждаю его, говоря, что я никогда не былъ наказанъ, что ему поведеніе мое извѣстно, что онъ настоящій нашъ начальникъ, что это тяжкое, неприличное для юноши и ни чѣмъ не заслуженное мною наказаніе можетъ вогнать меня въ чахотку, и что директоръ нашъ, узнавъ о семъ, конечно за меня вступится.--

Строгий исполнитель воли начальника отвѣчаетъ мнѣ безъ гнѣва и съ сожалѣніемъ: "Такъ, мой другъ; ты правъ, я все это знаю; но какъ я могу оставить безъ исполненія приказаніе капитанское?" Тутъ вооружаюсь я всѣмъ моимъ краснорѣчіемъ и доказываю ему, что онъ не выйдетъ изъ повиновенія; что я прошу только отсрочить наказаніе мое до утра, пока капитанъ проснется, и что если не отмѣнитъ онъ своего приказанія, то и тогда успѣетъ оно быть исполненнымъ. Насилу, убѣжденный напоследокъ моими слезами и представленіями, онъ на то согласился. Поутру я прихожу къ капитану, объясняю ему мою невинность и прошу его меня простить. Онъ отвѣчаетъ мнѣ: "За что простить? ты ни мало не виноватъ. Я вчера не разобралъ хорошенько, и напрасно смѣшалъ тебя съ мичманомъ. Поди и будь покоенъ."

"По нагруженіи кораблей, мы отправились въ походъ, и плыли по Бѣлому Морю съ переменными и тихими вѣтрами. Въ одинъ день, во время густаго тумана, при бросаніи лота оказалось, что вдругъ съ глубины двадцати пяти саженьъ взошли мы на глубину семи саженьъ. Устранюсь сего обстоятельства, стали мы тотчасъ на якорь. Но какъ туманъ не прочищался и вѣтеръ дѣлался свѣжѣе, то опасаясь стоять тутъ долѣе, и обмѣря на посланныхъ шлюпкахъ вокругъ себя глубину, подняли якорь и пошли въ ту сторону, гдѣ становилось глубже. Теченіе моря было съ нами, и вѣтеръ дулъ намъ попутный. Мы шли нѣсколько часовъ, и стали опять на якорь. Послѣ полудня туманъ прочистился, и мы увидѣли, верстахъ въ трехъ или четырехъ предъ собою, крутой каменный берегъ. Сей грозный сосѣдъ принуждалъ насъ удалиться отъ него поскорѣе. Но какъ довольно свѣжій вѣтеръ, дующій прямо на берегъ и сильное туда же теченіе моря наводили намъ страхъ, чтобъ при медленности подниманія обыкновеннымъ образомъ якоря, не

прижало насъ къ берегу, то разсуждали, чтобъ вступить подъ паруса вдругъ, т. е. распустить и наполнить ихъ, не поднимая якоря, и когда корабль возьметъ движеніе, отрубить канатъ. Однако жъ капитанъ былъ на то не согласенъ: ему не хотѣлось лишиться якоря. Онъ спросилъ, нѣтъ ли на кораблѣ когонибудь изъ архангельскихъ рекрутъ? Сыскали одного матроса. Спрашиваютъ его: хаживаль ли онъ по Бѣлому Морю? (Архангельскіе жители почти всѣ рыболовы). Онъ отвѣчалъ: "Хаживаль." -- Какой же это берегъ?-- "Тотъ, который идетъ отъ Орлова Носа." -- А гдѣ Орловъ Носъ?-- "Остался назади, мы его прошли." (Это сказаніе матроса не согласно было съ нашимъ исчисленіемъ, ибо мы по картѣ считали себя далеко еще не дошедшими до мыса, называемаго Орловъ Носъ).-- Можно ли намъ сняться съ якоря?-- Можно, отвѣчалъ онъ: берегъ приглубъ, теченіе хотя и броситъ насъ къ нему, но встрѣчное отъ него теченіе понесетъ насъ вдоль его." Капитанъ ведѣлъ сниматься съ якоря. Лейтенантъ М... представлялъ, что въ подобныхъ случаяхъ не должно полагаться на слова матроса, и лучше потерять одинъ якорь, чѣмъ подвергать корабль опасности. Однако жъ капитанъ велѣлъ немедленно сниматься. Опытъ показалъ, что матросъ говорилъ правду: лишь якорь отдѣлился отъ дна моря, корабль какъ стрѣла полетѣлъ на каменный утесъ: мы до смерти перепугались; но чѣмъ ближе къ берегу, тѣмъ быстрота его становилась меньше: отражающееся отъ берега теченіе спиралось натекающимъ на оное, и не допускало насъ къ нему приблизиться: мы успѣли вывертѣть якорь, убрать его, наполнить паруса и направить путь свой въ море.

"По выходѣ въ Океанъ и по долгомъ плаваніи, при противныхъ вѣтрахъ зашли мы, чтобъ заpastись прѣсною водою, въ проливъ между лапландскимъ береговъ а островомъ Кильдуйпомъ. Островъ сей Необитаемъ, нашли на немъ нѣсколько рыбачьихъ

хижинъ. Лѣтомъ прїѣзжаютъ на него рыболовы, и осенью уѣзжаютъ назадъ. Они сказывали мнѣ, что ходятъ для промысла въ Океанъ, и удаляются верстъ по сту отъ берега. Видя худыя суда ихъ, я спросилъ, какъ могутъ они на такихъ судахъ такъ далеко ходить: "Ну, ежели застанетъ буря?" -- Такъ что жъ? отвѣчали философы съ холодностію: "кого застанетъ, тотъ утонетъ." Я видѣлъ тутъ еще семидесятилѣтняго старика, сторожа оленей, который во всю свою жизнь, какъ себя запомнить, изъ Кильдюйна никуда не отлучался. Лѣтомъ, мѣсяца три проводитъ онъ съ прїѣзжающими рыбаками, а въ остальное время года живетъ одинъ. Разговаривая съ нимъ, я спросилъ у него: "Какъ же зимою, когда проливъ замерзаетъ, не боишься ты забѣгающихъ сюда волковъ и медвѣдей?" -- "Чего бояться, отвѣчалъ онъ, съ увѣренностью: они меня ужъ знаютъ и не тронуть."

"Простоявъ дня три въ Кильдюйнѣ, пошли мы опять въ Океанъ, и продолжали путь свой. Сдѣлались противные и крѣпкіе вѣтры; мы долго съ ними боролись и ничего не видали, кромѣ кувыркающихся китовъ, которые изъ воды выставляли хребты свои, наподобіе черныхъ холмовъ, и, фыркая, пускали изъ ноздрей высокіе водометы. Мы забрались далеко къ сѣверу, такъ что солнце въ самую полночь не заходило уже подъ горизонтъ. Смотря въ сіи часы на это величественное свѣтило, которое казалось гораздо больше и краснѣе, нежели въ полуденной высотѣ, и любуясь озаряющими поверхность моря лучами его, я съ восхищеніемъ вспоминалъ стихи Ломоносова:

"Достигло дневное до полночи свѣтило,
Но въ глубинѣ лица горящаго не скрыло,
Какъ пламенна гора, казалось межъ валовъ,
И простирало блескъ багровый изъ-за льдовъ.
Среди пречудныя, при ясномъ солнцѣ ночи

Верхи золотыхъ зыбей пловцамъ сверкаютъ въ очи."

Мнѣ мечталось, что я смотрю на него глазами Ломоносова и плыву съ Петромъ Великимъ.

"Послѣ долгаго времени, вѣтры стали становиться попутнѣе, ночи длиннѣе и темнѣе. Мы перешли великое разстояніе; миновали опасную пучину, называемую Мальштромъ. Я въ свободные часы занимался разсматриваніемъ разныхъ явленій: иногда днемъ по цѣлому часу смотрѣлъ въ воду, которая была такъ прозрачна, что, опустя въ неё бѣлый камушекъ, можно было видѣть его нѣсколько секундъ, пока не погрузится онъ сажень на двадцать или болѣе. Иногда любовался плавающими въ ней цвѣтами, которые показывались изъ-подъ кормы наподобіе пестрыхъ распустившихся колпаковъ. Прекрасный видъ ихъ, когда ихъ поймашь и вынешь изъ воды, тотчасъ исчезалъ и превращался въ нѣкую ссѣдшуюся непріятную слизь. Всего же болѣе нравилось мнѣ, по ночамъ сидѣть на носу корабля; вода имѣла нѣкое лучезарное свойство, такъ что обмоченная въ нее вещь казалась въ темнотѣ огненною. Валы, ударяя въ носъ и отражаясь отъ него, раздроблялись на безчисленное множество брызговъ, свѣтящихся подобно разноцвѣтнымъ искрамъ. Казалось, корабль, шествуя, сражается ежеминутно съ нападающими на него исполинами, и въ гнѣвѣ попирая ихъ, сыплетъ отъ себя огонь и пламя. Въ одинъ день достали мы лотомъ дно морское: глубина была семьдесятъ сажень. Мы наѣхали въ это время на необъятное количество сельдей. Корабль нашъ нѣсколько часовъ, почти при совершенной тишинѣ вѣтра, плылъ тихо, какъ бы посреди ихъ; ибо отъ самага верха воды до такой глубины, до какой взоръ при чистотѣ и прозрачности ея проникать могъ, вся она наполнена была слоями сихъ рыбъ, и вокругъ корабля, сколько зрѣніемъ при ясной погодѣ можно было обнять, повсюду гладкая

поверхность воды рябѣла отъ прикосновенія ихъ къ оной.

"Наконецъ, по долгомъ странствованіи и по претерпѣніи многихъ бурь, пришли мы уже въ половинѣ Октября (21-го Сентября) въ Копенгагенъ, гдѣ пробывъ нѣскольکو дней, спѣшили отправиться въ путь. Мы снялись съ якоря {6-го Октября въ девятомъ часу пополудни, при вѣтрѣ отъ WNW.} около полудня, и съ крѣпкимъ попутнымъ вѣтромъ въ весьма темную ночь стали приближаться къ острову Борнгольму. Въ восемь часовъ вечера, по означеніи на картѣ пункта {Въ восемь часовъ вечера по счисленію NW оконечность Борнгольма находилась на NO 61 град. въ разстояніи двадцати семи миль.} (т. е. мѣста, бѣ которомъ мы себя считали), и по опредѣленіи отъ него курса {На NO.} (т. е. пути, которымъ кораблю плыть надлежало), капитанъ, давъ о томъ приказаніе свое вахтенному (на стражѣ стоящему) лейтенанту, легъ спать. Насталъ десятый часъ, время, въ которое по соображенію скорости хода, должны мы были проходить между шведскимъ берегомъ и островомъ Борнгольмомъ. Вѣтеръ усилился. Ходъ корабля былъ чрезвычайно быстрый -- по двадцати верстѣ {По журналу видно, что корабль тогда шель по осьми узловъ. *Прим. В. М. Г.*} въ часъ. Ночь претемная. Поставленные нарочно для смотрѣнія на бакъ (т. е. на носу корабля) люди, на вопросъ часто повторяемый: не видать ли земли? Отвѣтствовали всегда -- "Ничего не видать!" Въ сихъ обстоятельствахъ штурманъ (исчислитель пути корабельнаго) беретъ карту, смотритъ на нее, мѣряетъ и пожимаетъ плечами. Вахтенный лейтенантъ подходитъ къ нему и спрашиваетъ: "Что ты посматриваешь на карту и пожимаешься? Онъ отвѣчаетъ: "Островъ этотъ меня крѣпко безпокоитъ; курсъ нашъ по картѣ, конечно, хорошъ, ведетъ мимо его; но кто можетъ положиться на точность исчисленія?"

Притомъ же мрачность погоды не позволила намъ яснымъ разсмотрѣніемъ береговъ хорошенько повѣрить онаго; и такъ если положить, что подлинное мѣсто наше въ восемь часовъ было мористѣе (далѣе отъ шведскихъ береговъ), нежели какъ означенный нами на картѣ пунктъ показываетъ, то мы, идучи симъ курсомъ, попадемъ на островъ, а берега его такъ круты и приглубы, что при такой темнотѣ и скорости хода, не успѣемъ мы его увидѣть, какъ уже объ него ударимся, и можетъ быть разобьемся въ щепы." -- Сомнѣніе это устрашило лейтенанта; онъ говоритъ: "Что жъ намъ дѣлать? Не разбудить ли капитана?" Штурманъ отвѣчаетъ: "Капитанъ не поможетъ, потому что, полагая погрѣшность счисляемаго пункта въ одну сторону, путь сей опасенъ, а полагая ее въ другую, переменна онаго опасна; и такъ капитанъ, не больше нашего о вѣрности пункта извѣстный, будетъ точно въ такой же нерѣшимости, какъ и мы." Разговоръ сей умножалъ отъ часу болѣе страхъ ихъ, у котораго, какъ говорится пословица, глаза велики. Лейтенантъ нѣсколько разъ спрашивалъ: не сказать ли капитану? Штурманъ отвѣчалъ всегда, что оттого не произойдетъ никакой пользы. "Мое бы мнѣніе, продолжалъ онъ, не сказывая ему, спуститься не много къ шведскимъ берегамъ, и чрезъ полчаса взять опять тотъ путь, которымъ идемъ теперь. Такимъ образомъ, если бъ и была предполагаемая мною погрѣшность въ счисленіи, то мы, не давъ никому того примѣтить, поправили бы оную и миновали бы островъ." Лейтенантъ, по нѣкоторомъ колебаніи, согласился на его предложеніе. Они переменяютъ путь, спускаются на два или на три румба {По слѣдственному дѣлу видно, что они стали держать на NWtN, слѣдовательно переменили курсъ на семь румбовъ. Прим. В. М. Г.} къ шведскому берегу, чтобъ уклониться отъ ужасающаго воображеніе ихъ острова. Не прошло десяти минутъ, какъ люди, стоящіе

на носу корабля, стали кричать: "Кажется, какъ будто земля чернѣется!" -- Гдѣ?-- "Въ правой рукѣ, передъ носомъ." -- "Вотъ, вскричалъ обрадованный штурманъ: это Борнгольмъ! Хорошо, что мы отъ него отворотили, а то бы попали прямо на него." Въ это самое время капитанъ выходитъ изъ своей каюты, ему говорятъ: Борнгольмъ видѣнъ. Онъ спрашиваетъ: гдѣ, въ которой сторонѣ? Ему указываютъ. Онъ смотритъ и говоритъ: "У меня глаза худы, я ничего не вижу." -- Черезъ двѣ или три минуты, съ носу корабля вдругъ нѣсколько голосовъ закричали: "Кругомъ видна земля!" Эти слова всѣхъ какъ громомъ поражаютъ. Кадетскій капитанъ и лейтенантъ М... выбѣгаютъ снизу наверхъ. Послѣдній изъ нихъ, посмотрѣвъ на компасъ и видя, что корабль лежитъ не на томъ пути, какой положено было держать, закричалъ: лѣво руля!-- Но едва онъ успѣлъ это произнести, какъ вдругъ почувствовали мы такой ударъ, что едва могли устоять на ногахъ. Корабль тотчасъ повернуло. Онъ сталъ бокомъ противъ вѣтра. Паруса заполоскали. Вѣтеръ, не надувая ихъ болѣе, началъ сильно рвать и бить ихъ объ мачту. Подъ кораблемъ было только три сажени воды: онъ стоялъ уже дномъ своимъ на днѣ моря. Волны, подобныя горамъ, то поднимали его къ верху, то опускали стремительно внизъ. Тяжелая громада эта, имѣющая около двухъ сотъ тысячъ пудовъ вѣсу, съ такою силою ударялась о землю, что, казалось, всѣ члены ея мгновенно расторгнутся и разсыплются; высота и тяжесть мачтъ съ висящими на нихъ реями и снастями, при каждомъ ударѣ, наклоняла ее часъ отъ часу ниже на бокъ, такъ, что на послѣдокъ верхнія пушки стали доставать до воды, и на палубѣ не можно было стоять, не схватясь за что нибудь руками. Сначала людямъ велѣли итти на мачты, чтобъ убрать и закрѣпить паруса; они въ числѣ около ста человекъ, не смотря на трудность и угрожающую имъ великую опасность,

полѣзли смѣло, и въ двѣ или три минуты были уйсе тамъ; но когда, при повтореніи нѣсколькихъ ударовъ, капитанъ увидѣлъ, что мачты, сами по себѣ высокія и тяжелыя, но еще болѣе тяжестью людей вверху обремененныя, повалятъ корабль на бокъ, то велѣлъ тотчасъ рубить ихъ. Время не позволяло обождать столько, чтобъ дать людямъ сойти на низъ. Должно было ими пожертвовать. Для того удовольствовались только тѣмъ, что закричали имъ: "мачты рубятъ!" Минута гибели наступала (ибо съ первымъ или со вторымъ наклономъ корабля ожидали, что онъ повалится); надлежало ее предупредить; но Какъ можно было въ нѣсколько секундъ срубить три дерева, каждое охвата въ два толщиною? Въ невозможности сего. велѣли, какъ можно скорѣе съ надвѣтренной стороны перерубить только по нѣскольку талреповъ у вантъ каждой мачты.

"Въ это время одинъ изъ матросовъ, самый пьяный, и за худое поведеніе всегда почти содержимый въ оковахъ, оказываетъ удивительное усердіе и расторопность. Онъ подбѣгаетъ съ топоромъ къ капитану и говоритъ ему; "Наложи руку, тюкни одинъ только разъ, остальное я все сдѣлаю." Капитанъ беретъ топоръ и ударивъ имъ по веревкѣ, отдаетъ ему обратно {Эта *накладка руки* произошла, я думаю, отъ того, что встарину капитаны часто *не помнили* своихъ приказаній и отпирались отъ нихъ. Корабельный командиръ долженъ оставить шканцы, присутствіе главнаго начальства, откуда раздаются повелѣнія по всему кораблю -- и зачѣмъ? Чтобъ итти на бакъ и разъ ударить топоромъ по мачтѣ, или спуститься въ самую нижнюю палубу, чтобъ взять въ руки топоръ и опустить его на канатъ! И притомъ, когда же эта *торжественная церемонія* совершается? Когда корабль въ опасности и когда минутное отлагательство какого либо дѣйствія можетъ навлечь гибель ему и всему экипажу!!! *Прим. В.*

М. Г.}. Онъ цѣпокъ и скоръ, какъ дикая коза; въ одно мгновеніе перелетаетъ, обрубая веревки, отъ одной мачты къ другой. Корабль, между тѣмъ ударясь еще разъ объ землю, клонится съ великою быстротою на бокъ. Мачты, освобожденныя уже отъ поддерживанія веревками, не переносятъ болѣе стремительности наклона, и всѣ три въ одинъ мигъ съ ужаснымъ трескомъ ломаются и падаютъ въ море. Изъ бывшихъ на нихъ людей ни одинъ не погибаетъ: всѣ они съ удивительнымъ проворствомъ успѣли по висячимъ веревкамъ спуститься нанизъ. Матросъ, оказавшій толь великую расторопность при срубкѣ оныхъ, оказываетъ еще примѣрное великодушіе. Перерубивъ послѣднія веревки у кормовой мачты, и въ то самое время, какъ уже наступаетъ мгновеніе ей сломиться, онъ видитъ впереди себя стоящаго спиною къ нему Офицера, и усматриваетъ, что когда мачта сломится, концемъ висящаго на ней косвенно рея (бревна) его убьетъ. Не имѣя ни времени ему закричать, ни надежды, чтобъ онъ въ шумѣ услышалъ его, онъ бросается съ верхняго помоста, на которомъ стоялъ, внизъ къ сему офицеру, толкаетъ его обѣими руками въ спину, но самъ не успѣваетъ уже отскочить: бревно ударяетъ его и кидаетъ безчувственнаго къ борту.

"Облегченный отъ мачтъ корабль перестало валять съ боку на бокъ; но продолжало приподнимать валами и стучать о землю. Темнота ночи не позволила намъ осмотрѣть, гдѣ мы и на какую мель сѣли. Въ опасеніи, чтобъ корабль, двигаясь по дну моря, не насунулся на такой величины камень, который могъ его проломить, положили мы якорь. Вскорѣ руль выбило, многія наружныя доски или пояса, называемые обшивкою, отодрало, и въ корабль показалась течь, такъ что накопляющуюся въ него воду едва всѣми помпами могли отливать. Состояніе наше послѣ срубленія мачтъ сдѣлалось бездѣйственное, но тѣмъ болѣе ужасное.

Сильные удары потрясали всѣ члены корабля. Каждый часъ угрожалъ гибелью. Люди, приготовляясь къ смерти, надѣвали на себя бѣлыя рубашки. Священникъ въ облаченіи читалъ предъ образомъ молитвы; всѣ въ отчаянномъ страхѣ: иные падши ницѣ, иные стоя на колѣняхъ, иные съ воздѣтыми къ небу руками, молились, и, какъ обреченныя жертвы, оплакивали послѣднія свои минуты. Между тѣмъ шумъ моря, скрипъ членовъ корабля, унылый свистъ вѣтра вокругъ обломковъ мачтъ, и пушечные, для призванія помощи, ежеминутно производимые выстрѣлы, напоминали безпрестанно, что мы гибнемъ и нѣтъ спасенія. Посреди сей всеобщей горести и плача, всѣхъ бодрѣе, всѣхъ веселѣе былъ между нами констапель, лифляндскій дворянинъ N.... человекъ молодой, статный собою и хорошій мнѣ пріятель. Онъ съ распущенными волосами бѣгалъ по кораблю и поминутно кричалъ: пали! Часто подходилъ ко мнѣ, шутилъ, смѣялся и, утѣшая меня, говорилъ: "Не бойся, я сдѣлаю, что насъ услышатъ и подадутъ намъ помощь." -- Наконецъ, послѣ ужасныхъ часовъ безконечной ночи, разсвѣтаетъ день. Мы видимъ себя въ двухъ или менѣе верстахъ подлѣ шведскаго берега. Мнимый островъ Борнгольмъ былъ мысъ сего берега. Погрѣшность въ счисленіи дѣйствительно оказалась, но только съ тою еще ошибкою, что штурманъ полагалъ настоящее мѣсто корабля далѣе отъ береговъ, нежели счисляемый на картѣ пунктъ, а оно, напротивъ того, было ближе, и потому для избѣжанія опасности надлежало бы не отъ Борнгольма къ нимъ, но отъ нихъ къ Борнгольму придержаться, то есть сдѣлать противное тому, что мы, по несчастію, сдѣлали {Если корабль, приближаясь ночью къ берегамъ, до того запутается въ счисленіи, что не будетъ знать своего мѣста, въ такомъ случаѣ благоразуміе заставляеть лечь въ дрейфъ и дожидаться

разсвѣта; ибо лучше потерять ночь хода, чѣмъ подвергать себя гибели. *Прим. В. М. Г.*}

"Настало утро: мы узнали мѣсто пребыванія своего; но положеніе наше ни мало не сдѣлалось чрезъ то лучше. Вѣтеръ дулъ тотъ же и столь же крѣпкій. Сила ударовъ не уменьшалась. Корабль нашъ приходилъ въ худшее состояніе, и сокрушеніе онаго становилось чрезъ нѣсколько часовъ неминуемымъ. Внутри онаго царствовали смятеніе и страхъ. Капитанъ заперся въ каютѣ и не выходилъ изъ нее. Лейтенантъ W... былъ почти въ изступленіи ума! онъ лежалъ въ постелѣ своей и безпрестанно повторялъ: "Я виноватъ! я матросъ! я погубилъ!" Оставались дѣйствующими лицами кадетскій капитанъ и Лейтенантъ M..... которые оба, а особливо первый изъ нихъ, сохранили въ себѣ отличное присутствіе духа и не преставали обо всемъ печись. Капитанъ приставилъ къ виннымъ бочкамъ часовыхъ съ ружьями, дабы люди изъ отчаянія не покусились предаться пьянству, и далъ приказаніе, перваго, кто станетъ употреблять къ тому насильство, заколотъ на мѣстѣ. Онъ созвалъ къ себѣ офицеровъ, урядниковъ и нѣсколько челоуѣкъ изъ старшихъ матросовъ {Во всю жизнь мою, въ первый разъ еще слышу, что на военномъ кораблѣ сильной, просвѣщенной державы матросы были призываны на совѣтъ вмѣстѣ съ офицерами! Никакіе законы не даютъ имъ права на эту честь! и въ Морскомъ Уставѣ, гдѣ говорится о *консиліумахъ*, упоминаются одни только оберъ и унтеръ-офицеры {Книга 3. Глава I. §§ 41, 55, 94.}, долженствующіе составлять оныя. Какъ и въ самыхъ государствахъ, такъ въ частныхъ малыхъ обществахъ нѣтъ ничего вреднѣе и опаснѣе, какъ людямъ непросвѣщеннымъ, въ дѣлахъ несвѣдущимъ, дать поводъ думать, что они имѣютъ право участвовать въ правленіи. *Прим. В. М. Г.*} для совѣта (консиліума), на которомъ положено было слѣдующее: "Какъ нѣтъ

никакой надежды къ спасенію корабля (ибо онъ при столь сильныхъ ударахъ черезъ нѣсколько часовъ долженъ сокрушиться), то остается только помышлять о спасеніи людей: для сего приступить немедленно къ выпусканію каната" дабы сила вѣтра могла безпрепятственно двигать корабль ближе къ берегу. Но какъ, вѣроятно, глубина станетъ по мѣрѣ того уменьшаться и корабль остановится, въ такомъ случаѣ стараться всѣми средствами облегчать его, а именно сталкивать и выбрасывать пушки и всѣ большія тяжести въ воду, рубить помосты, пояса, доски, связывая ихъ веревками вмѣстѣ, дабы въ то время, когда корабль погибать начнетъ, люди на сихъ плотахъ могли спастись," Совѣтъ сей всѣ, бывшіе на немъ, утвердили и подписали. Кадетскій капитанъ, какъ второй на кораблѣ начальникъ, понесъ оный къ капитану на утвержденіе. Мы всѣ, стоя предъ дверями капитанской каюты, ожидали съ нетерпѣніемъ выхода его изъ оной. Но вдругъ услышали гнѣвный крикъ: "вонъ отселѣ, вонъ! не смѣй ко мнѣ ходить; я хочу умереть здѣсь, и пусть всѣ со мною умираютъ!" Кадетскій капитанъ выходитъ смутенъ, блѣденъ, и повторяетъ слышанный уже нами капитанскій отвѣтъ.-- Стопъ и вопль распространяются между всѣми, а особливо между нами -- юношами. Мы всѣ, гардемарины, одинъ за другимъ бѣжимъ къ нему въ каюту и передъ и имъ рыдаемъ. Онъ, вмѣсто того, чтобъ сжалиться надъ слезами нашими выталкиваетъ и прогоняетъ насъ съ угрозами {И за дѣло! Гардемарины, нижніе чины, которые должны учиться порядку службы и подчиненности, осмѣливаются итти толпою къ капитану въ каюту, плакать и выть, и совѣтовать ему, что дѣлать въ опасномъ случаѣ! Офицеры должны была уговаривать капитана и даже, согласно съ законами, требовать отъ него должнаго, а не нижніе чины, которыхъ обязанность есть повиноваться и исполнять

приказанія офицеровъ. *Прим. В. М. Г.*}. Новый плачь и горе! Солнце приближалось уже къ полудню, и воображеніе, что корабль въ наступающую ночь развалится, увеличивало наше нетерпѣніе. Всѣ ропщутъ, пристають къ кадетскому капитану, чтобъ онъ принялъ начальство надъ кораблемъ. Онъ отказывается, не хочетъ, уговариваетъ всѣхъ, чтобъ отстали отъ сего требованія. Однако оно усиливается и всѣми единодушно повторяется. Кадетскій капитанъ, видя непреклонную всѣхъ волю, напоследокъ соглашается. Онъ со всѣми офицерами, гардемаринами, урядниками и многими матросами (всего человѣкъ сорокъ) входитъ въ каюту къ капитану, бросается предъ нимъ на колѣни, проситъ, чтобъ онъ согласился на положенное въ совѣтъ всѣхъ общее желаніе и единственное къ спасенію средство, нетерпящее отлагательства времени. Всѣ другіе дѣлаютъ то же, окружаютъ капитана, ползаютъ предъ нимъ на колѣняхъ, цѣлуютъ полы платья его, рыдаютъ, молятъ {Прежде въ Европѣ морскіе капитаны почитали за безчестіе пережить потерю своего корабля; это нѣкоторымъ образомъ понятно, когда они сами причиною оной. Но во всякомъ случаѣ, если бъ они и имѣли власть надъ собственною своею жизнію, то не были въ правѣ лишать своего Государя нѣсколькихъ сотъ полезныхъ ему подданныхъ. Впрочемъ капитанъ корабля "Вячеславъ" шутилъ только, какъ видно изъ послѣдствія. *Прим. В. М. Г.*}. Онъ, непреклонный ничѣмъ, упорствуетъ и гнѣвается: весь отвѣтъ" его состоитъ въ словахъ: "Труссы! вы не хотите умереть со м*пою; вонъ отсель!" Тогда кадетскій капитанъ встаетъ и говоритъ ему почтительнымъ, по твердымъ голосомъ: "Батюшка, Н... Н..., необходимо надобно согласиться: всѣ чины и служители корабельные сего желаютъ и въ случаѣ сопротивленія вашего требуютъ, чтобъ я, смѣня и засадя васъ подъ стражу, принялъ надъ ними

начальство." При сихъ словахъ повелительный голосъ капитана умолкаетъ; онъ задумывается, слезы появляются у него въ очахъ, онъ упадаетъ на грудь кадетскаго капитана и съ кротостью говоритъ ему: "Начинай съ Богомъ! я соглашаюсь. Впрочемъ, если надобно -- принимай начальство надъ кораблемъ." -- "Нѣтъ, вскричалъ тогда кадетскій капитанъ, я иду исполнять не свою, не общую, но вашу единственную волю."

"Сказавъ сіе, выходятъ изъ каюты. Тотчасъ приступаютъ къ исполненію того, что положено въ совѣтѣ. Сперва хотятъ столкнуть за бортъ нѣсколько пушекъ; но Лейтенантъ М.- возражаетъ противъ сего, представляя опасность, что корабль объ самыя сіи пушки, когда онѣ упадутъ подлѣ него на дно моря, можетъ быть проломленъ. И такъ отступаютъ отъ сего намѣренія и велятъ только выпускать канатъ. Корабль, недерживаемый болѣе якоремъ, и послѣ всякаго удара подъемлемый волною, сходитъ съ мѣста своего и силою вѣтра двигается по землѣ. Едва перешелъ онъ сорокъ или пятьдесятъ сажень, какъ мѣряющій на кормѣ глубину подштурманъ закричалъ: "Воды подъ кораблемъ три съ половиною сажени." Слова сіи произвели неописанную радость. Полсажени прибавилось -- повторили всѣ. Вскорѣ потомъ закричалъ онъ опять: "Четыре сажени!" и вслѣдъ за тѣмъ опять -- "четыре съ половиною сажени!" -- Каждое восклицаніе было какъ бы нѣкій благодатный гласъ, отсрочивающій пашу гибель. Всѣ закричали тотчасъ: "Положить якорь! положить якорь!"

"Дѣйствительно, якорь въ ту же минуту былъ брошенъ, и корабль, ставъ на вольной водѣ, пересталъ ударяться о землю. Восторгъ нашъ въ первыя минуты былъ чрезвычайный: мы обнимались, цѣловались, плакали отъ радости, поздравляли другъ друга; но вскорѣ оный весьма уменьшился: размышленіе, что мы

безъ мачтъ, безъ руля, что корабль нашъ течеть, что, вѣроятно, глубина эта есть небольшая, окруженная мелью яма, изъ которой намъ нельзя будетъ выйти; что, можетъ быть, якорь насъ не удержитъ, или что вѣтеръ, сдѣлавшись съ другой стороны, поворотитъ корабль и кинетъ опять на ту мель, съ которой онъ сошелъ. Всѣ сіи размышленія снова погрузили насъ въ уныніе, и наступающая ночь казалась намъ столь же страшною, какъ и прошедшая.

"Между тѣмъ однако жъ съ великимъ трудомъ спустили мы шлюпку, съ тѣмъ, чтобъ отправить ее на берегъ для требованія помощи. На ней послался констапель и при немъ два человѣка солдатъ съ унтеръ-офицеромъ. Я въ это время былъ внизу корабля въ моей каютѣ. Констапель прибѣгаетъ ко мнѣ и съ восхищеніемъ говоритъ: "Знаешь ли что? меня посылаютъ на берегъ. Поѣдемъ со мною; здѣсь опасно оставаться, а тамъ мы будемъ спокойны. Хочешь ли, я скажу капитану, что ты мнѣ надобенъ?" Я съ радостію согласился, и мы пошли вмѣстѣ; но лишь приходимъ мы къ дверямъ капитанской каюты, какъ вдругъ, не знаю отъ чего родившійся во мнѣ страхъ перемѣняетъ во мнѣ мысли. Я останавливаю констапеля, и усиленно прошу его: "Ради Бога! не говори обо мнѣ капитану: я не хочу ѣхать." -- Онъ удивляется; спрашиваетъ меня, что съ тобою сдѣлалось? проситъ, убѣждаетъ, говоритъ: "Эй! ты будешь жалѣть о томъ, да ужъ поздно. Черезъ пять минутъ мы будемъ на берегу." Но всѣ слова его были тщетны; я стоялъ упорно въ моемъ намѣреніи, и просилъ его убѣдительно не упоминать имени моего предъ капитаномъ. Онъ вошелъ въ каюту, и, получивъ приказаніе, вышелъ оттуда, чтобъ сѣсть въ шлюпку, которая стояла уже у борта, совсѣмъ готовою. Мы примѣтили въ немъ великую перемѣну: онъ былъ смутенъ, обыкновенная веселость его исчезла, слезы катились по лицу. При сходѣ съ корабля на шлюпку,

сказаль онъ намъ: "Прощайте, братцы! Я первый ѣду на смерть!" -- и шлюпка отвалила, распустила паруса, понеслась птицею по морю, ныряетъ между валами; мы провожаемъ ее глазами и наконецъ видимъ, что подходя къ берегу -- опрокидывается .. Тутъ бросился я въ свою каюту, затворился въ ней и, упавъ на колѣни, изъ глубины души моей благодариль Бога за внушенную въ мысли мои перемѣну, избавившую меня отъ предстоявшей мнѣ гибели. Потомъ легъ въ постель. Печальное воображеніе о пріятелѣ моемъ, несчастномъ констапелѣ, долго меня тревожило, пока напослѣдокъ усталость и проведенныя въ страхъ и безпокойствѣ ночь и утро погрузили меня въ крѣпкій сонъ....

"Но сонъ мой недолго продолжался; вдругъ будять меня съ торопливостью и говорятъ: "Капитанъ спрашиваетъ, скорѣе!" Я испугавшись и съ просонку вскочилъ и бѣгу, какъ былъ, въ тулупѣ. Вижу, что уже смерклось; нахожу на бортѣ {Бортомъ называется вершина корабельнаго бока, покрываемая досками или довольно широкимъ помостомъ, по которому можно ходить. Такъ и весь бокъ подъ симъ именемъ разумѣется.} много людей, смотрѣвшихъ на лодку съ двумя человѣками, держащуюся въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ корабля. Капитанъ приказываетъ мнѣ спросить у нихъ, откуда они и кто ихъ прислалъ? (Надобно знать, что на всемъ кораблѣ не было никого, выключая констапеля и меня, кто бы на какомъ либо другомъ языкѣ, кромѣ русскаго, умѣлъ говорить) {Иностранцы, путешествовавшіе по Россіи, давно замѣтили, что у насъ всѣ лучшаго состоянія люди знаютъ разные чужіе языки, и между собою даже не иначе хотятъ говорить, какъ по-французски. Изъ сего конечно они заключаютъ, что если мы, вѣкъ свой живучи внутри Россіи и не имѣли никакой надобности прибѣгать къ иностраннымъ языкамъ, стараемся ихъ

изучать, то конечно уже морскіе ваши офицеры, почти безпрестанно находящіеся между иностранцами, знаютъ каждый по нѣскольку языковъ. Но какъ бы они удивились, если бъ узнали, что изъ всѣхъ офицеровъ и гардемариновъ линѣйнаго корабля, только двое могли объясняться съ иностранцами! Къ чести нынѣшнихъ морскихъ офицеровъ надобно сказать, что они болѣе прежнихъ стараются выучивать какъ чужіе языки, такъ и словесность своего собственнаго, и нѣкоторые изъ нихъ занимаются съ успѣхомъ полезными переводами и сочиненіями. И дѣйствительно, ни что такъ не нужно морскому офицеру въ чужомъ портѣ, какъ знаніе иностранныхъ языковъ, и болѣе потому, что нашъ языкъ весьма мало еще извѣстенъ чужестранцамъ. Сколь непріятно и тягостно должно быть для начальника корабля или эскадры, находящейся за границами, какъ въ сношеніяхъ его съ разными державами, такъ и въ частныхъ, обществахъ съ иностранцами; употреблять безпрестанно переводчиковъ! Когда одинъ адмиралъ пѣняль (1799 г.) Главнокомандующему Англійскаго флота, что онъ не сообщилъ ему тайной цѣли нѣкоторыхъ военныхъ приготовленій, о которыхъ знать адмиралъ имѣлъ право, Англичанинъ извинялся тѣмъ, что онъ не могъ иначе съ нимъ говорить, какъ посредствомъ молодыхъ офицеровъ, его переводчиковъ, которымъ онъ опасался ввѣрить тайну столь великой важности. Но незнаніе во время сей тайны адмиралу надѣлало много хлопотъ! *Прим. М. В. Г.*} Я спрашиваю, они худымъ нѣмецкимъ языкомъ отвѣчаютъ, что послалъ ихъ нѣкто господинъ Салдернъ изъ города Истада, для провѣданія о нашемъ кораблѣ. Капитанъ велѣлъ ихъ звать на корабль, однако жъ они на то несогласились, отзываясь, что, по причинѣ ночи и крѣпчашаго вѣтра, не могутъ долѣе оставаться; въ самомъ же дѣлѣ казалось, что они считая насъ въ крайности, опасались, чтобъ мы не завладѣли ихъ

лодку. Насилу, по великой просьбѣ и убѣжденіямъ, чтобъ взяли отъ насъ съ собою человѣка, пристали они, и то не къ борту, а къ висячей съ кормы веревочной лѣстницѣ, и притомъ требуя, чтобъ посылаемый туже минуту сошелъ, или они отвалятъ и уѣдутъ. Капитанъ, оборотясь ко мнѣ, приказываетъ, чтобъ я тотчасъ по сей лѣстницѣ спустился къ нимъ въ лодку и ѣхалъ съ ними. Это неожиданное приказаніе и скорость времени, съ какою надлежало оное исполнить, такъ меня поразили, что я, какъ бы обезумленный, не зналъ что со мною дѣлается, и не прежде опомнился, какъ уже въ нѣкоторомъ разстояніи отъ корабля. Обезображенный видъ онаго и горящіе на немъ огни привели мнѣ на память, что я уже не на немъ больше, не съ товарищами вмѣстѣ, но одинъ, на малой лодкѣ посреди бурнаго моря. Мы плыли не прямо на берегъ, куда послана была наша погибшая шлюпка: опасность отъ буруна {Симъ именемъ называется волненіе, производимое сильнымъ вѣтромъ, дующимъ съ моря. Бурунъ бываетъ также и при безвѣтріи на открытыхъ берегахъ, гдѣ есть приливъ.} не позволяла намъ туда ѣхать, а держали въ небольшой городокъ, называемый Истадъ. Онъ лежалъ верстахъ въ десяти отъ корабля. Мы должны были плыть противъ вѣтра, противъ валовъ, которые въ темнотѣ, какъ бы нѣкія мрачныя горы, бѣжали поглотить щепку, на коей мы сидѣли; но не могли, по уступчивой имъ легкости ея, всею своею глыбою на нее обрушиться, казалось, довольствовались только тѣмъ, что пѣнящимися вершинами своими съ яростью на нее брызгали. Однако жъ и однѣ эти брызги были не безопасны: вода накоплялась отъ нихъ въ лодкѣ, такъ что изъ двухъ бывшихъ на ней человѣкъ, одинъ только гребъ веслами, а другой безпрестанно выливалъ воду. Въ страхъ, чтобъ насъ не залило, сѣлъ я въ самый носъ лодки, чтобы спиною своею сколько нибудь удерживать летящія съ волнъ брызги. Состояніе мое было со всѣхъ

сторонъ жалкое: я былъ въ одномъ тулупѣ (какъ всталъ съ постели): не знаю, кто сунулъ мнѣ въ руки матросскую шляпу, ибо и той у меня въ ту минуту, какъ вдругъ меня послали, не было, и время не позволяло взять. Я не имѣлъ съ собою ни полушки денегъ, ниже куска хлѣба; не зналъ съ кѣмъ, куда и зачѣмъ ѣду; ибо не сказано мнѣ было ни одного слова, кромѣ сего: "Ступай, ступай скорѣе!" -- Плаваніе наше продолжалось слишкомъ восемь часовъ. Во все это время холодный осенній вѣтеръ дулъ въ меня, обмоченнаго съ ногъ до головы такъ, что не осталось на мнѣ ни одной сухой нитки. Мы пріѣхали въ городъ часу въ третьемъ пополудни. Я вышелъ изъ лодки, какъ сонный, почти безъ памяти. Матросы мои привели меня въ какой-то домъ; подали огня, разбудили хозяина. Онъ вышелъ ко мнѣ и сталъ со мною говорить; но я не могъ отвѣчать ни слова: языкъ мой не ворочался, *та былъ* какъ деревянный. Хозяинъ велѣлъ подать мнѣ рюмку вина; я выпилъ, онъ начинаетъ опять говорить со мною; но видя, что я ничего не отвѣчаю, оставляетъ меня одного и уходитъ. Я не знаю самъ, что дѣлаю, иду вонъ изъ горницы, схожу съ низкаго крыльца, и, отойдя сажень двадцать, останавливаюсь. Память возвращается ко мнѣ, и я думаю: куда я иду? Осматриваюсь кругомъ, и въ темнотѣ ничего не вижу. Хочу итти назадъ, но не могу вспомнить, съ которой стороны я пришелъ на это мѣсто. Въ этомъ недоумѣніи прихожу я въ отчаяніе; ноги мои подкашиваются подо мною, я невольно сажусь на землю и теряю совершенно всякое понятіе и память. По долгомъ нѣкоемъ забытіи, съ отмѣнною легкостью и свободою чувствъ, открываю глаза: вижу свѣтъ, вижу, что я въ какой-то избушкѣ лежу раздѣтый на соломянной постелѣ, между двумя какими-то незнакомыми мнѣ человѣками, которые подлѣ меня крѣпко спятъ. Протираю глаза, не вѣрю самъ себѣ; думаю, Во это мнѣ видится во снѣ. Но между

тѣмъ чувствую въ себѣ новыя силы, новую бодрость, свѣжесть и веселіе. Напослѣдокъ хозяева мои просыпаются, и я узнаю отъ нихъ, что они тѣ самые матросы, которые привезли меня на лодкѣ (ибо я до сего времени въ лице ихъ не видалъ за темнотою). Они, возвращаясь домой изъ того дома, куда меня проводили, нечаянно наткнулись на меня, сидящаго согнувшись на улицѣ, и видя, что я въ безпамятствѣ, подняли меня, отвели, или, лучше сказать, отнесли въ свою хижину, раздѣли, разули и положили между собою въ постель, гдѣ я успокоенный, обсохшій и согрѣтый, сладко уснулъ. Не имѣя чѣмъ возблагодарить сихъ добрыхъ людей, я только обнималъ ихъ и цѣловалъ. Тутъ я обулся, надѣлъ на себя едва просохшій и весь оскорузлый мой тулупъ, и просилъ ихъ отвести меня къ тому господину Салдерну, у котораго мы были прошедшую ночь. Я объяснилъ ему причину, по которой за нѣсколько часовъ предъ симъ не могъ ему на вопросы его отвѣчать; просилъ, чтобъ онъ подалъ кораблю нашему помощь. Онъ сказалъ мнѣ: "Я

здѣсь человѣкъ заѣзжій, случайно остановившійся и не имѣющій никакой власти надъ городомъ; братъ мой родной находится въ вашей службѣ, и потому принимая въ васъ участіе, и услышавъ о бѣдствіи русскаго корабля, нанялъ я лодку и послалъ о томъ провѣдать. Здѣсь начальствуетъ бургомистръ; сходите къ нему и требуйте отъ него помощи; -- но совѣтую вамъ не говорить, что вы въ крайней опасности, для того, что эти люди, въ ожиданіи добычи, обыкновенно при разбитіи судовъ получаемой, не станутъ вамъ охотно помогать." Съ симъ сдѣланнымъ мнѣ наставленіемъ пошелъ я къ бургомистру; но не зналъ самъ хорошенько, какихъ пособій мнѣ отъ него требовать. Отъѣздъ мой съ корабля былъ съ такою поспѣшностью, что капитанъ не успѣлъ ничего мнѣ приказать {Всѣ подобныя сему неслыханныя безпорядки должно

относить къ *старымъ временамъ*; но нынѣ едва я и случится можетъ, чтобъ начальникъ, отправляя куда нибудь своего подчиненнаго, позабылъ сказать ему, зачѣмъ онъ его посылаетъ. *Прим. В. М. Г.*}. Идучи дорогою, размышлялъ я о семъ: первое представлялось мнѣ самонужнѣйшимъ, истребовать лоцмановъ, которые бы взялись проводить (буде можно) корабль въ безопасное мѣсто; второе, у насъ было много больныхъ, а именно болѣе ста человѣкъ, и потому казалось мнѣ нужнымъ, послать на корабль нѣсколько лодокъ, которыя бы всѣхъ ихъ свезли на берегъ. Съ сими мыслями пришелъ я къ бургомистру. Онъ принялъ меня ласково, охотно выслушалъ мою просьбу, и тотчасъ отправилъ на корабль двухъ лоцмановъ и десять или болѣе лодокъ.

"По счастію, вѣтеръ сдѣлался тише, и всѣ больные въ тотъ же день свезены были на берегъ къ тому мѣсту, куда послана была наша шлюпка. Бургомистръ пригласилъ меня у него отобѣдать, чему я былъ очень радъ, потому что крѣпко проголодался, и, не имѣя денегъ, не имѣлъ надежды что нибудь поѣсть. За столомъ онъ много разговаривалъ со мною (разумѣется, по-нѣмецки), и казалось, меня полюбилъ. Послѣ обѣда былъ я въ великомъ затрудненіи, гдѣ ночевать: отыскалъ одну маленькую гостиницу (трактиръ); но хозяинъ не хотѣлъ меня пустить, отговариваясь, что онъ не принимаетъ болѣе никакихъ постояльцевъ; въ самомъ же дѣлѣ (какъ онъ послѣ самъ мнѣ признался) опасаясь имени Русскаго, которое со временъ Петра Великаго не преставало у нихъ быть страшнымъ. Наконецъ однако жъ далъ мнѣ комнату и постель. Я ночевалъ спокойно, и, поутру проснувшись, узналъ, что ночью вѣтеръ скрѣпчалъ такъ, что лодки не могли болѣе ходить по морю, и всякое сообщеніе между берегомъ и кораблемъ пресѣклось. Зная, что на томъ мѣстѣ (ибо въ бытность мою на кораблѣ я оное видѣлъ),

куда свезены больные, нѣтъ никакого строенія, кромѣ одной малой избушки, и воображая, что они должны лежать на открытомъ воздухѣ, пришелъ я объ нихъ въ сожалѣніе. Я захотѣлъ ихъ увидѣть. Какъ ни трудно казалось мнѣ, итти туда и назадъ пѣшкомъ (ибо мѣсто это находилось верстахъ въ осьми отъ города), однакожъ я пошелъ. Дующій съ моря бурный вѣтеръ, сырая погода и непротоптанная по песчанымъ буграмъ дорога, весьма меня утомляли; а печальный видъ стоящаго вдали корабля нашего, и воображеніе, что иду туда, гдѣ шлюпка наша погибла, наводили на меня уныніе. По приходѣ же моемъ представилось мнѣ плачевное зрѣлище: больные, слиткомъ сто человекъ, лежали на берегу, ничѣмъ отъ вѣтра не закрытые, безъ пищи, безъ одежды, безъ всякаго призранія. По свозѣ ихъ съ корабля, вѣтеръ вдругъ сдѣлался крѣпокъ, такъ, что ничего для нихъ свезти не могли, даже и самъ лекаръ не успѣлъ съѣхать. Они, увидя меня, всѣ застонали и стали жаловаться, что умираютъ отъ голода и холода. Жалко было смотрѣть на нихъ; но чѣмъ помочь? По несчастію, съ ними присланъ былъ солдатскій капитанъ, человекъ (какъ уже сказано) безразсудный, жестокосердый, и тѣмъ больше дерзкій, что корабельный капитанъ, но нѣкоторымъ обстоятельствамъ, его опасался и не смѣлъ раздражать. Сей жестокій человекъ, вмѣсто того, чтобъ одного или двухъ изъ находящихся при немъ здоровыхъ людей послать для закупки хлѣба въ городъ, употреблялъ ихъ, и такъ уже измученныхъ и голодныхъ, на такую работу, гдѣ они подвергались не только совершенному изнуренію силъ, но и опасности утонуть, а именно: къ берегу прибило наши сломленные мачты; онъ, подъ видомъ соблюденія *казеннаго интереса*, въ самомъ же дѣлѣ для собственной своей корысти, посылалъ людей сихъ по поясъ въ воду, обрѣзывать отъ мачтъ снасти (веревки).-- Второе

зрѣлище было еще плачевнѣе: неподалеку отъ страдающихъ больныхъ лежали выкинутыя со шлюпки тѣла, изъ коихъ иныя столь обезображены были, что на лицахъ ихъ невидно было ни глазъ, ни носа: такъ волнами разбило ихъ о шлюпку! Между ими лежалъ и пріятель мой, констапель. Проливъ о немъ слезы, я возблагодарилъ еще Бога за Его чудесное спасеніе меня отъ одинакой съ ними участи. Мы вырыли въ песокъ яму и, оплакавъ ихъ, похоронили, Ихъ всѣхъ минутъ черезъ десять выкинуло изъ воды; но, отъ смерти, изъ тринадцати человекъ избавились только два гребца. Одинъ изъ нихъ рассказалъ мнѣ, какъ онъ спасся: "Когда шлюпку опрокинуло (говорилъ онъ), я, умѣя хорошо плавать, хотѣлъ бороться съ волнами; но вдругъ почувствовалъ, что нѣкто тянетъ меня на дно; это былъ сидѣвшій подлѣ меня унтеръ-офицеръ, который такъ крѣпко за меня уцѣпился, что я никакъ оторваться отъ него не могъ, пока онъ самъ потерялъ чувство и меня привелъ въ такое же состояніе. Я, уже не помня, что со мною происходило, очутился на берегу подлѣ камня; волна, выбросившая меня, набѣжала опять, покрыла меня снова, и, стекая съ берега, силилась увлечь съ собою; я схватился за камень, и когда увидѣлъ себя опять на сушѣ, то спѣшилъ скорѣе вползти на берегъ, и хотя волна еще разъ догнала меня, однако была уже такъ слаба, что не могла стащить меня съ мѣста, и я отъ нее ушелъ."

"Выслушавъ повѣствованіе матроса, и видя, что уже день клонится къ вечеру, я спѣшилъ возвратиться въ городъ, обнадеживъ больныхъ, что приложу объ нихъ всевозможное попеченіе. На возвратномъ пути утѣшало меня немного то, что съ корабля присланы ко мнѣ были мундиръ мой, шляпа и нѣсколько денегъ. Я пришелъ уже ночью, потому что отъ усталости часто принужденъ былъ отдыхать на дорогѣ, однако ту жъ минуту пошелъ къ бургомистру, и, рассказавъ ему о несчастномъ

положеніи нашихъ больныхъ, просилъ, чтобъ онъ скорымъ пособіемъ постарался избавить ихъ изъ такого состоянія, въ которомъ, если оно еще продолжится, многіе изъ нихъ лишатся жизни. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что для сего надобно непременно письменное требованіе отъ того, кто надъ ними начальникъ, и что какъ скоро онъ получитъ оное, то немедленно по немъ исполнить; но что безъ сего требованія, которое надлежитъ ему объявить въ магистратѣ, онъ ничего сдѣлать не можетъ. Я отъ него пошелъ къ Салдерну: услыша обо всемъ мною сказанномъ, онъ велѣлъ тотчасъ отвезти на лошади къ больнымъ нашимъ нѣсколько хлѣбовъ, боченокъ пива и нѣкоторое число денегъ, сказавъ, что онъ желалъ бы сдѣлать для нихъ что нибудь болѣе, но никакой другой помощи подать не въ состояніи. Мы съ нимъ простились, потому что онъ чрезъ нѣсколько часовъ собирался уѣхать.

"На другой день, лишь только разсвѣло, я опять пошелъ туда пѣшкомъ. Солдатскій капитанъ принялъ меня сурово, я сказалъ мнѣ съ гнѣвомъ и угрозами: "Знаешь ли ты, что я здѣсь начальникъ? Какъ ты смѣлъ вчера уйти отселѣ безъ спроса? Я не опасался угрозы его, но боялся слѣдствій нашей ссоры; ибо, въ случаѣ какой либо дальнѣйшей отъ него непріятности, я принужденъ былъ бы обратиться къ людямъ съ просьбою защитить меня; а люди такъ были противъ него озлоблены, и столько изъявляли мнѣ благодарности за попеченіе мое объ нихъ, что при малѣйшемъ отъ меня ободреній легко могло бы родиться изъ сего какое либо несчастное происшествіе. Эта опасность преодолѣла во мнѣ движеніе гнѣва, и я отвѣчалъ ему съ кротостью, что я конечно признаю его начальникомъ надъ собою и готовъ ему повиноваться, но что я посланъ въ городъ, и тамъ для исправленія порученнаго мнѣ дѣла быть долженъ; что если онъ задержитъ меня здѣсь, то воспрепятствуетъ мнѣ

исполнить повелѣнное, и тогда, въ случаѣ какихъ либо съ моей стороны упущеній, останется это на его отвѣтъ. Сіи слова нѣсколько смягчили суровость его, и онъ сказалъ мнѣ: "По крайней мѣрѣ ты долженъ спрашиваться у меня, когда отселѣ пойдешь." Я не сталъ ему въ томъ противорѣчить, а только сказалъ: вотъ и сегодня я былъ у бургомистра и требовалъ пособій для нашихъ больныхъ: онъ поручилъ мнѣ сказать вамъ, чтобъ вы прислали къ нему съ подписаніемъ вашего имени требованіе, какія вещи и что именно для нихъ и для васъ надобно, тогда онъ все исполнить и приготовить.-- Онъ отвѣчалъ мнѣ на это: "Я не имѣю *ордера*, и требовать самъ собою ничего не могу." -- "Но подумайте, возразилъ я, люди и такъ уже другую ночь лежатъ безъ пищи, безъ одежды и безъ прикрытія; крѣпкій вѣтеръ, не позволяющій имѣть сообщеніе съ кораблемъ, можетъ продолжиться еще два или три дня, или болѣе; какъ же могутъ больные вынести это? Они всѣ помрутъ." -- "Я не знаю этого (отвѣчалъ онъ), скоро ли стихнетъ вѣтеръ и помрутъ ли они, или нѣтъ; знаю только, что я, безъ письменнаго капитанскаго *ордера*, никакой отъ себя бумаги не дамъ." -- "Вы можете подвергнуть себя великой бѣдѣ и отвѣту" (сказалъ я).-- Тутъ нахмуря брови, отвѣчалъ онъ мнѣ съ сердцемъ: "Ты, молокососъ, еще не родился, а я ужъ былъ въ службѣ; такъ я у тебя учиться не стану." -- Видя, что я ничѣмъ его убѣдить не могу, испросилъ я у него позволеніе итти въ городъ, и пошелъ. Нѣкоторые изъ здоровыхъ матросовъ провожали меня сажень съ пятьдесятъ; они со слезами просили меня ихъ не оставить; я ободрялъ ихъ, сколько могъ, и поручилъ имъ утѣшать и обнадежить больныхъ, чтобъ они не унывали и не отчаивались въ помощи. Между тѣмъ, на вопросъ мой, получили ль они присланные къ нимъ вчера ночью отъ Салдерна хлѣбы, пиво и деньги? отвѣчали они, что къ капитану привезли нѣчто на

лошади, но что они совсѣмъ ничего не видали, и уже двои сутки не имѣли куска хлѣба во рту. Это меня крайне удивило и опечалило: какъ, думалъ я, неужели человѣкъ этотъ до такой степени злонравенъ, что отниметь у нихъ это малое въ крайности пособіе?

"Я спѣшилъ въ городъ, и, не смотря на чрезвычайную усталость, пришелъ прямо къ бургомистру. Первое мое движеніе было броситься къ нему на шею и просить о сохраненіи жизни многимъ несчастнымъ. Онъ удивился и спросилъ меня: какимъ образомъ? Тогда я принужденъ былъ чистосердечно ему открыться и пересказать все, бывшее со мною. "Если вы не согласитесь (примолвилъ я) безъ всякаго сношенія съ приставленнымъ надъ ними начальникомъ подать имъ руку помощи, то половина изъ нихъ, а можетъ быть и всѣ они помрутъ." -- Бургомистръ долго сомнѣвался, отговаривался, колебался, однако наконецъ смягченный неотступною моею просьбой, а особливо увѣреніями, что такое его благодѣяніе сдѣлаетъ имя его извѣстнымъ въ Россіи, далъ мнѣ слово, и спросилъ, какую помощь имъ подать? Я отвѣчалъ: 1) отвести домъ, который бы не тѣсенъ, чистъ и тепелъ былъ; 2) купить хлѣба, зелени, свѣжаго мяса, и приказать изготовить для нихъ пищу; 3) приставить одного или двухъ врачей, которые бы за ними ходили и лекарство имъ прописывали; 4) напослѣдокъ, послать столько подводъ, чтобъ всѣхъ больныхъ однимъ разомъ забрать и привезти.-- Все это исполнено было въ точности. Бургомистръ пошелъ самъ со мною; домъ отвели, вычистили, протопили, постлали соломянныя постели, и стали стряпать кушанья. Привели двадцать подводъ, пришли два лекаря, и я вмѣстѣ съ ними отправился туда на телѣгѣ. Солдатскій капитанъ, услыша обо всемъ сдѣланномъ мною, перемѣнилъ суровый видъ свой на ласковый, и, ни мало не прекословя, велѣлъ больныхъ класть и сажать на

подводы. Всѣ они, какъ хворые, такъ и здоровые, чрезвычайно были обрадованы. Мы пріѣхали въ городъ, когда уже смерклось: освѣщенный домъ, теплые покои, свѣжая пища, послѣ толь долгаго мрака, холода, изнуренія и отчаянія, всѣхъ ихъ такъ оживили, что у самыхъ слабыхъ и почти безъ движенія лежавшихъ написана была на лицѣ радость. Я такъ утомился, что какъ скоро пришелъ домой, то кинулся въ постель и тужь минуту заснулъ крѣпкимъ сномъ.

"На другой день вѣтеръ сталъ тише. Я нанялъ лодку и поѣхалъ на корабль, чтобъ донести капитану о всемъ происходившемъ, и нашелъ тамъ всѣхъ въ радости: корабль перетянулся; лоцманы вывели его далѣе въ море, на глубину пятнадцати сажень. Онъ былъ внѣ опасности въ разсужденіи мелей; но оставалось еще великое сомнѣніе въ его спасеніи: гавань въ Истадѣ была такъ мелка, что онъ не могъ въ нее войти, а къ походу былъ безнадѣженъ; однако жъ нечего было дѣлать, надлежало помышлять о походѣ; положили итти въ ближайшій шведскій городъ Карлсгамнъ, имѣющій хорошую гавань и отстоящій отъ Истада версть шестьдесятъ или семьдесятъ; но какъ корабль чрезвычайно текъ и опасно было, чтобъ на морѣ при умноженіи течи онъ не утонулъ, то разсудили нанять находившіяся на тотъ разъ въ Истадской Гавани два купеческія судна, съ тѣмъ, чтобъ оныя провожали корабль, и если случится, что онъ будетъ тонуть, то старались *бы* спасти съ него людей. Въ семъ намѣреніи капитанъ послалъ меня опять на берегъ, съ приказаніемъ привезти ему отвѣтъ, пожелаютъ ли корабельщики (шкипера) тѣхъ двухъ судовъ наняться, и чего будутъ просить. Я съѣздилъ на берегъ, переговорилъ съ ними, и, возвратясь, донесъ, что они соглашаются, но меньше трехъ тысячъ рублей не берутъ. Капитанъ послалъ меня опять и велѣлъ давать двѣ тысячи. Корабельщики отвѣчали мнѣ, что они

получили письма, по которымъ нужно имъ итти въ свой путь; и что потому не могутъ они теперь и той цѣны взять, какую просили, а если хотятъ нанять ихъ, то заплатили бы четыре тысячи рублей, и то съ тѣмъ, чтобъ чрезъ сутки дать имъ рѣшительный отвѣтъ. Съ симъ извѣстіемъ поѣхалъ я опять на корабль. Надобность принудила капитана дать просимую ими цѣну, но какъ на кораблѣ столько наличныхъ денегъ не было, то надлежало занять ихъ и съ корабельщиками сдѣлать письменный договоръ. Капитанъ велѣлъ мнѣ отправиться на берегъ, и все это, какъ можно скорѣе привести къ окончанію. Я пріѣхалъ къ пріятелю моему бургомистру (ибо онъ меня очень полюбилъ, и я у него всякій день обѣдалъ). Заемъ денегъ требовалъ нѣкотораго времени, потому что одинъ бургомистръ безъ собранія магистрата сдѣлать сего не могъ. Написать договоръ я не умѣлъ, не только на нѣмецкомъ, ниже на русскомъ языкѣ, и такъ это весьма меня затрудняло. Бургомистръ вступился въ мои хлопоты, сочинилъ договоръ, который я перевелъ потомъ на русскій языкъ. Въ немъ сказано было, что половинное число денегъ (т. е. двѣ тысячи руб.) вручить корабельщикамъ на мѣсть, а другую половину *заявя о томъ бургомистру*, заплатить по прибытіи въ Карлсгамнъ; они же съ своей стороны обязываются тотчасъ, какъ скоро на кораблѣ сдѣланъ будетъ условный знакъ, забрать на суда свои нашихъ больныхъ, прійти къ кораблю, и во время путешествія его итти съ нимъ вмѣстѣ до Карлсгамна, не отлучаясь отъ него и держась всегда ближе, чтобы въ случаѣ несчастія можно было съ корабля свезти на нихъ людей, о спасеніи которыхъ должны они прилагать всевозможное стараніе. Корабельщики согласны были на эти условія, и такъ осталось только имъ и капитану подписать ихъ. Я поѣхалъ съ ними на корабль: капитанъ и они подписали договоръ, написанный на

нѣмецкомъ языкѣ съ русскимъ переводомъ. Капитанъ послалъ меня еще разъ на берѣгъ, съ тѣмъ, чтобъ занять въ магистратѣ половинное число денегъ (двѣ тысячи рублей) и отдать имъ при бургомистрѣ, заявивъ ему, что остальные двѣ тысячи заплачены будутъ по прибытіи въ Карлсгамнъ. Все это сдѣлано было, и я простясь съ бургомистромъ и благодаря его за всѣ ко мнѣ ласки, поѣхалъ на корабль, не имѣя ни какой болѣе надобности возвращаться на берегъ.

"Корабль между тѣмъ приготавливался къ походу. На обломки мачтъ поставлены были запасныя стеньги (тонкія мачты) съ поднятыми на нихъ реями и парусами; вмѣсто руля придѣланъ былъ искусственный, какимъ по нуждѣ замѣняютъ иногда настоящій. Оставалось докончить еще нѣкоторыя работы и ожидать благополучнаго вѣтра. Всего больше утѣшало насъ позднее время (ибо тогда былъ уже Ноябрь). Первый мой съѣздъ съ корабля, трудная ходьба пѣшкомъ нерѣдко ночью и въ сырую погоду по песчаному берегу, частые и далекіе въ глубокую осень по открытому морю переѣзды съ корабля на берегъ, и безпрестанныя заботы и хлопоты, оказали на послѣдокъ дѣйствія свои: я занемогъ, и въ послѣднее возвращеніе мое на корабль чувствовалъ уже такой жаръ, что по пріѣздѣ принужденъ былъ тотчасъ лечь въ постель. На другой день стало мнѣ еще хуже. Корабль былъ уже совсѣмъ готовъ; вдругъ слышу я превеликую радость, кричатъ: "Вѣтеръ перемѣнился! вѣтеръ сдѣлался благополучный." Подняли тотчасъ знакъ, чтобъ нанятыя суда шли къ кораблю. Ожидаютъ ихъ съ нетерпѣніемъ (ибо вся надежда спасенія состояла въ попутномъ вѣтрѣ, и потому крайне опасались, чтобъ его не упустить). Проходитъ часъ, и другой, и третій -- суда нейдутъ. Палятъ изъ пушекъ; даютъ имъ знать, чтобъ онѣ шли немедленно. Нѣтъ! не появляются. Наступаетъ вечеръ; не знаемъ что думать. Радость" наша

превращается въ непонятное и грустное удивленіѣ. Ночь проходитъ въ безпокойствѣ. Поутру, съ разсвѣтомъ дня, поднимають опять знакъ и возобновляютъ пальбу изъ пушекъ; нѣтъ! суда нейдутъ. Капитанъ велѣлъ спустить шлюпку и сказать мнѣ, чтобъ я ѣхалъ на берегъ, узнать о причинѣ сей медленности судовъ. Я отвѣчаю ему, что я не въ состояніи, лежу въ постелѣ, и не могу встать на ноги. Онъ велѣлъ мнѣ повторить, что необходимость требуетъ того, и прислалъ людей поднять меня съ постели и отнести на рукахъ. Люди подняли меня, принесли къ борту, подвязали веревками и опустили на шлюпку. По прибытіи въ городъ, два человѣка отнесли меня къ бургомистру; онъ удивился моему пріѣзду и весьма обо мнѣ сожалѣлъ; посадили меня въ кресла, обклали подушками, и я пересказалъ ему, зачѣмъ присланъ. Онъ велѣлъ позвать къ себѣ корабельщиковъ, и по объясненіи вышло слѣдующее недоразумѣніе: въ договорѣ, въ условіи о деньгахъ поставлено было слово *deponiren*, которое, я не разумѣя хорошенько, перевелъ: *заявить бургомистру*, а надлежало перевести *положить за руку*. Я понималъ такъ, что остальные двѣ тысячи рублей заплатить имъ въ Карлсгамнѣ, заявя только, или сказавъ о томъ бургомистру, что оныя еще не заплачены; а корабельщики понимали и требовали, чтобъ эти двѣ тысячи оставить въ залогъ у бургомистра, и какъ оныя не были оставлены, то суда и не шли, ожидая напередъ выполненія договора. Это обстоятельство чрезвычайно меня растревожило. Поправить оное требовалось, по крайней мѣрѣ, еще двои сутки, ибо надлежало привезть отъ капитана прошеніе о займѣ сихъ двухъ тысячъ; должно было обратиться магистрату и сдѣлать свое опредѣленіе, между тѣмъ какъ корабль всякій часъ благополучнаго вѣтра упускалъ со страхомъ, и состояніе мое было такое, что мнѣ отъ часу становилось хуже. Я просилъ

бургомистра уговорить корабельщиковъ, что это равно, здѣсь ли оставить за руками деньги, или тамъ заплатить; что ошибка въ переводѣ вышла отъ моего недоразумѣнія слова *deponiren*, но что сія ошибка не дѣлаетъ для нихъ ни какой разности; напротивъ, они еще скорѣе получаютъ свои деньги. Бургомистръ всячески ихъ уговаривалъ; но они, сидя съ важностью и куря табакъ, не хотѣли согласиться. Споръ нашъ долго продолжался и приводилъ меня въ крайнее безпокойство. Напослѣдокъ, но истощеніи всѣхъ моихъ просьбъ и убѣжденій, вышедъ изъ терпѣнія, сказалъ я бургомистру: это стыдно для Шведовъ, не вѣрять русскому военному кораблю въ двухъ тысячахъ рубляхъ! Если господа корабельщики сомнѣваются въ полученіи оныхъ, то я отдаю имъ себя въ залогъ; я остаюсь здѣсь, покуда они получаютъ свои деньги; и если бъ капитанъ не заплатилъ имъ, и правительство наше не удовлетворило ихъ (чему ни какъ статься не возможно), то отецъ мой, русскій дворянинъ и достаточный человѣкъ, меня выкупить.-- Эти слова, произнесенныя мною съ жаромъ и досадою, поколебали суровую холодность корабельщиковъ. Они взглянули другъ на друга, встали, походили по горницѣ, пробормотали нѣчто между собою, и потомъ подошли сказать, что они соглашаются. Между тѣмъ насталь вечеръ; я взялъ съ нихъ слово, что они при первомъ разсвѣтаніи дня заберутъ больныхъ и, ни мало не мѣшкая, выйдутъ изъ гавани. Окончи такимъ образомъ мое посольство, велѣлъ я отнести себя на шлюпку, въ намѣреніи, не взирая на темноту ночи, ѣхать на корабль (ибо огонь на немъ былъ видѣнъ), но вѣтеръ такъ скрѣпчалъ, что бывшіе въ гавани лодочники не совѣтовали мнѣ пускаться. И такъ я принужденъ былъ ночевать у нихъ въ будкѣ. Какъ скоро стало разсвѣтать, тотчасъ поѣхалъ, и лишь только успѣли меня поднять на корабль, какъ и суда въ слѣдъ за мною вышли изъ

гавани. Корабль, по приближеніи ихъ, снялся съ якоря и отправился въ путь.

"Плаваніе наше продолжалось нѣсколько дней, потому что попутный вѣтеръ не долго намъ служилъ и не скоро сдѣлался опять благополученъ. Въ это время болѣзнь моя до того усилилась, что я въ выздоровленіи моемъ былъ отчаянъ. Воображеніе, что мы не успѣемъ дойти до берега, и что меня зашьютъ въ дерюгу и бросятъ съ камнемъ въ воду (обыкновенное на морѣ погребеніе мертвыхъ) меня ужасало. Горячка моя была такого рода, что спирающаяся въ груди мокрота меня задушала, и чѣмъ легче было днемъ, тѣмъ тяжелѣе становилось къ вечеру, такъ что всякую ночь провождалъ я въ безпамятствѣ, въ мечтаніяхъ и бреду. Но несчастію, за два года предъ симъ былъ я болѣнъ въ кадетской больницѣ, и подлѣ моей кровати лежалъ товарищъ мой, кадетъ, точно въ такой горячкѣ, какую въ это время примѣчалъ я въ себѣ. Онъ на моихъ глазахъ умеръ, и подлекарь, бывшій тогда при насъ, почти при самомъ началѣ его болѣзни предвѣстилъ мнѣ смерть его, сказывая, что онъ боленъ такою горячкою, отъ которой рѣдко выздоравливаютъ. Эта мысль, какъ скоро я приходилъ въ память, не преставала мнѣ мечтаться и приводитъ меня въ уныніе. Въ одно утро, послѣ весьма тяжелой ночи, стало мнѣ отмѣнно легко, и это привело меня въ крайнюю робость: я почти несомнѣнно увѣрился, что будущую ночь не переживу, и что если къ вечеру, покуда я въ памяти, не придумаю ничего къ моему спасенію, то уже до утра не доживу. Въ сей тоскѣ, не употребляя сначала самаго ни какихъ лекарствъ (ибо не надѣялся на искусство лекаря), вдругъ пришло мнѣ въ голову позвать его къ себѣ и попросить, чтобъ онъ мнѣ бросилъ кровь. За мною ходилъ старикъ матросъ. Онъ позвалъ его; но лекарь, посмотрѣвъ на меня, отвѣчалъ, что крови пускать нѣтъ надобности, да притомъ и невозможно, по причинѣ качки

корабля. Сказавъ это, ушелъ, и оставилъ меня въ прежней грусти. Старикъ матросъ, поправляя у меня изголовье, и тужа обо мнѣ, шепнулъ мнѣ съ усердіемъ на ухо: "Батюшко! позволь мнѣ положить нѣчто къ тебѣ подъ головы; авось тебѣ будетъ легче." Я спросилъ: что такое? Онъ промолчалъ и сунулъ мнѣ подъ подушку какую-то маленькую рукописную тетрадку. Удары въ колоколь, для возвѣщенія полудня, напомнили мнѣ о приближеніи тѣхъ часовъ, въ которые обыкновенно становилось мнѣ тяжелѣе, и я начиналъ забываться и терять память. Это напоминаніе какъ бы твердило мнѣ: вотъ уже не больше двухъ часовъ остается тебѣ размышлять, и если ты теперь ничего не придумаешь, то жизнь твоя кончится. Вдругъ посреди сего мучительнаго страха и недоумѣнія представляется мнѣ странная мысль: я чувствовалъ превеликое отвращеніе отъ чаю, а особливо, когда уже онъ нѣсколько остынетъ; самое это отвращеніе раждаетъ во мнѣ желаніе попросить того, что столько мнѣ противно. Я говорю старику матросу моему: принеси мнѣ стаканъ теплой воды. Онъ пошелъ; я ожидалъ его съ нѣкимъ необычайнымъ нетерпѣніемъ и страхомъ. Когда онъ возвратясь, подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что принесъ воду, тогда я содрогнулся отъ ужаса, и насилу слабымъ и дрожащимъ голосомъ могъ промолвить: приподними меня и поднеси мнѣ стаканъ ко рту. Онъ сдѣлалъ это, и лишь только парной запахъ воды коснулся моему обонянію, какъ вдругъ вся внутренность моя поворотилась, и я не зналъ болѣе, что со мною дѣлается. Я не прежде очуствовался, какъ чрезъ нѣсколько часовъ. Слабость моя была такъ велика, что я ни однимъ членомъ моимъ пошевелинуться не могъ. Однако жъ нѣкое внутреннее спокойствіе и тишина увѣряли меня въ великой происшедшей со мною переменѣ. Старикъ мой рассказалъ мнѣ, что ни какое сильное рвотное не могло бы произвести того дѣйствія,

какое произвело во мнѣ одно простое поднесеніе ко рту стакана теплой воды. Силы мои стали отчасу прибавляться; я ночью уснулъ, и поутру могъ уже самъ ворочаться, а потомъ и вставать.

"Тутъ скоро пришли мы въ Карлсгамнъ. Намъ отвели домъ, въ которомъ внизу жилъ самъ хозяинъ, купецъ Мальмъ, вверху, въ одной половинѣ, кадетскій капитанъ съ лейтенантомъ М..... а въ другой всѣ мы, гардемарины, въ двухъ смежныхъ комнатахъ. Когда я съѣхалъ съ корабля и, пришедъ въ теплый покой, сѣлъ подлѣ печки, которая топилась, то мнѣ казалось, что нѣтъ никого благополучнѣе меня на свѣтѣ: такъ теплота, здравіе и покой драгоцѣнны тому, кто давно ими не наслаждался!

"Черезъ нѣсколько дней я совсѣмъ оправился, и могъ ходить со двора. Кадетскій капитанъ нашъ познакомился съ комендантомъ и съ нѣкоторыми зажиточными купцами; но какъ онъ не могъ съ ними разговаривать, то всегда, приглашаемый къ обѣденнымъ столамъ, бралъ меня съ собою для перевода, и чрезъ то я еще болѣе сдѣлался съ ними знакомъ, нежели онъ самъ. Домъ нашъ былъ рядомъ съ домомъ довольно зажиточной купеческой вдовы, по имени Берлингери, женщины пожилой и почтенной, весьма счастливой семействомъ, потому что имѣла трехъ отменно добрыхъ сыновей и двухъ прекрасныхъ дочерей, изъ которыхъ старшая, Христина, была осмнадцати, а младшая, Ульрика, шестнадцати лѣтъ. Передъ домомъ ихъ выстроена была свѣтлая съ сплошными опускающимися окнами и крылечкомъ комната, въ которую онѣ часто выходили. Комната сія была противъ того самага окна³ передъ которымъ я обыкновенно сидѣлъ {Хотя здѣсь начинается повѣствованіе, весьма уже далеко уклоняющееся отъ моего предмета: отъ наставленія примѣрами, какъ поступать при кораблекрушеніяхъ и въ бѣдственныхъ

случаяхъ жизни мореплавателей; но такъ какъ многія изъ происшествій, въ ономъ описанныхъ, довольно любопытны, и притомъ живо и разительно показываетъ выгоды и преимущества коими пользуются въ чужихъ земляхъ офицеры, знающіе иностранные языки, противу незнающихъ, то я не могъ не помѣстить сего Повѣствованія въ надеждѣ, что оно послужитъ къ убѣжденію молодыхъ нашихъ офицеровъ, заниматься изученіемъ языковъ, безъ коихъ путешественникъ и глухъ и почти слѣпъ. *Прим. В. М. Г.*}, когда что нибудь читалъ или писалъ. Это положеніе нашихъ домовъ дѣлало, что мы всякій день по нѣскольку разъ видались, и наконецъ стали другъ другу сперва чинно, а потомъ и ласково кланяться, такъ что, не бывъ никогда вмѣстѣ, сдѣлались довольно знакомы, и знали имена другъ друга. Однажды послалъ я въ бывшую при домѣ ихъ лавочку за табакомъ: посланный, возвратясь ко мнѣ, сказалъ, что старшая дочь спрашивала у него знаками, чья это табакерка? и когда онъ указалъ ей на мое окно и назвалъ меня по имени, она спрятала табакерку и ему не отдала. Принявъ это за знакъ, что онѣ желаютъ меня видѣть въ своемъ домѣ, пошелъ я къ нимъ; онѣ меня приняли очень ласково. Христина, смѣючись, отдала мнѣ табакерку; но, къ великому огорченію моему, не могъ я изъ разговоровъ ихъ ни слова понимать; никто изъ нихъ кромѣ природнаго языка своего не зналъ. Онѣ смотрѣли на меня съ любопытствомъ, старались вопросы свои объяснить знаками, но мало въ томъ успѣвали. Подали кофе (это было скоро послѣ обѣда), мы сѣли за столикъ; весь разговоръ нашъ состоялъ въ томъ, что онѣ учили меня называть разныя предлежавшія глазамъ нашимъ вещи, какъ-то: кофейникъ, чашку, столъ, голову, руки, носъ, волосы, и проч. Иногда, по нѣкоторому сходству съ нѣмецкимъ языкомъ, угадывалъ я ихъ, и тогда, обрадовавшись, дѣлали онѣ мнѣ тысячу вопросовъ,

думая, что я всякій разъ угадаю; а иногда, толкуя долго и не могши понять, начинали мы смѣяться, такъ что время проходило не скучно; и хотя не могъ я никакого привѣтствія имъ сдѣлать, однако жъ онѣ, по веселости лица моего, могли примѣтить, что мнѣ у нихъ быть пріятно. При прощаніи стали онѣ опять нѣчто мнѣ говорить, и я насилу растолковать могъ, что онѣ на завтрашній день приглашаютъ меня къ себѣ обѣдать. Какъ скоро я пришелъ домой, то первое мое стараніе было достать словарь и разговоры на нѣмецкомъ и шведскомъ языкѣ. Я въ тотъ же самый вечеръ затвердилъ изъ нихъ нѣсколько словъ и рѣченій. Хозяинъ нашъ, Мальмъ, съ которымъ я подружился, прослушивалъ меня и поправлялъ мое произношеніе. Назавтра пошелъ я къ нимъ обѣдать, и тотчасъ проговорилъ имъ, какъ попугай, все то, что зналъ; матери сказалъ: *все ли вы въ добромъ здоровьѣ;* сыновьямъ: *я желаю вамъ всякаго благополучія;* дочерямъ: *мнѣ очень пріятно васъ видѣть.* Онѣ отмѣнно были тѣмъ довольны, и всѣ приступили со мною разговаривать, точно какъ бы ужъ я совершенно выучился; но какъ далѣе знаніе мое не простиралось, то довольствовались только частыми повтореніями тѣхъ *словъ*, которыя отъ меня слышали. Христина сказанное мною ей рѣченіе хотѣла знать по-русски, затвердила его, и мы другъ другу говорили: я ей по-шведски, а она мнѣ по-Русски: *мнѣ очень пріятно васъ видѣть.* Я просидѣлъ у нихъ до самаго вечера и долженъ былъ остаться ужинать. На другой день я шелъ мимо ихъ, онѣ опять меня зазвали; на третій день тоже; и напоследокъ я почти не выходилъ отъ нихъ изъ дому: тутъ обѣдалъ и ужиналъ. Мѣсто мое за столомъ всегда было подлѣ Христины: мы скоро сдѣлались съ нею въ такой дружбѣ, какая могла назваться первою склонностью одного пола къ другому, и потому только не была любовь, что не искала уединенія и не старалась

прятаться подъ покровомъ таинства; но тѣмъ не меньше имѣла въ себѣ пріятности и счастія. Мать очень меня полюбила; средній братъ, Никласъ, былъ ко мнѣ до чрезвычайности привязанъ; другіе два брата и сестра всегда съ удовольствіемъ меня видѣли. Первые дни провождали мы, такъ сказать, въ угадываніи другъ друга, потому что, безпрестанно разговаривая, не могли скоро понимать, ни я ихъ, ни онѣ меня. Часто раждались изъ того смѣхъ и шутки. Однако же день отъ двя начиналъ я разумѣть болѣе, и къ концу двухъ недѣль могъ объясняться порядочно, а чрезъ мѣсяць не только свободно разговаривалъ, но и книги сталъ читать. Однажды выписалъ я стишки, которые нашель приличными къ объявленію моихъ чувствованій, и прочиталъ ихъ Христинѣ. Она улыбнулась и сказала мнѣ: "какой ты понятливый!а Я же отвѣчалъ ей: "какая ты мастерица дѣлать людей попятными." -- Старуха мать часто спрашивала меня о Вѣрѣ нашей, о церковныхъ обрядахъ, о заповѣдяхъ, и очень радовалась, находя насъ послѣдующими тѣмъ же христіанскимъ правиламъ и добродѣтелямъ, какъ и они. Ей пріятно было видѣть во мнѣ почтеніе къ закону, тѣмъ больше, что она сего не ожидала. Я примѣтилъ, что въ Шведахъ издавна вкорененъ былъ страхъ отъ Русскихъ; они боялись насъ, и эта боязнь внушала имъ странныя объ насъ мнѣнія. Христина рассказывала мнѣ, что когда мы пришли въ Карлсгамнъ, то въ первые дни женщины не смѣли ввечеру ходить по улицамъ, я часто одну другую пугали именемъ Русскаго. "Мы очень боялись (продолжала она), услышавъ, что вы будете жить подлѣ васъ. Но въ тотъ самый день, какъ вы, съѣхавъ съ корабля, шли мимо нашего крыльца, и мы всѣ выбѣжали смотрѣть на васъ, страхъ этотъ уменьшился: ты первый разсѣялъ его своимъ веселымъ и ласковымъ взглядомъ. Я тогда еще тебя замѣтила: ты мнѣ показался боленъ, однако имѣлъ веселое лицо, и взглянувъ на меня,

улыбнулся. Не воображая васъ иначе, какъ угрюмыми, мрачными и суровыми, я сказала сестрѣ: посмотри, вонъ одинъ Русскій смѣется! Потомъ, видая тебя часто въ окнѣ, всегда учтиво и ласково кланяющагося, захотѣлось намъ увидѣть тебя въ нашемъ домѣ; но не зная, какъ это сдѣлать, употребила я то средство, по которому ты къ намъ пришелъ. Теперь въ городѣ объ васъ не слышно, кромѣ похвалы и всякій желаетъ быть съ вами знакомъ." -- Дѣйствительно, мы видѣли отъ всѣхъ жителей отличную къ намъ привязанность и превеликое уваженіе. Часто дѣлали для насъ обѣды, вечеринки; иногда бывали катанья на саняхъ за городъ. Я всегда ѣзжалъ съ Христиною и Ульрикою, а кучеромъ у насъ былъ Никласъ. Корабельный капитанъ велъ уединенную жизнь; напротивъ того кадетскій жилъ довольно хорошо, и не рѣдко зывалъ къ себѣ гостей. Онъ любилъ общество, охотно игралъ въ карты, и былъ бы въ обращеніи пріятель, если бъ, отъ излишняго желанія кстати и не кстати величаться, не впадалъ иногда въ странности. Однажды позвалъ онъ къ себѣ ужинать нѣкоторыхъ стариковъ, часто угощавшихъ васъ обѣдами; въ этотъ вечеръ въ одномъ домѣ былъ маленькій балъ, на которомъ одинъ молодой купецъ, искавшій, какъ мнѣ казалось, руки Христины, и пріятель мой Никласъ пришли меня звать; я пошелъ просить позволенія у кадетскаго капитана, но онъ сталъ меня уговаривать, чтобъ я остался у него. Мнѣ очень этого не хотѣлось, да какъ и хотѣть -- въ мои лѣта промѣнять балъ, гдѣ Христина и столько хорошихъ дѣвушекъ, на скучную должность быть переводчикомъ у стариковъ? Я сталъ усиленно просить капитана. Онъ сказалъ мнѣ: я знаю, что лишаю тебя большаго удовольствія, и для того не хочу приневолить; но прошу изъ дружбы, сдѣлай мнѣ величайшее одолженіе, останься у меня сегодня. Просьба эта была не иное что, какъ учтливое приказаніе. И такъ я принужденъ былъ возвратиться къ

моимъ пріятелямъ и печально объявить имъ, что меня не пускаютъ. Ихъ это очень огорчило. Никласъ сказалъ мнѣ: сестра велѣла тебя звать непременно, и оба они хотѣли сами увидѣть кадетскаго капитана, чтобъ исходатайствовать мнѣ позволеніе; они пришли къ нему и просили его самыми убѣдительнѣйшими выраженіями; но онъ отвѣчалъ имъ такъ же, какъ и мнѣ, что воли съ меня не снимаетъ, а просить дружески, чтобъ я пожертвовалъ ему этимъ вечеромъ. "Я бы самъ пошелъ къ вамъ, примолвилъ онъ, обратясь къ молодому Шведу (ибо онъ въ этомъ балѣ былъ главнымъ участникомъ), если бъ у меня не болѣли ноги." Шведъ отвѣчалъ съ великою учтивостью, что они приняли бы за особенное счастье, когда бы господинъ капитанъ удостоилъ ихъ своимъ посѣщеніемъ, и если препятствіе состоитъ только въ трудности итти пѣшкомъ, то онъ сей же часъ пришлетъ за нимъ карету. Я пересказываю слова его капитану, думая тѣмъ подвигнуть его, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ отпустилъ меня; но пусть посудятъ о моемъ удивленіи, когда я услышалъ отвѣтъ его: скажи ему, что онъ невѣжа, и не знаетъ, какъ съ кѣмъ говорить должно." Я остановился, остолбенѣлъ! Капитанъ приступаетъ ко мнѣ, чтобъ я пересказалъ ему это. Я не смѣю ни послушаться, ни повиноваться; потупя глаза, молчу. Шведъ между тѣмъ, примѣчая въ лицѣ и въ голосѣ его нѣчто гнѣвное, спрашиваетъ меня: что такое? Я продолжаю молчать. Наконецъ они сами начинаютъ другъ съ другомъ объясняться, каждый на своемъ языкѣ; капитанъ говоритъ Шведу по-русски: "Какъ ты смѣлъ мнѣ, русскому капитану, предлагать карету, словно какъ бы я самъ безъ тебя нанять ее не могу?" Шведъ отвѣчаетъ по-шведски: ежели я въ чемъ провинился, прошу меня простить. Оба другъ друга не разумѣютъ; оба толкуютъ: одинъ обиду будто бы неуважительнаго ему предложенія, а другой свою невинность. Капитанъ не перестаетъ ворчать и

сердиться; купецъ, не зная чѣмъ его умилоствити, дѣлаетъ разныя покорныя ужимки, поетъ и пляшетъ передъ нимъ. Напослѣдокъ смѣшная ссора оканчивается тѣмъ, что Шведы отступаютъ отъ просьбы своей обо мнѣ, откланиваются и уходятъ, не понимая причины капитанскаго на нихъ гнѣва.

" Я остаюсь съ нимъ одинъ; приходятъ гости, садятся играть въ ломберъ; потомъ ужинаютъ; послѣ ужина одинъ изъ богатѣйшихъ въ городѣ купцовъ, человекъ уже довольно старый, но проигравшійся въ ломберъ и подгулявшій немного за ужиномъ, хочетъ отыгратъся и проситъ, чтобъ ему сдѣлали банкъ.-- Кадетскій капитанъ вмѣстѣ съ лейтенантомъ М..... весьма бойкимъ игрокомъ, дѣлаютъ ему банкъ. Онъ ставитъ противъ нихъ карты и проигрываетъ довольно значительную сумму (талеровъ до шести сотъ). Изъ числа гостей оставался еще одинъ, толстобрюхій и также богатый купецъ, который, по-видимому, былъ недоброхотъ играющему; ибо, казалось, подстрекалъ его, чтобъ онъ больше горячился и проигрывалъ. Но хозяинъ нашъ Мальмъ былъ совсѣмъ противнаго расположенія: онъ былъ друженъ съ играющимъ купцомъ и почиталъ его своимъ благодѣтелемъ. Опасаясь, чтобъ сей не проигралъ много, онъ хотѣлъ его отвести отъ игры, и для того прибѣгнулъ къ нѣкоторой хитрости, а именно: прибѣжалъ съ торопливостью и сказалъ ему, что у него въ домѣ случилось нѣкоторое обстоятельство, которое требуетъ того, чтобъ онъ скорѣе возвратился домой. Купецъ сперва было повѣрилъ ему и хотѣлъ итти; но какъ недоброхотъ его сталъ надъ нимъ смѣяться, что онъ вѣритъ обману, какой Мальмъ выдумалъ, чтобъ отвести его отъ игры, какъ будто слабаго и невоздержнаго юношу, то онъ остался еще и продолжалъ играть. Эта насмѣшка такъ раздражила Мальма, что онъ бывшую во рту у него глиняную трубку, изъ которой курилъ табакъ,

изломалъ въ куски, и съ великою яростью ушелъ къ себѣ нанйзъ. На послѣдокъ игра кончилась. Купецъ, проигравъ еще столько же, пересталъ и ушелъ. Другой толстобрюхій купецъ, недоброхотъ его, остался одинъ. Время было уже гораздо за полночь. Мы ожидаемъ, что онъ поднимется и пойдетъ, однако жъ нѣтъ: онъ сидитъ и только поглядываетъ часто въ окно. Наконецъ, по нѣкоторыхъ смутныхъ разговорахъ, сказалъ онъ намъ; "Не смѣю итти, меня прибьютъ" -- Кто? какимъ образомъ?-- "Хозяинъ вашъ (говоритъ онъ) на меня очень золь; я вижу людей, скопляющихся у крыльца." -- "Какъ это можно?" (сказали мы), и я побѣжалъ тотчасъ провѣдать. Въ самомъ дѣлѣ, нашель я, что хозяинъ нашъ, сухощавый, длинный, подпоясанный, въ шапкѣ, не спитъ, Ходитъ въ запальчивости по горницѣ, и человѣкъ двадцать стоятъ у крыльца. Я возвратился наверхъ, и обо всемъ, Видѣнномъ мною, увѣдомилъ капитана. Лейтенантъ М.... надѣлъ на себя шпагу, взялъ купца за руку, и сказалъ: "Пойдемъ со мною; я посмотрю, кто при мнѣ осмѣлится тебя тронуть!" Однако жъ купецъ не хотѣлъ итти и просилъ, чтобъ позволено ему было остаться у насъ до утра. М..". сошелъ со мною внизъ и велѣлъ мнѣ спросить у хозяина, для чего онъ такъ одѣтъ и зачѣмъ люди стоятъ на улицѣ? Хозяинъ, снявъ шапку, учтиво отвѣчалъ, что онъ къ живущимъ у него русскимъ офицерамъ сохраняетъ всякое почтеніе, и въ ихъ комнатахъ ничего дѣлать не посмѣетъ, но что въ своемъ домѣ и у себя въ горницѣ, не нарушая къ нимъ уваженія, властенъ дѣлать что хочетъ. Лейтенантъ, разсердился и велѣлъ мнѣ сказать ему, что онъ знаетъ его намѣреніе, и обрубить ему носъ и уши, ежели онъ осмѣлится исполнить оное. Зная пылкій нравъ хозяина, я не хотѣлъ ему пересказать сего, опасаясь, чтобъ не вышло изъ того какихъ худыхъ слѣдствій, и сказалъ ему нѣчто иное, не столь колкое; но лейтенантъ примѣтивъ, что я

не то перевозжу, началъ самъ ругать его самыми бранными нѣмецкими словами, какія только зналъ. Хозяинъ мой весь почернѣлъ, губы у него затряслись, и я ожидалъ отъ него страшнаго грома; но, вмѣсто сего, онъ снялъ шапку, поклонился низко, и, не сказавъ ни слова, ушелъ въ другую горницу; я заглянулъ т)тда, и вижу, что онъ съ великою яростью распоясывается, срываетъ съ себя одежду и кидается въ постель. М.... вышелъ на крыльцо, обнажилъ шпагу и закричалъ грознымъ голосомъ на стоящую толпу людей, которые тотчасъ всѣ разбѣжались. Онъ взошелъ потомъ на верхъ, взялъ купца, и проводивъ его самъ до самыхъ воротъ его дома, возвратился. Такимъ образомъ вмѣсто веселаго и пріятнаго бесѣдованія съ молодыми дѣвицами, провелъ я шумный вечеръ съ сварливыми стариками весьма непріятно. Поутру пошелъ я провѣдать хозяина, и нашелъ его въ жалкомъ положеніи: онъ весь дрожалъ еще отъ кипѣвшаго въ немъ гнѣва и огорченія: "Никогда во весь мой вѣкъ (говорилъ онъ) не слыхалъ я ни отъ кого столь оскорбительныхъ словъ, не думалъ никогда услышать, и еще меньше -- перенести ихъ. Я не знаю, что мнѣ дѣлать. При всемъ моемъ уваженіи къ господину лейтенанту, не достаетъ во мнѣ терпѣнія. Я долженъ убѣжать изъ дому, чтобъ съ нимъ не встрѣчаться." -- Я утѣшилъ его, сколько могъ; потомъ пошелъ на верхъ и, пересказавъ слова его лейтенанту, просилъ, чтобъ онъ передъ нимъ извинился. Лейтенантъ не хотѣлъ; но капитанъ кадетскій, взявъ мою сторону, уговорилъ его. И такъ я побѣждалъ опять къ хозяину и сказалъ ему, что господинъ лейтенантъ, чувствуя себя передъ нимъ виноватымъ, зоветъ его къ себѣ и хочетъ съ нимъ примириться. я не могу изобразить радости, въ какую привелъ я сими словами хозяина: самое величайшее благополучіе не могло бы его больше обрадовать. Онъ весь перемѣнился, сталъ веселъ, пошелъ со мною на

верхъ, и когда лейтенантъ, взявъ его руку, сказалъ ему: "Помиримся, Господинъ Мальмъ! Я виноватъ предъ тобою," онъ отъ радости заплакалъ, и сталъ самъ просить у него прощенія. Подобные знаки уваженія къ намъ отъ Шведовъ неоднократно случались.-- Я по обыкновенію пошелъ обѣдать къ моимъ сосѣдямъ. Христина предувѣдомлена уже была отъ брата и молодого Шведа о случившемся съ нами, и по какой причинѣ я не могъ вчерашній день быть на балѣ. Она не пеняла мнѣ, но вмѣстѣ со мною тужила о семъ досадномъ приключеніи. Я рассказалъ ей о бывшемъ у насъ ночномъ происшествіи. Она не дивилась тому, и говорила мнѣ, что оба купца другъ другу не доброхотствуютъ, и что хозяинъ нашъ, Мальмъ, къ одному изъ нихъ весьма приверженъ, а потому не терпитъ другаго; но зная пылкій нравъ его, удивлялась, что онъ обиду свою перенесъ хладнокровно.

"Удовольствіе мое, видѣться съ Христиною и быть безпрестанно у нихъ въ домѣ, гдѣ я такъ со всѣми свыкъся и такъ отъ нихъ былъ любимъ, какъ самый ближайшій ихъ родственникъ, не долго продолжалось. Изъ Стокгольма, отъ Посланника нашего Остермана пришло повелѣніе; всѣхъ насъ, гардемариновъ, отправить съ капитаномъ, для продолженія наукъ, въ Карлскрону, шведскій городъ и главный корабельный портъ, гдѣ находился Шведскій Кадетскій Корпусъ. Дня чрезъ три по полученіи повелѣнія мы отправились. Разлука моя съ домомъ Берлингери была тяжелая. Какъ ни утѣшались мы надеждою чрезъ нѣсколько времени опять увидѣться, однакожь не обошлось съ обѣихъ сторонъ безъ пролитія слезъ. Мы заказали на первой почтѣ обѣдъ. Насъ провожали человекъ двадцать Шведовъ, между которыми былъ и пріятель мой, Никласъ. Мать Христинина снабдила меня разнымъ кушаньемъ и сластями на дорогу. Обѣдъ *былъ* шумный: нѣсколько разъ принимались пить за наше здоровье и

за благополучный путь. Наконецъ, при самомъ разставаньи, по окончаніи послѣдняго стучанія рюмокъ, послѣ увѣреній въ дружбѣ, обниманій, поцѣлуевъ, слезъ, прощаній, сѣли мы въ сани и поѣхали въ путь, а провожавшіе насъ возвратились домой. Никласъ повезъ отъ меня тысячи и тысячи поклоновъ матери его, братьямъ и сестрамъ, а особливо Христинѣ.

"По прибытіи въ Карлскрону, гдѣ отведенъ уже былъ для насъ домъ, мы, то есть кадетскій капитанъ и я (ибо прочіе гардемарины, по незнанію языка, никуда не ходили) пошли къ главному надъ городомъ и портомъ начальнику Экеспарре. Онъ принялъ насъ очень учтиво, и услыша, что я говорю по-шведски, тотчасъ позвалъ двухъ дочерей своихъ, и представя имъ меня, сказалъ: "Вотъ молодой человѣкъ, съ которымъ вы можете разговаривать на природномъ вашемъ языкѣ." Онъ начали со мною говорить, и послѣ нѣсколькихъ на разные вопросы ихъ отвѣтовъ моихъ, спросили у меня, не Шведъ ли я? Я отвѣчалъ имъ: нѣтъ, я Русскій.-- "Гдѣ же вы такъ хорошо научились по-шведски?-- "Здѣсь, въ Швеціи." -- Какъ? въ это короткое время?-- "Такъ точно".-- А прежде ни слова не разумѣли?-- "Ни слова." -- Это удивительно!" -- "Ахъ! думалъ я, еслибъ вы знали моего учителя, то не дивились бы!-- *Мы* сдѣлали еще нѣсколько посѣщеній адмираламъ, вице-адмираламъ и другимъ знатнымъ чиновникамъ, и потомъ возвратились домой. Къ пакъ пришли изъ Кадетскаго Корпуса приговоренные уже заранѣе два учителя, для преподаванія шведскаго и французскаго языка. Одинъ изъ нихъ былъ профессоръ, по имени Салдернъ, человѣкъ ученый, бывшій нѣкогда воспитателемъ королевскихъ дѣтей. Онъ былъ знакомъ со всѣми знатными домами въ городѣ. Они всякое утро ходили къ вамъ попеременно, и ученіе продолжалось до два часа въ день. Скоро знакомство наше въ городѣ распространилось, и мы часто или сами были въ

гостяхъ, или у насъ были гости. Шведскій языкъ доставилъ мнѣ входъ во многіе дома, такъ что ежели бы я не занятъ былъ ученіемъ и не долженъ *былъ* часто оставаться дома для перевода капитанскихъ разговоровъ съ посѣтителями, то могъ бы быть въ гостяхъ съ утра до вечера. Главный начальникъ города и многіе адмиралы не рѣдко меня къ себѣ приглашали. Всѣ эти знакомства однако жъ не могли замѣнить мнѣ одного Берлингеріева дома въ Карлсгамнѣ: сердце и мысли мои всегда туда стремились. Въ одинъ торжественный день Экеспарре позвалъ насъ обѣдать* Столъ былъ огромный. Всѣ знатнѣйшіе чиновники приглашены были. Мы въ первый разъ увидѣлись тутъ съ зятемъ хозяина, Графомъ Вахтмейстеромъ, которому мы, не знаю какимъ образомъ, пропустили сдѣлать первое посѣщеніе. За столомъ оба мы (кадетскій капитанъ и я) посажены были въ первыя мѣста, выше всѣхъ вице-адмираловъ. Когда подали шампанское, хозяинъ предлагалъ пить одно за другимъ слѣдующія здоровья: 1) Ея Величества Всероссійской Императрицы; 2) Его Величества Короля Шведскаго; 3) Всего Россійскаго Императорскаго Дома; 4) всего Королевскаго Шведскаго Дома, (при всѣхъ сихъ здоровьяхъ вставали и палили изъ пушекъ); 5) здоровье было наше (т. е. кадетскаго капитана и мое); 6) всѣхъ посѣтителей, и наконецъ 7) хозяйское. Можно себѣ представить, что мы послѣ сего, толь почетнаго русскому имени пиршества, шли домой съ возвышенными глазами: между тѣмъ услышали мы, что на другой день будетъ обѣдъ у Графа Вахтмейстера; но мы не надѣялись быть приглашены, потому что не сдѣлали ему посѣщенія прежде. Однако же поутру онъ самъ пріѣзжаетъ къ намъ и зоветъ къ себѣ обѣдать. Профессоръ Салдернъ былъ очень съ нимъ коротокъ и друженъ. Онъ въ это время случился у насъ, и мы сговорились итти съ, нимъ вмѣстѣ. Пошли, отобѣдали.

Хозяинъ съ, великою ласкою и вѣжливостію въ прекрасномъ домѣ своемъ угостилъ насъ сытнымъ столомъ и хорошими напитками. Мы, откланявшись ему, возвращаемся домой.

"Мы обѣдали не тамъ, гдѣ жили: одна шведская подполковница нанялась довольствовать насъ обѣденнымъ и вечернимъ столомъ въ своемъ домѣ. Мы познакомились тутъ съ однимъ шведскимъ кадетомъ, Барономъ Бойемъ, который такъ свыкъся съ нами, что безпрестанно былъ у насъ, и какъ никто изъ прочихъ гардемариновъ (кромѣ одного меня) разговаривать съ нимъ не могъ, то онъ въ короткое время столько научился по-русски, что по нуждѣ могъ объясняться. Всѣхъ дружнѣе былъ онъ съ гардемаринномъ Княземъ Мещ....; они, начавъ нѣсколько разумѣть другъ друга, часто по цѣлымъ часамъ разговаривали и спорили между собою.

Однажды Бойе пріѣхалъ къ намъ въ коляскѣ и зоветъ меня ѣхать съ нимъ за городъ, смотрѣть, какъ будутъ казнить преступницу. Я любопытствовалъ, поѣхалъ; дорогою рассказалъ онъ мнѣ странное преступленіе несчастной; это была бѣдная сирота, дѣвка лѣтъ двадцати трехъ или четырехъ. Она ходила по міру и кормилась милостынею; въ одинъ день приходитъ она въ избу къ женщинѣ, которая пекла пироги и стряпала кушанье для своего мужа, корабельнаго плотника, бывшаго въ это время въ адмиралтействѣ на работѣ. Ей надлежало нести къ нему кушанье; но какъ въ избѣ никого болѣе не оставалось, кромѣ сына ея, труднаго младенца, лежавшаго въ люлькѣ, то она просила дѣвку побыть въ избѣ, пока сходитъ къ мужу; дала ей пироговъ и ушла; возвратившись, не находитъ дѣвки, и видитъ ужасное для сердца материнскаго зрѣлище: младенецъ, сынъ ея, лежитъ въ люлькѣ, мертвый съ распоротымъ брюхомъ! Она съ воплемъ и стономъ выбѣгаетъ на

улицу, зоветъ своихъ сосѣдей и, рыдая, рассказываетъ имъ происшедшее. Тотчасъ бѣгутъ во всѣ стороны искать дѣвку. Видятъ, что она бродитъ по одной ближайшей горѣ, безъ всякаго намѣренія укрыться; берутъ, спрашиваютъ ее: какимъ это образомъ сдѣлалось? Она отвѣчаетъ спокойно: "Я зарѣзала ребенка." -- Ты! за что?-- "Мнѣ наскучило жить на свѣтѣ, говоритъ она, и какъ я сама себя не хотѣла лишиться жизни, то и пришелъ мнѣ въ голову этотъ способъ, зная, что по нашимъ законамъ положена смерть за смерть." -- Ее взяли, посадили въ тюрьму, каждую Субботу сѣкли на площади розгами, и наконецъ осудили на смертную казнь. Всякій день священникъ ходилъ приводить ее въ раскаяніе. Она сначала показывала превеликую твердость, но съ приближеніемъ дня казни стала унывать, и напоследокъ впала въ чрезвычайную горестъ. Мы остановились противъ лобнаго мѣста, состоявшаго изъ деревяннаго съ площадкою сруба, на которомъ лежала плаха. Срубъ обмазанъ былъ смолою и обкладенъ хворостомъ, смолою и другими горючими веществами. Вокругъ его стояли солдаты съ ружьями, составляя четверостѣнникъ (баталіонъ-каре). Преступницу привезли на телѣгѣ; глаза у нее были завязаны; она пѣла псалмы и часто восклицала: *О Спаситель! Спаситель!* По снятіи съ телѣги, два священника взяли ее подъ руки и повели внутрь четверостѣнника. Одинъ изъ нихъ прочиталъ надъ нею молитву и, проговоря солдатамъ краткую рѣчь, сказалъ: "Боже насъ сохрани отъ подобнаго преступленія!" Всѣ въ голосъ повторили: "Боже насъ сохрани!" Потомъ сняли съ глазъ ея повязку и повели на лобное мѣсто. Она ступила на первую и на вторую ступеньку, но на третью не могла болѣе: ноги у нее подкосились; ее всталили и положили на плаху. Палачъ ударилъ сѣкирою: кровь хлынула рѣкою, голова отскочила, и видны еще были на ней судорожныя движенія.

Хворость зажгли, и пламень скоро истребилъ остатки убійцы несчастнаго младенца. Я возвратился домой съ исполненнымъ ужаса сердцемъ; долго изъ воображенія моего не могъ изгнать плачевнаго зрѣлища, и весьма сожалѣлъ, что согласился ѣхать смотрѣть его.

"Въ продолженіе времени ходили мы нѣсколько разъ осматривать портъ, адмиралтейство и изрытые порохомъ въ каменныхъ скалахъ доки для строенія кораблей. Лейтенантъ М... пріѣхалъ къ намъ изъ Карлсгамеа; онъ пробылъ съ нами нѣсколько дней. Я получилъ съ нимъ письмо отъ Никласа, въ которомъ онъ увѣдомлялъ меня, что Христина была очень больна, но что теперь ей получше, что она помнитъ меня и велѣла мнѣ кланяться.

"Съ прибытіемъ М... завелись у насъ игры. Всякій разъ Шведы звали насъ къ себѣ, или пріѣзжали къ намъ играть въ банкъ. Наконецъ онъ уѣхалъ. Мы пробыли еще нѣсколько времени, и съ наступленіемъ весны отправились обратно въ Карлсгамнъ. Баронъ Бойе провожалъ насъ. Онъ такъ свыкъся съ нами, что при прощаніи плакалъ и разставался какъ съ родными. Профессоръ Салдернъ, по требованію кадетскаго капитана, далъ намъ аттестаты, въ которыхъ иные изъ насъ довольно были похвалены, иные мало, а иные съ замѣчаніями о неохотномъ ихъ расположеніи къ ученію. Мой аттестатъ *былъ* лучше всѣхъ.

"По прибытіи моемъ въ Карлсгамнъ, первое мое стремленіе было летѣть въ домъ Берлингери, Я нашелъ Христину немного похудѣвшею послѣ болѣзни. Мать и Никласъ чрезвычайно мнѣ обрадовались. Прежняя жизнь моя возобновилась: то есть, я съ утра до вечера былъ у нихъ въ домѣ. Корабль-нашъ между тѣмъ исправлялся; въ него ставили новыя мачты и подводили новый киль {"Самый нижній брусъ подъ кораблемъ, простирающійся во всю длину его, толстый, составленный изъ многихъ брусевъ, скрѣпленныхъ

между собою толстыми желѣзными болтами."}, потому что старый отъ сильныхъ ударовъ о землю весь истерся. Удивительно было видѣть въ немъ превеликіе брусья такъ измятыми, какъ мочалы, и желѣзные, толще руки, болты такъ между собою перевившимися, какъ склоченные волосы.

"Наконецъ корабль былъ готовъ: наступило время отправиться въ Россію. Прощаніе мое съ домомъ Берлингери было самое чувствительное. Я пришелъ къ нимъ въ послѣдній разъ. Они всѣ были вмѣстѣ. Всѣ сидѣли, не говоря ни слова. Печальное молчаніе продолжалось нѣсколько минутъ. На послѣдокъ я всталъ и подошелъ съ сокрушеннымъ сердцемъ къ матери, поцѣловать у нее руку. Всѣ встали. Она обняла меня, облилась слезами и сказала: "Другъ нашъ уѣзжаетъ отъ насъ, и мы никогда уже на этомъ свѣтѣ съ нимъ не увидимся!" Христина стояла съ потупленною головою; я подошелъ къ ней, но мы не имѣли даже силы сказать другъ другу: прости! Рыданія задушали меня; и я вышелъ отъ нихъ изъ дому, почти не помня самъ себя. Никласъ проводилъ меня до самаго берега; но и тутъ еще не хотѣлъ разстаться; онъ поѣхалъ со мною на корабль, и мы всю дорогу съ нимъ проплакали; на кораблѣ пробылъ онъ до тѣхъ поръ, пока мы не вступили подъ паруса. Тутъ уже онъ сошелъ на лодку и -- мы разлучились.

"Плаваніе наше не долго продолжалось. Мы пришли въ Кронштадтъ, куда уже Морской Кадетскій Корпусъ, послѣ бывшаго пожара, переведенъ былъ изъ Петербурга."

Какой хорошій офицеръ пожелаетъ служить на кораблѣ, такимъ образомъ управляемомъ, какъ управлялся корабль "Вячеславъ"? Оставляя уже безъ вниманія ежеминутную опасность, коей подвергались корабль и экипажъ его отъ безпорядочныхъ поступковъ капитана, даже самая честь cadaго изъ офицеровъ съ

благородными чувствами отъ нихъ страдала. Если бѣ собственный рапортъ капитана {Рапортъ въ Государственную Адмиралтействъ-Коллегію, записанный въ корабельномъ протоколѣ подь 234, 18-го Октября. *Прим. В. М. Г.*} и письменное признаніе {Признаніе, сдѣланное на бумагѣ лейтенантомъ и штурманомъ въ перемѣнѣ курса безъ вѣдома капитанскаго; оно отправлено въ Адмиралтейскую Коллегію, и находится въ ея архивѣ. *Прим. В. М. Г.*} офицеровъ, тайнымъ образомъ курсъ перемѣнившихъ, не подтверждали помѣщенного здѣсь описанія бѣдствій, съ вышеупомянутымъ кораблемъ случившихся, въ важнѣйшихъ ихъ происшествіяхъ, то можно было бы даже усомниться въ справедливости его. Кто бы повѣрилъ, что капитанъ военнаго корабля, идущаго въ темную осеннюю ночь, въ крѣпкій вѣтеръ, по осьми миль въ часъ, и приближающагося къ берегамъ, пошелъ въ свою каюту покойно спать, и тогда, когда вѣрность корабельнаго счисленія подвержена была большому сомнѣнію {Морскаго Устава въ книгѣ 3. Главѣ I, § 14, строго предписано капитану наблюдать осторожность въ ходу.}?.. Что вахтенный лейтенантъ и штурманъ рѣшились сами собою перемѣнить курсъ {Устава Книга 3. Глава IV, § 9: "Не можетъ (лейтенантъ) перемѣнить курса, ниже корабль поворотить на другой бордъ безъ доклада капитанскаго, подь лишеніемъ чина." *Прим. В. М. Г.*}? Что когда корабль сталъ на мель, то капитанъ, вмѣсто того, чтобъ употреблять всѣ средства къ спасенію его и экипажа, заперся въ каюту и хотѣлъ, чтобъ всѣ вмѣстѣ съ нимъ погибли? Что всѣ офицеры, гардемарины и нѣсколько матросовъ, всего сорокъ человекъ, вошли вдругъ съ представленіемъ къ капитану въ каюту, и тѣмъ сдѣлали поступокъ, подобный бунту; а въ послѣдствіи, ползая передъ нимъ на колѣняхъ и цѣлуя полы его платья, унизили себя до крайности? И что

наконецъ, когда капитанъ, по угрозамъ экипажа принявшій команду, рѣшился послать на чужестранный берегъ съ просьбою о помощи, то отправилъ для сего гардемарина въ *тулупъ*, не сказавъ ему, къ кому и зачѣмъ онъ его посылаетъ; а тотъ поѣхалъ, и самъ не вѣдая для чего? Самый призывъ матросовъ на совѣтъ {Изъ рапорта капитанскаго видно, что *рядовые* были призываны въ совѣтъ во всѣхъ случаяхъ; какъ-то: они рѣшили, что нужно срубить мачты, отдаваться далѣе на мель по канату, и проч. *Прим. В. М. Г.*} унижаетъ не только офицеровъ, но и самую службу. Такого рода *мірскія сходки* могутъ быть терпимы только на купеческихъ судахъ! А притомъ какую пользу капитанъ думалъ изъ того извлечь? Неужели онъ полагалъ, что совѣты матросовъ, въ дѣлѣ снятія корабля съ мели, могли быть благоразумнѣе Офицерскихъ? Этому нельзя стать! Если онъ хотѣлъ посредствомъ ихъ оправдать свои мѣры предъ военнымъ судомъ, сославшись на согласіе матросовъ, какіе законы давали ему право надѣяться, что оно должно быть принято въ уваженіе? Мнѣ кажется, одна изъ важнѣйшихъ обязанностей начальника состоитъ въ томъ, чтобъ всякаго изъ его подчиненныхъ держать въ мѣстѣ, предназначенномъ ему законами: никого безъ причины и формальнаго отрѣшенія не унижать, и никого, по какимъ либо видамъ и связямъ, не возвышать.

Обхожденіе нѣкоторыхъ изъ офицеровъ съ чужестранцами также мало приноситъ имъ чести. Кадетскій капитанъ, по званію своему, долженъ быть самый образованнѣйшій изъ нихъ, но брань за карету, показываетъ уже, что онъ былъ весьма худой наставникъ молодыхъ людей. Учтивость и благопристойное обхожденіе столько же нужны военнымъ офицерамъ, какъ и знаніе должности: если послѣднее служитъ къ полученію, побѣды надъ непріателемъ, первыя даютъ средства пріобрѣсти его

дружбу и уваженіе, которыя нерѣдко приносятъ пользу отечеству воиновъ, умѣющихъ пользоваться таковымъ расположеніемъ непріятеля.

Крушеніе 48-мы-пушечнаго фрегата "Герой," погибшаго 21-го Сентября 1808 года, въ Балтійскомъ портѣ, гдѣ онъ сталъ на мель при снятіи съ якоря.

Одна Великая Монархиня говаривала: "Мнѣ надобны не искусные полководцы, а счастливые." Она не разумѣла однако жъ чрезъ это, чтобъ предводители войскъ Ея побѣждали непріятеля помощію одного слѣпаго случая, а только хотѣла сказать, что ни въ какомъ предпріятіи успѣхъ не зависитъ столько отъ счастья, какъ въ дѣлахъ военныхъ. На сухомъ пути не рѣдко случается, что мѣры, самымъ лучшимъ образомъ обдуманная, и со всею возможною точностью расположенная, при самомъ исполненіи ихъ не удаются и въ ничто превращаются отъ большихъ дождей, разлитія рѣкъ, заразительныхъ болѣзней, конскаго падежа и тысячи другихъ случаевъ, которыхъ ни предвидѣть; ни отворотить человекъ не можетъ. На морѣ такія неожиданныя, внезапно случающіяся препятствія бывають еще чаще: одна нечаянная переменна вѣтра или вдругъ нашедшій туманъ можетъ разрушить наилучше устроенный планъ. Кто изъ мореходцевъ можетъ сказать, что за успѣхи, увѣнчавшіе его мѣры и предпріятія, онъ обязанъ единственно своему искусству и благоразумію, и что счастье не имѣло въ нихъ ни какой доли? По крайней мѣрѣ, я съ моей стороны чистосердечно признаюсь, что нѣсколько разъ по ошибочнымъ соображеніямъ, отъ непредусмотрительности, или рискуя, подвергался опасности, изъ которой извлекало меня счастье. Въ

свѣтъ не рѣдко *конецъ дѣло вѣнчаетъ*: если все идетъ хорошо, то ошибокъ никто не замѣчаетъ, а дурно, то часто и безъ причины винятъ. Но когда дѣло дойдетъ до суда, то законъ не принимаетъ и не долженъ принимать въ уваженіе неудачу или потерю, происшедшую отъ несчастія, иначе не было бы ни въ чемъ виноватыхъ; всякъ сказалъ бы въ свое оправданіе: я думалъ сдѣлать къ лучшему, понадѣясь на мою добрую звѣзду; она мнѣ измѣнила, вините ее, а не меня. И потому-то въ военной службѣ, а особливо на морѣ, часто случается, что офицеръ, за какой либо проступокъ осужденный строгостью законовъ, оправдывается мнѣніемъ постороннихъ людей; ибо преступленіе его такого рода, въ которомъ многіе были бы виновны, если бъ не благопріятствовало имъ счастье. Точно такимъ образомъ законы осудили командировъ "Аргуса" и "Героя": двухъ фрегатовъ, погибшихъ въ 1808 году. Счастье ихъ оставило и они должны были сдѣлаться виновными: крушеніе "Героя" описано въ сей статьѣ, а "Аргуса" въ слѣдующей.

Въ 1808 году, фрегатъ "Герой," находясь подъ командою Капитанъ-Лейтенанта Зуева, принадлежалъ къ флоту, бывшему подъ начальствомъ Адмирала Ханыкова, а послѣ, по извѣстнымъ обстоятельствамъ, порученному Контрѣ -- Адмиралу Ломану. Въ Сентябрѣ флотъ стоялъ въ Балтійскомъ Портѣ, и имѣлъ повелѣніе, не взирая на блокирующія его соединенныя англійскую и шведскую эскадры, выйти въ море, и стараться достигнуть Кронштадта.

Благопріятный для сего случай представился 20-го Сентября: вѣтеръ сдѣлался отъ SSW, и дулъ порывами довольно крѣпко. Главнокомандующій, Контр-Адмиралъ Ломанъ, въ двѣнадцатомъ часу пополудни велѣлъ сигналамъ всему флоту *снятья съ якоря, начиная со подвѣтренныхъ и ближнихъ къ выходу кораблей*. Капитанъ Зуевъ приказалъ тотчасъ отдать

марсели, натянуть шхоты до мѣста, и не поднимая фаловъ, изготовился къ подвертыванію каната въ ожиданіи своей очереди, чтобъ сняться съ якоря послѣ подвѣтренныхъ кораблей. Въ семъ случаѣ онъ поступилъ такъ, какъ обыкновенно въ *Морскихъ Практикахъ* предписывается {Печатныя наши *Морскія Практики* обыкновенно для снятія съ якоря *повелѣваютъ* тотчасъ отдавать и ставить марсели, и проч., и флоты часто для единообразія слѣдуютъ сему правилу; а отъ сего бываетъ то, что иногда корабль стоитъ на якорѣ подъ парусами нѣсколько часовъ, въ которые вѣтромъ натягиваетъ канатъ, и болѣе и болѣе затягиваетъ въ грунтъ якорь, а притомъ и парусамъ вредитъ безъ нужды. При свѣжемъ же вѣтрѣ нерѣдко они рвутся, или корабль дрейфуетъ. И потому, когда нельзя всему флоту вдругъ вступить подъ паруса, надлежитъ каждому кораблю тогда отдавать ихъ, когда прійдетъ его очередь сниматься; а до того, закрѣпивъ марсели кабалками, поднимать фалы до мѣста, смотря по числу взятыхъ рифовъ, и обрасопивъ реи какъ должно, ждать спокойно своей череды. По крайней мѣрѣ такъ поступаютъ въ Англійскомъ флотѣ.}. Между тѣмъ во второмъ часу пополудни вѣтеръ вдругъ перешель къ SW и продолжалъ дуть порывами. Начальникъ флота, имѣя основательную причину думать, что онъ пойдетъ еще далѣе къ W, и не желая потерять благопріятнаго времени для выхода въ море, тотчасъ сдѣлалъ сигналъ: *отрубить или выпустить канатъ, и вступить подъ паруса*. Приготовляясь къ исполненію сего сигнала, капитанъ фрегата "Герой" поступилъ весьма осторожно: онъ приказалъ взять съ лѣвой стороны кормы кабельтовъ и закрѣпить за канатъ, на коемъ фрегатъ стоялъ, съ тѣмъ, чтобъ употребить его вмѣсто шпринга. Польза, которую надлежало ожидать отъ сей мѣры, для всякаго морскаго Офицера очевидна: фрегатъ могъ уклониться;

подъ вѣтеръ, наполнить свои паруса и взять ходъ, ни сколько ни приближаясь къ берегу, бывшему у него подъ вѣтромъ весьма близко, чего безъ помощи шпринга никакъ было бы невозможно сдѣлать.

Шпрингъ былъ вытянуть на лѣвой сторонѣ, марсафалы подняты, гротъ-марсель и крюсель обрасоплены въ бейдевиндъ на правую сторону, форъ-марсель положенъ на стеньгу, кливеръ поднять и шхоть его былъ вытянуть на лѣвой сторонѣ; словомъ фрегатъ *былъ* готовъ вступить подъ паруса на правую сторону. Всѣ эти приготовленія обѣщали капитану успѣхъ, и онъ приказалъ отрубить канатъ; но въ самое то время нашель сильный порывъ вѣтра отъ WSW, который сообщилъ фрегату, не стоявшему уже на якорѣ, посредствомъ поднятыхъ на немъ парусовъ, быстрый задній ходъ; отчего натянуло шпрингъ до такой степени, что онъ, будучи не совсѣмъ хорошо закрѣпленъ на канатѣ, сталъ по оному скользить, и потому не могъ задержать корму какъ должно. Послѣдствіемъ сего было то, что хотя носъ фрегата могъ уклониться подъ вѣтеръ и форъ-марсель наполнился, но какъ фрегатъ не успѣлъ взять хода, то и прижало его къ мели.

Капитанъ приказалъ немедленно убрать паруса, и въ то же время далъ повелѣніе завести на баркасѣ два кабельтова и закрѣпить за тумбой оставшагося въ водѣ якоря. Повелѣніе это было исполнено съ величайшею поспѣшностью Мичманомъ Шулепниковымъ, и фрегатъ началъ было посредствомъ сего завоза отходить отъ мели, и весьма чувствительно подавался на глубину. Но вдругъ постигло его новое несчастіе: одинъ изъ кабельтововъ, толщиною въ семь съ половиною дюймовъ, въ самомъ штыкѣ лопнулъ; тогда фрегатъ бросило опять на мель.

Въ это время Капитанъ Зуевъ рѣшился прибѣгнуть къ пособію двухъ находившихся поблизости его

фрегатовъ: "Счастливый" и "Ѳеодосія", которыхъ въ началѣ пятого часа пополудни извѣстиль онъ сигналомъ, что имѣеть нужду въ завезенномъ якорѣ; а между тѣмъ приказалъ класть на баркасъ и завозить стопъ-анкеръ. Порученіе это возложено было на того же мичмана Шулепникова, который тотчасъ приступилъ къ исполненію онаго посредствомъ двухъ баркасовъ, присланныхъ на помощь съ корабля "Борей" и фрегата "Ѳеодосія", и одного десяти-весельнаго катера; не смотря однако жъ на всевозможное стараніе Г. Шулепникова и усиліе нижнихъ чиновъ, бывшихъ на гребныхъ судахъ ему ввѣренныхъ, онъ ни какъ не могъ завести верпъ, ибо усилившійся вѣтеръ не только препятствовалъ имъ подаваться впередъ, но даже принесъ ихъ къ берегу, и баркасъ съ верпомъ повредило о камни. Между тѣмъ на фрегатѣ "Герой" спустили свой баркасъ на воду: Капитанъ Зуевъ намѣренъ былъ отправить на немъ другой завозъ; но увидѣвъ неудачное покушеніе первыхъ судовъ, не могъ уже надѣяться на успѣхъ втораго предпріятія, а притомъ не было у него ни одного надежнаго кабельтова, ни верпа, и потому намѣреніе это осталось безъ исполненія. Въ это же время вѣтеръ постепенно усиливался, и на фрегатѣ спустили стеньги и реи.

Что принадлежитъ до фрегатовъ "Счастливый" и "Ѳеодосія", то командиры ихъ {Капитанъ-Лейтенанты Капельцовъ и Подчертковъ.}, кромѣ помощи гребными судами, ни какого пособія бѣдствующему фрегату оказать не могли по разнымъ причинамъ, ими представленнымъ, кои въ послѣдствіи военный *судъ нашель* совершенно основательными и стоящими уваженія.

Въ осьмомъ часу вечера вѣтеръ перешель къ W и сталъ дуть сильнѣе прежняго, тогда Капитанъ Зуевъ отчаялся уже во всякой посторонней помощи, а въ своихъ собственныхъ средствахъ вовсе ея не имѣлъ.

Около полуночи вѣтеръ опять отошелъ, сдѣлался NW и дуль съ большею еще яростію. Въ это время, хотя фрегатъ крѣпко било объ мель, но течь въ немъ не показывалась; а первую прибыль воды въ трюмѣ замѣтили во второмъ часу ночи. Капитанъ тотчасъ приказалъ отливать оную, но вскорѣ получилъ рапортъ, что при дѣйстви всѣхъ помпъ, вода не уменьшается, а напротивъ того прибываетъ. Между тѣмъ, въ три часа по полуночи вѣтеръ отошелъ еще ближе въ N' и сдѣлался NNW, не умаляясь въ силѣ. Съ сею переменною вѣтра фрегатъ еще сильнѣе стало бить о дно; но совсѣмъ тѣмъ капитанъ ее отчаивался въ возможности снять его съ мели посредствомъ заводовъ, которые онъ намѣренъ былъ закрѣпить на фрегатъ "Ѳеодосія". Посланный для сего катеръ съ превеликимъ трудомъ и опасностью добрался уже до "Ѳеодосіи", и Г. Зуевъ продолжалъ питать надежду, что спасетъ фрегатъ; но, къ несчастію, не долго: на разсвѣтѣ экипажъ усмотрѣлъ вокругъ фрегата всплывшія доски настоящей обшивки, отбитые куски киля и руль; въ то же самое время вода въ трюмѣ поднялась выше бочекъ нижняго лага, и пустыя изъ нихъ всплыли. По въ самое это время, къ крайнему удивленію всего экипажа, фрегатъ стащило волненіемъ съ мели и понесло по вѣтру вдоль берега; тогда вода съ большимъ стремленіемъ полилась въ трюмъ. Въ столь бѣдственныя, гибельныя минуты долгъ капитана былъ употребить все свое искусство и твердость для спасенія людей, и къ чести Г. Зуева должно сказать, что онъ исполнилъ эту важнѣйшую обязанность морскаго офицера, съ надлежащимъ благоразуміемъ и полнымъ успѣхомъ. Поднявъ фокъ-стаксель, онъ сталъ править прямо въ губу, чтобъ поставить фрегатъ опять на мель; а когда примѣтилъ, что его несло на шлюпъ "Волховъ", то отдавъ якорь, распустилъ бизань, и тѣмъ самымъ заворотивъ нѣсколько корму фрегата, доставилъ ему средство,

дрейфуя, миновать шлюпъ, который, по всѣмъ вѣроятностямъ, долженъ былъ бы погибнуть вмѣстѣ съ нимъ, если бъ они сошлись. Послѣ того фрегатъ принесло къ берегу на разстояніе отъ него полуверсты, противъ деревни Діаттіасъ, и поставило на мель на глубинѣ четырнадцати футовъ, лѣвымъ бортомъ къ вѣтру, который силою своею такъ много валилъ его, что капитанъ опасался, чтобъ онъ совсѣмъ не легъ на бокъ, и потому, съ общаго согласія всѣхъ офицеровъ, около девяти часовъ утра, приказалъ срубить мачты. Отъ сего фрегатъ началъ стоять покойнѣе, и опасность, что его повалить на бокъ, миновалась. Тогда Капитанъ Зуевъ сталъ помышлять объ отправленіи людей на берегъ, и уже по сигналу его, на сей конецъ сдѣланному, прибыли гребныя суда съ фрегатовъ "Счастливый" и "Ѳеодосія"; но жестокое волненіе, угрожавшее мгновеннымъ разбитіемъ ихъ о каменья, коими берегъ сей усѣянъ, не позволяло капитану отважиться на такое предпріятіе. По нѣкоторомъ размышленіи однако жъ, онъ заключилъ, что если бы съ фрегата на берегъ былъ завезенъ перлинь, то гребныя суда могли бы по немъ тянуться, и не доходя до каменьевъ высаживать людей посредствомъ какого нибудь малаго гребнаго судна; тогда была бы возможность перевести весь экипажъ безъ большаго затрудненія; но какъ и перлиня завести нельзя было безъ опасности, то способъ сей оставался безъ дѣйствія, пока Мичманъ Свѣшниковъ, присланный на помощь съ фрегата "Ѳеодосія", на осьмивесельномъ катерѣ, не предложилъ добровольно услугъ своихъ. Капитанъ Зуевъ согласился на его вызовъ, и назначилъ въ помощь къ его гребцамъ на катерѣ своихъ двухъ исправныхъ матросовъ, умѣвшихъ хорошо плавать. Г. Свѣшниковъ исполнилъ свое дѣло какъ нельзя лучше: посредствомъ вымбовокъ успѣлъ онъ выслать на берегъ людей и закрѣпить тамъ одинъ конецъ перлиня, а другой былъ вытянуть на фрегатѣкъ которому онъ

также возвратился* Для удобнѣйшаго высаживанія людей на берегъ, экипажъ сдѣлалъ плотъ изъ запасныхъ рангоутныхъ деревъ и люковъ^ плотъ сей хотѣли поставить у берега вмѣсто пристани, и тотъ же Мичманъ Свѣшниковъ довель его до берега; но тамъ его разбило и разбросало волненіемъ. Въ послѣдствіи найдена была рыбацья лодка, которая и послужила къ перевозу экипажа съ гребныхъ судовъ на берегъ. Переправа людей произведена была съ такимъ благоразуміемъ и порядкомъ, что въ девять часовъ того же вечера (21-го числа) не оставалось уже ни одного человѣка на фрегатѣ, котораго нижняя палуба, въ ночи на 22-е число, совсѣмъ покрылась водою. Въ слѣдующіе послѣ того дни, когда вѣтеръ уже стихъ, снята была съ фрегата и помѣщена на подведенный къ нему галліотъ вся артиллерія, а также разные другіе снаряды и съѣстные припасы.

Въ продолженіе несчастнаго сего приключенія, по отзыву Г. Капитанъ-Лейтенанта Зуева, всѣ офицеры {Лейтенанты: Іосифъ Фишеръ, Алексѣй Поздѣевъ, Яковъ Сальковъ; мичманъ Петръ Шулепниковъ; Артиллеріи лейтенантъ Яковъ Ѳедотовъ и шкиперъ Никифоръ Лезгинъ.} фрегата, начальству его ввѣреннаго, находились безпрерывно на верху, были въ исправленіи возложенныхъ на нихъ должностей неутомимы, и оказали примѣрное присутствіе духа, усердіе къ службѣ и знаніе своего дѣла. Доказательствомъ сему можетъ служить и то, что во все время бѣдствія ни одинъ человѣкъ не лишился жизни.

Изъ сего описанія видно, что гибель фрегата "Герой" послѣдовала, какъ говорится, отъ воли Божіей, и что въ разбитіи его, судя по общимъ понятіямъ, никто не виновенъ; но законодатели въ мудрости своей постановили, что никакая государственная или общественная потеря не должна оставаться безъ

строгаго и подробнаго изслѣдованія причинъ, отъ коихъ произошла она, и потому-то правительство, руководствуясь симъ общепользымымъ, необходимымъ для государственнаго блага узаконеніемъ, предписало изслѣдовать причину потери фрегата "Герой" военнымъ судомъ.

Судъ сей составленъ былъ изъ офицеровъ, извѣстныхъ своими способностями всему нашему флоту {Капитанъ-Командоръ Быченскій (Филиппъ Тимоѣевичъ), капитаны 2-го ранга: Ратмановъ (Макаръ Ивановичъ,) Палицынъ (Степанъ Силичъ, умеръ); Михайловъ (Василій Максимовичъ), Капитанъ-Лейтенанты: Ромбергъ (Федоръ Ивановичъ), Тулубьевъ (Иринархъ Степановичъ), и Беллинсгаузенъ (Фаддей Фаддеевичъ.)}. Заключение его {Его тогда составляли Контръ-Адмиралъ Матвѣй Михайловичъ Муравьевъ, 4-го класса Игнатьевъ (Николай Александровичъ,) и Военный Совѣтникъ Ребиндеръ (Борисъ Борисовичъ.)}, основанное на точномъ смыслѣ законовъ, было во всей силѣ утверждено Аудиторіатскимъ Департаментомъ Морскаго Министерства {Описание это составлено изъ дѣла суда, и потому оно извѣстно мнѣ во всей подробности.}; въ ономъ судѣ отдаетъ полную справедливость Капитанъ-Лейтенанту Зуеву за мѣры, принятыя имъ для спасенія фрегата и людей, и говоритъ, что: "Зуевъ дѣлалъ всѣ нужныя распоряженія, не упуская ничего изъ виду, какъ должно искусному морскому офицеру; но жестокой перемѣнившійся тогда вѣтеръ и сильное волненіе обратило въ недѣйствіе всѣ мѣры и пособіе бывшихъ при томъ случаѣ фрегативъ "Счастливый" и "Феодосія". Впрочемъ судъ нашель Г. Зуева виновнымъ въ постановленіи фрегата на мель, приписывая это несчастіе непредусмотрительности его, что онъ, при порывистомъ, часто перемѣнявшемся вѣтрѣ, слишкомъ скоро приказалъ отрубить канатъ: ибо сначала должно было бы ему "поставить марсели

бейдевиндъ, и переднихъ стакселей шхоты натянуть на вѣтрѣ, и потомъ отдавать канатъ, а шпрингъ съ кормы вытягивать, дабы поставить фрегатъ ближе къ линіи курса, и потомъ уже отрубить канатъ," и проч. Заключение это, какъ дѣло суда, во всякомъ случаѣ долженствующаго руководствоваться точнымъ смысломъ словъ закона, весьма основательно, и иначе быть не могло. Но если мы возьмемъ въ разсужденіе, что едва ли возможно человѣку, при исполненіи его обязанностей, какъ общественныхъ, такъ и частныхъ, а особливо требующихъ необыкновенной скорости, предвидѣть, исчислить и, такъ оказать, заготовить способы для отвращенія всѣхъ препятствій, могущихъ внезапно повстрѣчаться, тогда не станемъ винить Капитана Зуева.

Если бѣ не нашель шквалъ и вѣтеръ не переменился на два румба, чего вѣроятно онъ предусмотрѣть не могъ, и если бѣ не сталь скользить шпрингъ, при крѣпленіи коего самъ капитанъ не могъ быть, то фрегатъ, конечно, скоро увалился бы носомъ подъ вѣтеръ, взялъ ходъ и вступилъ бы подъ паруса какъ должно. Притомъ въ подобныхъ сему случаяхъ, отрубить канатъ или выпускать, все равно: то и другое изъ сихъ дѣйствій служить къ тому, чтобъ дать кораблю свободу поворачиваться по вѣтру и вступить подъ управленіе парусовъ и руля, слѣдовательно, если бѣ и канатъ стали отдавать, то при нашедшемъ шквалѣ и шпрингѣ, не хорошо закрѣпленномъ, фрегатъ также взялъ бы задній ходъ, и не скоро бы пришелъ на "румбъ, на какой было должно. Отъ сего однако жъ произошла бы та польза, что задержаніемъ каната можно было бы не допустить фрегата до мели; но всѣ сіи случаи надлежало, какъ я прежде сказалъ, заблаговременно себѣ представить, сообразить и заpastись средствами противъ ихъ. Но сколь легкимъ такое предусмотрѣніе кажется по событіи уже происшествій, столь трудно оно

на самомъ дѣлѣ, прежде оныхъ {Когда, въ 1805 году, французскій флотъ ушелъ изъ Тулона, и Главнокомандующій Англійскаго блокировавшаго сей портъ флота, Вице-Адмиралъ Нельсонъ, его преслѣдовалъ, то сначала, основываясь на предписаніяхъ, данныхъ ему министрами, онъ хотѣлъ итти въ Ирландію,- но получивъ въ Гибралтарскомъ Проливѣ сильное увѣреніе отъ Португальскаго Командора, Шотландца Кампеля, что французы пошли въ Западную Индію, онъ рѣшился искать ихъ тамъ, и въ то же время о намѣреніи своемъ отправилъ къ министрамъ донесеніе, въ которомъ писалъ, что тогда только ободреніе или порицаніе ихъ будетъ считать дѣйствительнымъ, когда они немедленно изъяснятъ ему оныя, т. е. пока сами пребываютъ въ одинакой съ нимъ неизвѣстности о намѣреніи непріятели; ибо послѣ, когда уже дѣло обнаружится, всякій будетъ въ состояніи судить безошибочно.}! Обстоятельства сіи не избѣжали прозорливости милосердаго нашего Монарха: Его Императорское Величество, вмѣсто строгаго приговора военнаго суда, Высочайше повелѣть соизволилъ употребить Капитанъ-Лейтенанта Зуева на нѣсколько времени въ должность младшаго офицера.

Гибель 44-хъ-пушечнаго фрегата "Аргусъ", у Кокшкарскаго Маяка, 22-го Октября 1808 года.

Вотъ что Капитанъ-Лейтенантъ Чеглоковъ доноситъ Главному Ревельскаго Порта Командиру, Адмиралу Алексѣю Григорьевичу Спиридову, о гибели своего фрегата:

"По предписанію высшаго начальства, слѣдуя изъ Кронштадта въ ревельскій портъ на ввѣренномъ мнѣ фрегатѣ "Аргусъ," прошлаго 22-го Октября, при

благополучномъ вѣтрѣ отъ ОНО, сопровождаемомъ частыми шквалами, пасмурностью и снѣгомъ, продолжалъ я плаваніе на румбѣ WtN по осьми узловъ въ часъ, и въ первомъ часу пополудни того же числа увидѣлъ кокшкарскій маякъ. Держа курсъ сей до двухъ часовъ, я замѣтилъ, что онъ удаляетъ насъ къ N; въ семь положеніи приказалъ взять курсъ WtS, и въ три часа пришли мы на перпендикуляръ кокшкарскаго маяка, пеленговавъ оный на StO, въ разстояніи половины нѣмецкой мили; я приказалъ продолжать плаваніе тѣмъ же курсомъ, почитая себя безопаснымъ, и не имѣя свѣдѣнія, что на банкахъ поставлены, гдѣ слѣдуетъ, вѣхи; но въ предосторожность было дано отъ меня приказаніе вахтенному лейтенанту, чтобъ смотрѣть на бакъ имѣющемуся подъ вахтою у него мичману и имѣть наблюденіе, гдѣ должны быть поставлены вѣхи.

"Сдѣлавъ сіи приказанія, я тотчасъ обратилъ свое вниманіе на разсмотрѣніе данныхъ мнѣ секретныхъ, опознательныхъ сигналовъ, и сошелъ въ каюту. При возвращеніи моемъ на шканцы, штурманъ донесъ мнѣ, что онъ видитъ красную вѣху въ лѣвой сторонѣ отъ фрегата, представляя, что фрегатъ находится въ безопасности. Для удостовѣренія въ семь донесеніи, пошелъ я вмѣстѣ съ нимъ на бакъ, гдѣ штурманъ утверждалъ, что видитъ острова Вульфъ и Наргенъ: мрачность, берега и горизонтъ тогда покрывавшая, хотя и закрывала настоящій видъ предметовъ" однако жъ я замѣтилъ ошибку штурмана: онъ считалъ Вульфъ Наргеномъ, а высоту материка берега Ланга-Кари Вульфомъ, и узнавъ отъ него, на вопросъ мой, что мы правимъ на SW, въ ту же минуту приказалъ положить руль лѣво на бортъ; но фрегатъ не успѣлъ еще тронуться къ вѣтру, какъ уже началъ стучать о каменья и остановился на банкѣ Девильсъ-Эй. Это случилось въ исходѣ четвертаго часа, тогда увидѣли мы бѣлую вѣху

къ N, въ разстояніи не болѣе одного кабельтова: флагъ у ней былъ изорванъ, а осталась лишь одна рама.

"Первымъ сильнымъ ударомъ, отъ большаго волненія происшедшимъ, выбило у насъ руль, и фрегатъ проломило. Волненіе, ударяя въ корму, вышибло констапельскіе порты, отчего нижняя палуба въ нѣсколько минутъ наполнилась водою. Видя, что фрегатъ находится въ самомъ гибельномъ состояніи, и что нѣтъ ни какой возможности спасти его, рѣшился я, не взирая на большое волненіе, спустить шестивесельную шлюпку, и посадивъ на оную лучшихъ людей, отправилъ офицера въ Ревель съ донесеніемъ къ Вашему Высокопревосходительству о бѣдственномъ положеніи фрегата, и съ просьбою о помощи для спасенія людей. Между тѣмъ велѣлъ обмѣрить глубину около фрегата, которая нашлась подъ ахтеръ-штевнемъ осьмнадцать футовъ, и подъ форъ-штевнемъ столько же, а подъ серединою на обѣихъ сторонахъ только семь футовъ, тогда нужнымъ счелъ взять мѣры для спасенія команды, почему и приступилъ къ срубленію мачтъ. По срубленіи оныхъ фрегатъ сталъ менѣе биться;— но какъ вѣтеръ продолжалъ дуть крѣпко и около фрегата производилъ сильный бурунь, то я не смѣлъ спускать гребныя суда для отправленія людей на берегъ, а рѣшился ожидать пока вѣтеръ хотя нѣсколько утихнетъ.

"Въ восемь часовъ вѣтеръ сдѣлался тише и бурунь около фрегата уменьшился; тогда я велѣлъ спустить гребныя суда, на которыхъ приказалъ отправлять команду, не теряя времени. Но какъ тогда, по причинѣ ночи, мы могли видѣть только одинъ кокшкарскій маякъ, то я и рѣшился свозить людей на оный *до прибытія присланнаго на помощь катера Нептуна, который прибылъ 23-го числа пополудни въ пятомъ часу; обывательскими лодками и его шлюпкою въ тотъ день свезли 63 человекъ; но вѣтеръ усилился и*

наступила ночь: перевозить болѣе не могли. 24-го числа до полудня вѣтеръ стихъ, и 48 человекъ перевезли на своихъ гребныхъ судахъ на вышеозначенный катеръ; съ остальною же частію команды я переѣхалъ на островъ Большой Врангель. О чемъ Вашему Высокопревосходительству симъ честь имѣю донести.

*Капитанъ-Лейтенантъ **Чеглоковъ.**"*

Для изслѣдованія причинъ сего кораблекрушенія и изысканія виновныхъ въ ономъ, согласно съ законами и порядкомъ службы, назначенъ былъ военный судъ {Онъ былъ составленъ изъ тѣхъ же самыхъ членовъ, которые судили командира фрегата "Герой".}, который, въ дополненіе къ описанію гибели фрегата "Аргусъ", Заключающемуся въ рапортъ Капитана Чеглокова, открылъ еще слѣдующія обстоятельства: помянутый капитанъ объявилъ, что ему извѣстно было о снятіи со всѣхъ мелей вѣхъ по причинѣ военнаго времени, и что о постановленіи ихъ вновь онъ не зналъ, а потому и не имѣлъ ни какой нужды править на SW для осматриванія оныхъ; курсъ же сей велъ прямо на банку; и кто велѣлъ держать имъ, ему неизвѣстно; но штурманъ увѣрялъ его, что видѣнный ими берегъ былъ не Вульфъ, а Наргенъ; но капитанъ, напротивъ, утверждалъ, что это не могъ быть Наргенъ и представлялъ въ подкрѣпленіе своего мнѣнія разныя весьма основательныя причины. Капитанъ назначилъ курсъ WtS, и пройдя траверзъ Кокшкара, велѣлъ, имъ же итти, а самъ пошелъ въ каюту для отысканія (секретныхъ опознательныхъ сигналовъ, и проч., какъ въ рапортѣ сказано. Люди съ фрегата всѣ спасены; впрочемъ, кромѣ малаго числа вещей, ничего: вся артиллерія со снарядами, припасы, провизія, небольшая сумма казенныхъ мѣдныхъ денегъ, офицерское и служительское имущество -- все погибло

вмѣстѣ съ фрегатомъ; даже не спасенъ шканечный журналъ! О потерѣ сего важнаго акта Капитанъ Чеглоковъ объяснилъ военному суду слѣдующее: когда фрегатъ сталъ на мель, то онъ, зная важность шканечнаго журнала, тотчасъ приказалъ штурману стараться спасти его; въ слѣдствіе чего оный тогда же былъ вынесенъ на шканцы и хранился у штурманскихъ чиновниковъ, коихъ обязанность была имѣть о сохраненіи его въ цѣлости попеченіе; капитанъ же самъ между тѣмъ дѣлалъ нужныя распоряженія по командѣ. Когда же ночью съ 23-го на 24-е число сдѣлался жестокой сѣверозападный вѣтеръ, то силою волненія наклонило фрегатъ на лѣвую сторону до того, что нѣсколько шканечныхъ пазовъ отъ борта были подъ водою, и большіе валы часто перекатывались чрезъ шканцы; оныя уносили даже нѣкоторыя вещи въ море. Жестокой вѣтеръ продолжался до разсвѣта слѣдующихъ сутокъ; когда же утихъ, капитанъ тотчасъ спросилъ штурмана о журналѣ, и получилъ въ отвѣтъ, что онъ не могъ сохранить его, а унесло оный волненіемъ въ море.

Военный судъ, по справедливомъ и безпристрастномъ изслѣдованіи дѣла нашель, что если бъ отъ траверза кокшкарскаго маяка фрегатъ продолжалъ итти по румбу WtS, то дошелъ бы до острова Вульфа благополучно, и что гибель его послѣдовала отъ переменны курса на SW, который привелъ его прямо на мель. Капитанъ утверждалъ, что онъ не приказывалъ переменять курсъ; но вахтенный лейтенантъ, мичманъ и штурманъ объявили, что курсъ SW былъ взятъ по приказанію капитана. Судъ однако жъ, отобравъ показаніе свидѣтелей и сообразивъ всѣ обстоятельства дѣла, нашель достовѣрно, что капитанъ точно не приказывалъ переменять курсъ, а велѣлъ править сначала на WSW, а потомъ на SW штурманъ самъ собою; къ чему допустилъ его вахтенный лейтенантъ, и потому оба они были осуждены и

приговорены къ наказанію, какъ слѣдовало по законамъ. Штурманъ же сверхъ того найденъ виновнымъ и въ томъ, что не опредѣлилъ мѣста своего крюсъ-пеленгомъ кокшкарскаго маяка, который доставлялъ ему для сего весьма хорошій случай.

Что же принадлежитъ до Капитана Чеглокова, то и его законы не оправдали: Аудиторіатскій Департаментъ Моренаго Министерства заключилъ: "Командовавшаго фрегатомъ "Аргусъ" Капитанъ-Лейтенанта Чеглокова, *за неудержаніе въ должномъ повиновеніи подчиненныхъ своихъ*, которые осмѣлились сами собою перемѣнить курсъ, хотя и надлежало бы строго наказать, но въ уваженіе долговременной, похвальной его службы, разными высшими начальниками засвидѣтельствованной, "Аудиторіатскій Департаментъ присудилъ его на мѣсяць арестовать." И такъ несчастіе Капитана Чеглокова произошло отъ того, что онъ имѣлъ у себя подъ командою офицеровъ, которые не знали законовъ; ибо сошедши на короткое время въ каюту, для сысканія опознательныхъ сигналовъ, могъ ли онъ вообразить, что вахтенный лейтенантъ, который впрочемъ, какъ по слѣдствію оказалось, всегда служилъ и велъ себя хорошо, осмѣлится допустить штурмана самовольно перемѣнить курсъ?

Осужденіе Капитана Чеглокова, *за неудержаніе въ должномъ повиновеніи подчиненныхъ своихъ*, можетъ на будущія времена служить урокомъ, какъ командирамъ военныхъ судовъ, такъ и прочимъ офицерамъ: первымъ въ отношеніи къ обхожденію и поступкамъ ихъ съ своими подчиненными, а послѣднимъ въ томъ, что какъ по долгу службы, такъ и по совѣсти обязаны они въ точности исполнять приказанія начальниковъ, которые за ихъ ослушанія наказываются, и по всей вѣроятности отъ того, что по добросердечію своему прежнія упущенія оставляли безъ строгаго взысканія. Сей же самый случай убѣждаетъ

насъ сильнымъ образомъ въ необходимости знать законы: штурманъ, который между тѣмъ не былъ еще и настоящей штурманъ, а только штурманскій помощникъ 14-го класса, возмечтавъ, что онъ лучше знаетъ искусство мореплаванія, нежели капитанъ, прослужившій на морѣ до сѣдыхъ волосъ, дерзаетъ самъ собою перемѣнить курсъ, а вахтенный лейтенантъ на это соглашается: еслибъ имъ было извѣстно, что по законамъ подвергались они за это лишенію чиновъ и въ такомъ случаѣ, когда бы фрегату не приключилось ни какого несчастія, то вѣрно ни какъ не отважились бы на такой поступокъ.

Крушеніе фрегата "Аргусъ" и въ другомъ еще отношеніи для насъ поучительно: не было еще въ свѣтѣ ни одного человѣческаго дѣянія, о которомъ бы всѣ люди имѣли одинаковыя мысли; общему сему жребію подлежить и это дѣло: многіе думаютъ, что капитанъ дѣйствительно далъ повелѣніе править на румбъ, приведшій въ послѣдствіи фрегатъ на мель, и тѣмъ болѣе, что въ свѣжій вѣтеръ наверху, когда корабль находится подъ парусами, можно стоять весьма близко разговаривающихъ между собою людей, и не слышать, о чемъ они говорятъ. Изъ сего слѣдуетъ, что когда корабль идетъ такими мѣстами, гдѣ для безопасности его надлежитъ располагать курсами съ величайшею осторожностью, то тамъ капитанъ долженъ, для собственной своей чести и для успокоенія своихъ подчиненныхъ, отдавать свои приказанія, какимъ румбомъ править, громко и явственно, чтобъ всѣ слышали и не могло произойти какого либо недоумѣнія. Если же онъ упустилъ бы это сдѣлать, то конечно офицеру неприлично и даже неблагопристойно сказать своему начальнику: сдѣлайте мнѣ это приказаніе при свидѣтеляхъ; но вахтенный лейтенантъ всегда въ правѣ приказать штурманскимъ чинамъ, записать въ журналъ

всякое капитанское повелѣніе, и донести о томъ самому капитану.

Бѣдственное положеніе корабля, "Нева", ставшаго на коралловую мель въ ночи съ 15-го на 16-е Октября 1805 года, въ Сѣверномъ Великомъ Океанѣ.

Нужно ли упоминать, какой корабль былъ "Нева"? Слава его далеко пронеслась: это былъ одинъ изъ двухъ кораблей Россійско-Американской Компаніи, совершившихъ первое вокругъ свѣта плаваніе подъ Россійскимъ флагомъ. Путешествія Командора И. Ѳ. Крузенштерна, начальника сей экспедиціи, и Капитана Ю. Ѳ. Лисянскаго, командира корабля "Нева", напечатанныя на русскомъ и разныхъ другихъ языкахъ, познакомили съ симъ знаменитымъ подвигомъ нашихъ мореплавателей какъ Россію, такъ и всю Европу, съ подвигомъ, который доставилъ имъ завистниковъ и порицателей -- участь, коей всѣ великіе и славные люди при жизни своей бываютъ подвержены: я говорю о нѣкоторыхъ англійскихъ журналахъ, относившихся на счетъ сихъ путешествій съ колкостью.

То бѣдствіе корабля "Нева", о коемъ здѣсь идетъ рѣчь, претерпѣлъ онъ на пути своемъ отъ сѣверозападныхъ береговъ Америки къ Кантону, Я составилъ описаніе оному изъ путешествія, напечатаннаго самимъ Г. Лисянскимъ, и изъ шанечнаго журнала сего корабля.

Г. Капитанъ Лисянскій повѣствуетъ {Часть 2, стран. 216; изданія 1812 года.}: "Въ десять часовъ {15-го Октября поутру.} снялъ я нѣсколько разстояній луны отъ солнца разными секстантами, по которымъ средняя долгота въ полдень найдена 173° 23' W; широта же оказалась 26°43; N." Отъ сего мѣста корабль плыль

почти прямо къ югу и замѣтилъ необыкновенное множество, противъ прежняго, разнаго рода рыбы и морскихъ птицъ. Это обстоятельство обратило на себя вниманіе капитана и болѣе потому, что около сихъ мѣстъ Лаперузъ также видѣлъ признаки близости земли; по сей причинѣ "люди были разсажены по всѣмъ мѣстамъ для смотрѣнія, и самъ я (Юрій Ѳедоровичъ) не сходилъ внизъ {Вотъ достойный подражанія примѣръ осторожности: видя признаки близости земли, капитанъ не только ночью, но даже во весь день безпрерывно находится наверху!} во время дня; но судьба, не вбирая на всѣ наши усилія, кажется, надъ нами издѣвалась и не прежде рѣшилась открыть намъ тайну, какъ подвергнувъ терпѣніе наше еще большему искусу. Въ десять часовъ вечера отдалъ я приказаніе вахтенному офицеру Коведяеву, имѣть ночью сколько можно менѣе парусовъ, ежели вѣтеръ сдѣлается свѣжѣе. Лишь только хотѣлъ я сойти въ каюту, какъ вдругъ корабль сильно вздрогнулъ. Руль немедленно положенъ былъ подъ вѣтеръ на бордъ, чтобъ поворотить оверъ-штагъ, но это не помогло, и корабль сѣлъ на мель."

Въ шканечномъ журналѣ видно, что съ полудня корабль прошелъ на разные румбы между StO1/2O StW1/2W, 39 1/4 миль, и ровно въ девять часовъ вечера, идучи при умѣренномъ вѣтрѣ отъ WtS, на румбъ StWV2W, по четыре съ половиною мили въ часъ, сталъ на мель. Тогда онъ имѣлъ марсели, брамсели, фокъ, гротъ, стаксели и бизань. Положеніе экипажа было ужасно: стать на мель среди неизмѣримаго океана, гдѣ каждый свѣжій вѣтеръ производитъ большое волненіе, достаточное въ нѣсколько минутъ разсыпать корабль на части! Но капитанъ, офицеры и служители не потеряли свойственной мореходцамъ твердости: они тотчасъ убрали всѣ паруса и спустили гребныя суда на воду, чтобъ осмотрѣть мель, на которой они стояли. Штурманъ нашель, что это была коралловая банка, и

что подъ носомъ корабля глубина была девять футовъ, а противъ середины и подъ кормою двѣнадцать; къ югу отъ нихъ, въ пятидесяти саженьяхъ разстоянія, мель уменьшилась до шести футовъ, а къ сѣверо-востоку въ полуторастахъ саженьяхъ нашель онъ глубину пять сажень. На эту послѣднюю завезли они заводы, посредствомъ коихъ хотѣли сняться. "Почему приказаль я, продолжаетъ капитанъ, сбросить всѣ росторы и карронады въ воду съ привязанными къ нимъ поплавками, дабы при удобномъ случаѣ можно было опять ихъ вынуть. Чрезъ это корабль столько облегчился, что съ помощью нѣсколькихъ заводовъ стянулись мы на глубину къ разсвѣту 16-го числа." Дневной свѣтъ показалъ имъ въ шестомъ часу утра небольшой низкій островокъ, находившійся отъ нихъ къ западу въ разстояніи около двухъ верстъ; а прямо по направленію курса, коимъ они шли, когда стали на мель, каменную гряду, покрытую страшными бурунами.

"Сколь положеніе наше ни было худо (слова Капитана Лисянскаго), но такое открытіе (острова) обрадовало всѣхъ и придало много бодрости къ продолженію работы. Лишь только корабль остановился на заводѣ, на которомъ его стягивали, чтобы дожидаться штурмана, посланнаго для промѣра, какъ нашель жестокой вихрь и бросилъ его вторично на мель {Шканечный журналъ показываетъ, что при нашествіи шквала, пытались отойти отъ мели подъ парусами, и на сей конецъ въ девятомъ часу утра, отрубя кабельтовъ, экипажъ поставилъ кливеръ, форъ-стенъги-стаксель и бизань, но безъ успѣха.}. Тогда не оставалось намъ ничего болѣе дѣлать, какъ сбросивъ канаты, якоря и другія самыя тяжелыя, хотя и нужныя вещи, стягиваться сколь можно скорѣе, ибо вѣтеръ началъ свѣжѣть и бить корабль о кораллы жестокимъ образомъ. При неусыпной работѣ и при величайшихъ

трудахъ, мы однако жъ не прежде вечера могли сойти на глубину."

Не взирая на опасное положеніе, въ коемъ корабль находился, стоя на открытомъ мѣстѣ подлѣ мелей и камней, капитанъ по необходимости долженъ былъ пробывать тутъ до 19-го числа, какъ для отдохновенія утомленнаго экипажа, такъ и для забранія опущенныхъ въ воду вещей и для приведенія всего по кораблю въ надлежащій порядокъ. Вещи были опущены въ воду съ такою осторожностью, что кромѣ нѣкоторыхъ рангоутныхъ деревъ, ни одно не пропало, и вообще за стояніе свое на мели корабль заплатилъ дешево: онъ потерялъ часть фалшь-киля, и вода стала прибывать въ немъ не болѣе двѣнадцати дюймовъ въ сутки.

Островъ сей, названный капитаномъ корабля "Нева," по "настоянію его подчиненныхъ, островомъ *Лисянскаго* {Часть II, стран. 226.}", лежитъ въ широтѣ сѣверной 26° 03', долготѣ западной отъ Гринича 173° 42'. Провидѣніе доставило случай экипажу корабля сего оказать величайшую услугу мореплавателямъ всѣхъ народовъ, посѣщающимъ Сѣверный Великій Океанъ, открытіемъ столь пагубнаго, на самомъ пути отъ американскихъ береговъ къ Китайскому Морю лежащаго острова, на которомъ можетъ быть уже сокрушились нѣкоторыя изъ судовъ, прежде сего безъ вѣсти пропавшихъ! Экипажъ также воспользовался симъ случаемъ для изъявленія своей любви и преданности къ достойному своему начальнику, котораго имя онъ увѣковѣчилъ, нарекши онымъ вновь открытый имъ островъ. Какая награда для добраго начальника можетъ сравниться съ тою, которая происходитъ отъ сердецъ его подчиненныхъ? Офицеры и служители корабля "Нева" просятъ, требуютъ, *настаиваютъ*, чтобъ капитанъ пожертвовалъ на сей разъ усердію и желанію ихъ, свойственную ему скромностью, и возложилъ имя свое на островъ, имъ самимъ случайно найденный! Что можетъ быть

пріятнѣе, лестнѣе и почтительнѣе для мореходца, служащаго единственно въ пользу и славу своего отечества, и чуждаго всякой корысти и личныхъ выгодъ? Жаль, что это событіе, приносящее толикую честь начальнику, умѣвшему заслужить любовь и почтеніе своихъ подчиненныхъ, и имъ самимъ, умѣвшимъ цѣнить его достоинства, не записано въ корабельномъ журналѣ, который могъ бы служить, какъ нѣкій актъ на эту въ высокой степени почетную награду!

Школьные учителя толкуютъ, что исторія есть повѣствованіе о происшествіяхъ, на Земномъ Шарѣ случившихся, и тому подобное; но философъ говоритъ, что исторія есть наука свѣта; исторія учитъ насъ, какъ поступать въ разныхъ обстоятельствахъ сей жизни; она есть свѣтильникъ, возженный въ покрытой мракомъ пустынѣ, путешественниками, кои странствовали по ней прежде насъ, и проч. И дѣйствительно, всякое событіе можетъ научить насъ чему нибудь; а какое ученіе въ состояніи преподать намъ лучшія правила и убѣдить сильнѣе, какъ не опыты? Доказательства, основанныя на опытахъ, неопровержимы. Это *предисловіе*, можетъ быть, уже слишкомъ пышно для предмета, къ коему принадлежитъ оно; но наставленіе примѣрами мнѣ всегда казалось и кажется столь важнымъ, что я не могъ и въ семь случаѣ не привести онаго на видъ. Мнѣ неизвѣстны повелѣнія, какія имѣлъ корабль "Нева", на счетъ его плаванія, отъ Общества, въ службѣ коего онъ находился; вѣроятно ему было предписано плыть со всевозможною поспѣшностью, и потому капитанъ, по обязанности и чести своей, долженствовавшій пользу и выгоды Компаніи предпочитать всѣмъ другимъ видамъ, исполняя ея волю въ точности, не могъ въ ходъ употребить всѣхъ нужныхъ осторожностей. По всему кажется, что сіе-то усердіе къ пользамъ Компаніи было причиною бѣдствія, претерпѣннаго кораблемъ "Нева";

ибо знанія и опытность въ морскомъ искусствѣ Капитана Лисянскаго извѣстны всему нашему флоту, и трудно согласить, чтобъ онъ, послѣ полудня видя признаки земли въ такомъ мѣстѣ, гдѣ и прежде сего было замѣчено то же, рѣшился, безъ важныхъ и побудительныхъ причинъ, въ ту же самую, весьма темную ночь, нести всѣ паруса, какіе только можно поставить бейдевиндъ, и имѣть ходу по осьми верстъ (четыре съ половиною узла) въ часъ. Ходъ сей былъ слишкомъ великъ въ водахъ, гдѣ ожидали встрѣчи съ опасностью и при такой темнотѣ, что корабль, ставъ уже на мель, во всю ночь не могъ увидѣть острова, находившагося менѣе чѣмъ въ двухъ верстахъ отъ него. Положимъ даже, что островъ былъ бы приглубъ и корабль разсмотрѣлъ бы его, подойдя къ нему на полверсты, и тогда не могъ бы онъ избѣжать опасности: ибо для проплытія сего разстоянія, при ходѣ, какой тогда имѣлъ корабль, требовалось менѣе четырехъ минутъ. Строгіе морскіе офицеры, можетъ быть, замѣтятъ и то обстоятельство, почему не всѣ служители были ночью наверху при своихъ мѣстахъ {Во второй части Путешествія Г. К. Л. на страницѣ 217-й, сказано: "Руль немедленно положенъ былъ подъ вѣтеръ на бортъ, чтобъ поворотить оверъ-штагъ, но это не помогло, и корабль, сѣлъ на мель. *Вся команда, оставивъ свои койки, бросилась крѣпить паруса,*" и проч.}, какъ сіе бываетъ въ подобныхъ случаяхъ на военныхъ судахъ; ибо скажутъ, если бъ вся команда была наверху по мѣстамъ, то при первомъ содроганіи корабля, можно было бы въ одну минуту спустить стаксели и положить всѣ паруса вдругъ на стеньгу, и тѣмъ не только остановить корабль, но вѣроятно, что заднимъ ходомъ сдвинуло бы его на глубину безъ всякаго приключенія; что очень нерѣдко случается въ мореплаваніи; вмѣсто того, поворотъ оверъ-штагъ подвинулъ его далѣе на мель, потому что когда корабль

поворачиваетъ, то онъ не вертится, какъ на шалнерѣ, а имѣетъ быстрый ходъ впередъ по дугѣ, доколѣ паруса не лягутъ на стеньгу.

Въ заключеніе скажу, что замѣчанія сіи помѣстилъ я отнюдь не въ охудженіе мѣръ, употребленныхъ на корабль "Нева" во время вышеписаннаго случившагося съ нимъ происшествія; ибо всякій морской Офицеръ знаетъ, что для вѣрнаго сужденія о дѣйствіяхъ корабля на морѣ, мало того, чтобъ видѣть, такъ сказать, наружныя его отношенія, а надлежитъ также знать разныя обстоятельства, и до внутренняго его положенія относящіяся; я же привелъ только сей примѣръ въ наставленіе, или лучше сказать, какъ дружескій совѣтъ молодымъ нашимъ Офицерамъ; ибо цѣль моя при сочиненіи сей книги состояла единственно въ томъ, чтобъ быть для нихъ полезнымъ, пока они не приобрѣтутъ собственными своими опытами нужныхъ мореходцу познаній, для достиженія коихъ, безъ пособія книгъ, не достанетъ самой долговѣчной жизни человѣческой.

Конецъ четвертой и послѣдней части.